
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, чшо бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для досшавленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ. Іюля 31 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. № XIII.

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДХОВЪ.

Вздохи и слезы! краснорѣчивые предсказавшеша мукъ сердечныхъ, шоски душевной, спраданій шѣлесныхъ! вамъ, вздохи и слезы! посвящена была вся жизнь чувствительнаго Черпополохова ... вамъ же посвящаю и мою повѣсть о немъ!

I.

Въ благословенной Москвѣ, на берегу Яузы ... рѣки для судовъ непроходимой (но для куръ безопасной)...тамъ, гдѣ маленькіе домики, одинъ другаго ниже, поражающъ своею проспошою — гдѣ не слышно экипажей (попому что нѣтъ мостовой), въ смиренной хижинкѣ громкаго человѣка (приходскаго пономаря) явился на свѣтъ Эрасъ Черпополоховъ. — Онъ явился и свѣтъ и заплакалъ ... заплакала мать, заплакалъ отецъ, заплакали всѣ домашніе: кухарка, горничная и кучеръ.

Вздохи и рыданія встрѣпили Эраста у *подбѣзда жизни* ... Къ добру? Къ худу? ... Узнаете ... читайте, сдѣлайте милоспшь.

2.

Ліодоръ Чертополоховъ происходилъ изъ древнѣйшей фамиліи... Тапарской. Предокъ его Еманчабій, за штысячу лѣтъ предъ симъ, развѣзжалъ по степямъ Ишимскимъ, съ дрошикомъ, съ саблею, съ колбасами конскаго мяса и съ сопнею удалыхъ поварищей, копорые съ радоспшо опдавали жизнь свою за полбарана. Еманчабій сдѣлался пугаломъ Сулпановъ и Хановъ средней Азіи... всѣхъ рубиль, кололь, обираль и наконецъ нашиль себѣ штысячи... барановъ, верблюдовъ, лошадей и назвался Сулпаномъ. Пошомки его, слѣдую похвальному примѣру, грабили въ свою очередь прятшелей и непرياتшелей и не опшупая опъ заведеннаго порядка, опличались искусствомъ опогнашь шабунъ, просверлишь дрошикомъ самую крѣпкую спину и смахнушь съ плечъ сразу самую упрямую голову. Упражняясь въ споль похвальныхъ искусстввахъ, они жили безподобно? пили кумысь, какъ воду

— лошадей ѣли даже въ будни. Одинъ изъ такихъ попомковъ Еманчабія, спраспный охотникъ до пушешествій, приѣхаль въ Россію инкогнипо, п. е. одинъ одиноконекъ; приѣхаль — ему нонравилось наше царство и онъ поселился въ Россіи. Назвался Акакіемъ, и сей Акакій еспь родоначальникъ фамиліи Чершополоховыхъ. Эпо случилось въ 1598 году ... А? Не правда ли, что эпо знаменишая и древнѣйшая фамилія?

3.

Такъ Ліодоръ, отецъ Эраспа, обыкновенно разсказываль, и всякой разъ съ прискорбіемъ. Всякой разъ какая-то *неясная, таинственная* задумчивость набѣгала на его лице, когда онъ заключаль повѣсть о своихъ предкахъ. Родился Эраспъ — и всѣ облака задумчивости, и всѣ пучи шайныхъ мученій спали съ лица Ліодора ... какъ шеапральный занавѣсъ по окончаніи романшическаго предспавленія. Онъ отецъ — знаменишая фамилія Еманчабія воскресла!

4.

Ліодоръ, опспавный Аршиллеріи Шшыкъ - Юнкеръ былъ человекъ пылкій,

честнолюбивый. Жена его, Юлія, дочь Артиллерійскаго Прапорщика, принесла ему въ приданое помѣстье въ Курской Губерніи. Помѣстье изрядное; но Лѳодоръ, привыкшій къ столицѣ, потчасъ перевезъ его въ Москву и поселилъ на своей кварширѣ. И изъ этого помѣстья вышли: кухарка, горничная и кучеръ.—Юлія спрашно любила Лѳодора; кропкая, нѣжная чувствительная любовь мужа и чпеніе удовлетворяли всѣмъ потребностямъ ея нѣжнаго сердца. Она никуда не выходила, и въ уединеніи своемъ была, какъ фіалка въ Марьиной рошѣ.

5.

Давно уже супруги желали имѣть наследника — давно уже ... года при, или чешыре. Она желала шого тихо, скромно ... онъ громко. Наконецъ все въ домѣ успокоилось рожденіемъ Эраспа ... Такъ исчезающъ въ опдаленіи крики чернаго ворона ... шакъ замирающъ шреди нѣжной малиновки!

Но Эраспъ плачешъ; и слезы его имѣющъ симпатическое дѣйствіе на глаза родишелей. — “Какъ я счастлива!,, шеп-

чепъ машь, упирая бѣлымъ полопня-
нымъ плапючкомъ большіе голубые глаза
свои.—“Какъ хорошь Эраспъ!”, говоришь
ошець, поднося къ чернымъ глазамъ сво-
имъ синій, клѣпчатый, носовой плашокъ.
Какая карпина! О Грезъ!!

6.

Прошли дни, недѣли, годы . . . и вопшь
Эраспу уже пять лѣтъ. Познакомпесь
съ Эраспомъ; онъ не дурень, онъ очень
похожь на опца: по же смуглое лице,
тѣ же черные глаза, пошь же орлиный
носъ ... Заговорите съ нимъ — какъ онъ
миль! Совершенная машь! Также добрь,
чувспвишелень, нѣженъ, соспрадашелень!
Одна бѣда: у него боляшь глаза; онъ без-
преспанно плачешъ; все огорчаешъ его,
и слезы не переспающъ лишься изъ чер-
ныхъ глазъ Эраспа. Опъ чего же эшо?
Опъ двухъ причинъ: опъ чувспвишелельно-
спии сердца и чувспвишелельноспии глазъ.
Юлія, кропкая, домовишая Юлія, обькно-
венно сидишь дома и чишаешъ романы;
ея любимый романъ: *Жизнь и приключе-
нія Лазариля Торискаго*, романъ разди-
рающій сердце и наводняющій глаза; на

каждой спраницѣ надобно или вздыхашь, или плакашь, или рыдашь. Она чишаешь, а маленькѣй Эрасшъ, сидишъ подлѣ нее; въ двадцашъ чепвершый разъ перечишываешь она Лазариля, съ новымъ удовольствіемъ, со свѣжими слезами. Эрасшъ плакаль, плакаль и у него испоршилось зрѣніе, и слезы бѣгупь изъ глазъ его, даже и шогда, когда говоряшъ ему: *здравствуйте!* Такъ неоспорожные родишели разсправляюшъ дѣшскую чувспшвительносшъ и неревную сисшему бѣднаго ребенка. Правду сказаль Пешпарка: *на свѣтѣ нигто непродолжительно, кромиѣ слезѣ **).

7.

Опець Ліодора ошъ рода не чишаль никакихъ книгъ; ошъ шого имѣль прекрасное зрѣніе, и былъ человекъ дальновидный. Онъ не хошѣль вѣришъ (холодное созданіе!), чшо можно плакашъ, чишная вздоръ, и не шушя сердился на чув-

*) Мысли, характеры и портрешы, Князя Шаликова. Москва, въ шип. Селивановскаго, 1815, сшран. 56.

спвишпельную Юлію и слезливаго Эраспа: онъ не зналъ, что плакашь еспь сладоспрасшіе....сладоспраспіе душъ высокихъ и чувспвишпельныхъ! Ему не нравилось воснипаніе, кошорое получаешь дома его единспвенный наслѣдникъ и послѣдняя опрасль Еманчубіева рода: онъ внушпенно убѣдился въ необходимости хорошаго учипеля, и опдалъ Эраспа — въ приходское училище. Эраспа вырвали изъ обълпшій машери, посадили на сосновую скамѣчку, дали въ руки азбуку: жеспокій учипель, съ коспяною указкою въ рукахъ, ужаснымъ голосомъ спрубилъ ему въ уши: *азб, буки, вѣди....* Бѣдный Эраспъ! куда завлекла пелбя любовь родипеля?

8.

Чеспыре года непрерывно сидѣлъ Эраспъ на сосновой скамѣйкѣ, съ книгами, прописями и аспидною доскою; всему охошно учился и вѣрно превзошелъ бы всѣхъ поварищей, еслибъ не зрѣніе!..Но, что прикажете дѣлать, когда онъ едва видишь и то, что у него подъ глазами; а учипель спребуешь, чтообъ Эраспъ видѣлъ издали то, что пишуть вдали мѣ-

ломъ по черной доскѣ. Это также не возможно, какъ видѣшь свои уши. Эраспъ плачеть—и все ничего не видишь; наконецъ учитель догадался, что Эраспъ близорукъ и заключилъ: *близорукъ, слѣдственно неспособенъ къ ученью*. Въ слѣдствие мудраго рѣшенія, Эраспъ возвратился въ домъ родительскій, къ опцу, мамери и Лазарилю Тормскому; но онъ возвратился уже не такимъ, какимъ вышелъ. Онъ человекъ просвѣщенный: умѣеть читать и писать; онъ уже прочелъ десятка два романовъ; онъ уже судить о свѣтѣ и людяхъ; онъ уже писалъ стихи на день рожденія Юліи...Чего еще недостаетъ ему, чтобъ удивить свое опечество?...но..на родинѣ никто пророкомъ не бывалъ!

9.

“Учитель справедливъ!”,—сказалъ Людоръ, посмопрѣвъ на своего сына—“Эраспъ знаетъ все, что нужно знать, и ему пора явиться на службу! Я самъ принадлежалъ къ вступилъ въ Арпиллерію!”,—Но онъ такой слабый, сказала Юлія — “Слабый! шемъ лучше! Ружье слабое

крѣпительное!,,—И въ самомъ дѣлѣ, Ліодоръ записалъ Эраспа, въ Егерскій полкъ. Эраспу только что минуло 16 лѣтъ. Важная эпоха въ жизни: вступленіе въ службу, вступленіе въ свѣтъ! Но опъ чего Эраспъ такъ печалень и плачешъ болѣе обыкновеннаго? Не уже ли знаменишый попомокъ Еманчабія боишся военной жизни? Нѣтъ! не пули и ядры спрашають его—а разлѹка съ родиной, разлѹка съ пихой, сѣмейственнѹю! Вошь онъ является уже въ мундирѣ... Юлія падаешъ въ обморокъ... Эраспъ рыдаешъ—ошець пихонько оперъ слезу, которая медленно капилась по смуглой щекѣ его ... “Эраспъ! Эраспъ! кричишь машь...Ахъ! я тебя болѣе не увижу!,,—Увидишь! увидишь! говоришь Ліодоръ шоржесственнымъ голосомъ; онъ возврашится къ намъ Генераломъ! Да! Генераломъ! Слышишь ли, Эраспъ? Помни только, что ты древней дворянской фамиліи, и оставъ все прочее на попеченіе судьбы! Вошь все, что тебѣ совѣшуетъ ошець!... Съ Богомъ! — Ліодоръ поцѣловалъ Эраспа — машь оросила его кипящими слезами...Тройка удалыхъ коней помчала Эраспа въ полкъ и къ Генеральству!..

Эраспъ, прекрасный молодой чело-
вѣкъ: доброе сердце, спокойный умъ, и
больные глаза опличающъ его отъ всѣхъ
поварищей по службѣ. Но удѣлъ чело-
вѣства: несовершенство, и въ Эраспѣ
нашли множество недоспашковъ. Онъ,
по старой привычкѣ, воображаетъ себя
героемъ романа; чувствительнымъ, какъ
нетронъ меня; храбрымъ, какъ Ерусланъ;
справедливымъ и спрогимъ, какъ школь-
ный надзиратель... Чтожъ вышло? Онъ
одѣлался предметомъ насмѣшекъ! Отъ из-
лишней чувствительности, онъ не лю-
битъ ученья, не можетъ безъ слезъ ви-
дѣть часоваго, а рекрутъ для него не-
испощимый предметъ воздыханій... Во-
ображая себя храбрымъ, онъ никогда не
выходитъ изъ дома безъ шапки — ходитъ
съ возвышенною главою — пребуетъ объ-
ясненія всякаго непонятнаго, или дву-
смысленнаго слова; воображая себя спра-
ведливымъ, вмѣшиваешься въ чужія ссоры,
ходатайствуетъ за виновныхъ солдатъ,
миритъ, грозитъ, орапорствуетъ... На-
смѣшки, оскорбленія сыплющя на Ры-

царя Эраспа; Эраспъ ненавидишь дуели и шерпишь...но шерпѣнїе его испощилось; онъ видишь себя посмѣшищемъ, всего полка, и въ огорченїи, въ досадѣ, идешь къ Полковому Командиру; изливаешь передъ нимъ всю скорбь свою въ самыхъ нѣжнѣйшихъ выраженїяхъ: слезы, вздохи, *увы* и *ахи!* съ избыткомъ украшающъ его краснорѣчивое предспавленїе. Командиръ, которому давно уже не нравились слезы и рыцарство Эрасповы, Командиръ слушаешь его съ непоколебимымъ хладнокровїемъ, куришь трубку и слова Эрасповы исчезаютъ вмѣстѣ съ дымомъ кнаспера. — Наконецъ Эраспъ кончилъ свою рѣчь; лице его пылаешь; черныя, густыя брови нависли на орлиный носъ его; прозрачная слеза виситъ на длинныхъ рѣсницахъ...онъ молчитъ и ожидаешь отвѣта Командира...Командиръ подходитъ къ Эраспу, дружески беретъ его за пылающую руку и самымъ крошккимъ голосомъ говоритъ ему: “жалобы ваши основательны; но для собственнаго спокойствїя вамъ должно оставишь полкъ, . . .”, — Какъ? я долженъ оставишь полкъ? — спрашиваетъ Эраспъ, и слеза,

висѣвшая на рѣсницѣ, скапилась на кончикъ его носа.—Почему? — “Поптому, что вы слишкомъ чувствительны....,—И вы это говорите!—“Да, я говорю, что вамъ приличнѣе сидѣть за пальцами и вышивать розы и незабудки, чѣмъ ходишь въ карауль и маршировать... Пришомъ вы сами видите, что ваши слезы и вздохи здѣсь никому не нравятся, можешь быть, и опъ того, что *теловѣкъ, вздыхающій при пустотѣ головы и сердца, похожъ на порожній ботенокъ, изъ котораго выходятъ звуки дѣйствіемъ воздуха* *).,—Сказавъ эту галимашю, Командиръ поклонился Эраспу и вышелъ изъ комнаты...

Эраспъ оспался на мѣспѣ — какъ будто ноги его приросли къ сапогамъ, а сапоги къ полу. Неожиданное рѣшеніе Командира заморозило испочникъ слезъ его—голова кружится, и онъ безъ чувствъ падаетъ на безчувственный полъ.

II.

Эраспа перенесли на его кварширу:

*) *Мысли, характеры и портреты.* 1815 въ шип. Селивановскаго. стран. 73.

слѣдствіемъ обморока была порядочная шишка на запылкѣ. Онъ понимаетъ, что ему нельзя уже оставаться въ полку и подаетъ просьбу въ опасавку... для поправленія разстроенаго здоровья. Уныніе, грусть, тоска, скорбь, печаль, горестъ грызуть его сердце; онъ мраченъ, пасмуренъ, холоденъ, какъ осенняя ночь; слезы не пересыхаютъ наводняшь глаза его. Но эти слезы не роса утренняя, оживляющая цвѣты поблеклые; это капли крѣпкой водки, сожигающей мѣдъ и желѣзо. Бѣдный, несчастный, злополучный Эрасъ! Онъ отказывается даже отъ кушанья..Напрасно Федотъ, его дядька, предлагаетъ ему кофе со сливками и сахарями; напрасно поощуетъ его супомъ съ макаронами и жаренымъ барашкомъ... Эрасъ не внимаетъ Федоту; питается одною грустью, пьетъ однѣ слезы. Голодь взялъ свое, и Эрасъ занемогъ: открылась ужасная горячка съ бредомъ..Полковный лѣкаръ божится, что отъ рода не видалъ такой болѣзни, и рѣшительно объявляетъ, что Эрасъ не проживетъ и двухъ дней! Лѣкаръ обманулся! Дай Богъ, чтобы они чаще такъ обманыва-

лись! Эраспъ выздоровѣлъ, но сдѣлался совсемъ другимъ человѣкомъ: Онъ воображаетъ себя паспушкомъ, оставленнымъ невѣрною паспушкою, пишеть безпрестанно пѣсенки, и когда вся природа покоится подь *одѣялою* ночи, когда палевая луна рисуеть золотыя спекла на полу Эраспова жилища—Эраспъ, съ унылою подругой скорби своей, съ гитарою; сидишь у окна и поеть пеноромъ пѣсни и баллады..Никпо не внимаеть ему, кромѣ спящей природы и Федота, кошорый сидишь въ передней, и со вздохами повпоряеть: бѣдный Эраспъ Людоровичъ! онъ совсемъ ряхнулся!,,

12.

Ужасная вѣспъ, о несчастіяхъ Эрасповыхъ, коснулась ушей родительскихъ ..Въ слезахъ Юлія—въ бѣшенствѣ Людоръ! Рыдая, посылають они плачущаго дворника за подорожною—рыдая, сядишь въ повозку, и скачуть, безпрестанно вздыхая къ своему милому, больному Эраспу. Какое свиданіе! Рѣки слезъ пролишы изъ глазъ несчастнаго сѣмейства: нѣтъ счета рыданіямъ!

Слезы очень приятны для любителя ихъ; но увы! нельзя вѣчно наслаждаться ими, и въ одну изъ пѣхъ минуть, когда Юлія и Эрасъ могли только вздыхать, Ліодоръ предложилъ имъ возвратиться въ Москву... Эта самая простая и обыкновенная мысль воскинула Эраса — онъ бросился въ объятія отца, попомъ поднялъ глаза къ потолку, приложилъ руку къ сильно бьющемуся сердцу и сказалъ: “Въ Москву! въ Москву! Тамъ найду незаходимое солнце счастья! Тамъ примирюсь съ враждующею судьбою и обнимусь съ молодою жизнью!...”,

На другой день, чувствительное семейство оставило полкъ. Эрасъ спокоенъ: онъ сидитъ между виновниками своего бытія, и держитъ въ одной рукѣ гитару, виновницу поэтическихъ вдохновеній—а въ другой сжимаетъ руку Юліи. Ліодоръ куритъ трубку..

13.

“Приспанище въ семь мѣръ есть!”, сказалъ Эрасъ, возвратясь подъ уединенный кровъ родительскаго жилища. — Тутъ онъ совершенно посвятилъ себя

Словесности: купилъ Французскую азбуку и разговоры; пославилъ на окнахъ резеду и банки съ ландышами; сдѣлалъ вѣнокъ изъ васильжовъ и повѣсилъ его на гишару; на письменномъ столикѣ положилъ деснь бумаги...и счаслививъ! счаслививъ, какъ только можешъ бышь чувствительный авпоръ, пющій испочникъ наслажденій чистыхъ изъ чаши бышя!

Едва Аврора нарумянишь края горизонша и злаповласый Фивъ покашишся по безбрежному океану лазури, Эраешъ...пьешъ кофе—кофе, напишокъ любезный дѣшямъ Аполоновымъ—кофе, прославленный и Вольперомъ и N. N...

Шесшь, семь чашекъ, и кровь Эрасова приходишь въ бѣльшее движеніе; пульсъ начинаешъ бишь 99 разъ въ минушу, и онъ берешъ перо; и новая элегія, или баллада, или повѣсшь, спекаюшь съ пера его. Тупъ новое наслажденіе! Онъ идешъ къ Юліи и чишаешъ ей свою прозу, свои стихи..Они проливаюшь жаркія слезы надъ каждымъ шрогапельнымъ стихомъ и недовольные собсвеннымъ наслажденіемъ, дѣляшь его съ домашними. Призываюшь кухарку, горничную, Федоша, и

проливаюшъ въ ихъ просныя сердца чистыя удовольствія!..Иногда и Людоръ слушаешъ Эраспа—но чѣмъ лучше стихи, шемъ мрачнѣе лице Людорово, и онъ съ безмолвнымъ укоромъ смопришь на несправедливое небо, опдалившее Эраспа ошъ генеральства! Но вдругъ — счастье чувствительнаго сѣмейства возмушилось, какъ воды Яузы въ весеннее время: Юлія, чувствительная Юлія занемогла... и вскорѣ...съ помощію Доктора, духъ ея воспариль въ безоблачныя селенія!..Людоръ въ опчаяніи — Эраспъ, рыдая, пишешъ элегію и эпиграфію!..

О! благодѣтельный даръ Поэзіи! шебѣ обязанъ Эраспъ своимъ спокойствіемъ! Онъ не думаешъ объ умершей, но перзаешся надъ стихами въ памяшь ея!..и въ то время, когда опушили въ землю гробъ Юліи, Эраспъ окончиль послѣдній стихъ—и побѣжалъ въ шипографію..Какой нѣжный сынъ! И какъ счастливы родители стихопворца!

Элегія прославила Эраспа. Въ то время очень немногіе осмѣливались печашапъ

свои произведенія, а кто разъ узналъ это наслажденіе, тошъ безъ всякаго спора поступалъ въ авторы, и имя его тошчасъ дѣлалось извѣстнымъ. Счастливое время!

Эрасшъ прославился: знакомые не иначе называли его какъ поэтомъ. Женщины, копорья въ то время начали занимашься Русской грамошою, женщины (разумѣется самыя чувспивительныя) восхищались Эрасшомъ! “Какъ нѣжень Чершополоховъ! говорили онѣ. Какой пламенной слогъ! Какъ онѣ умѣешь любишь!,, — Но Эрасшъ не зналъ еще *цѣта жизни*, ш. е. любви. Сердце его, правда, давно уже *просилось* любишь, и искало во всей природѣ сердца, копорое бы понимало его, и души, копорая бы *породнилась* съ его душою... Онѣ испыталъ уже все, чемъ спрадають Элегическіе Поэты. Ему знакомы были: это желаніе *того-то* роднаго, пошнянаго душѣ, но шайнственнаго — это сладоспращное наслажденіе въ мечшахъ *о ней*, и пр. и пр. Во снѣ и на яву, въ прозѣ и спихахъ шоскуешь Эрасшъ *о ней* ... ищешь *ее* во всемъ проспранномъ свѣшѣ ... Его часъ пробиль — онѣ влюбленъ — онѣ нашель *ее* — вопшь какъ это случилось.

Въ Августѣ . . . въ одинъ изъ шѣхъ ясныхъ дней, копорыми даришь насъ умирающая природа, прощаясь съ лѣпомъ, Эрасъ, съ поскою въ душѣ, со сладоспнымъ шрепешомъ въ сердцѣ, съ шросшочкой въ рукахъ — гуляль въ Нескучномъ саду. Перелешный вѣшерокъ лепешаль съ желпѣющими лисшочками березы и съ колючими иглами сосны . . . Солнце пламенными лучами согрѣвало хладѣющую ашмосферу . . . Эрасъ — подшодилъ къ берегу Москвы рѣки . . . *смотритъ незря* въ ея шихія воды . . . шайныя желанія, мечшы о *былоиѣ* и *туманѣ* будущаго шѣсняшя въ груди его . . . Онъ садилъся на поблекшую шправу — и погружаешя въ сладоспную задумчивоспшь.

Вдругъ — очаровашельные звуки, на крылахъ Зефира, пролепають въ слухъ Эрасша . . . Онъ *кидаетъ* кругомъ, себя быспрый взоръ — и видишь въ ближайшей бесѣдкѣ двухъ женщинъ. Сердце его зашрепешало — глаза *остались* неподвижно ушпремленными на бесѣдку и незнакомокъ . . . Онъ *вспаешъ* . . . “Que la Nature

est grande!, сказала со вздохом самый музыкальный голосъ ... Эраспъ внѣ себя.. приближается къ бесѣдкѣ и видитъ... Ахъ! какъ описать совершенство красоты? Онъ видитъ — живой идеалъ шой, кошорую рисовало его пламенное воображеніе ... онъ видитъ *ее* ... давно знакомую душу его—родную сердца—и о счастье! съ нимъ начинаютъ говорить—*здравствуйте, Эрастъ Лидоровичъ!* Эраспъ Лидоровичъ подходитъ ближе, еще ближе, и узнаетъ въ одной изъ женщинъ спаринную знакомую Юліи... Но кто другая — но кто эта прелестная?

16.

Агнесса Трофимовна, почтенная вдова почтеннаго Генерала, жила въ Москвѣ, совершенно посвятивъ себя воспитанію единственнаго сына. Имѣла хорошее сословіе, любила Русскую Словесность и знакомство съ авшорами, и эта Агнесса Трофимовна сказала Эраспу: *здравствуйте!* Эраспъ бросился къ ея ручкѣ — спросилъ о здоровьѣ — похвалилъ погоду, садъ, видъ и — онѣмѣлъ взглянувъ на незнакомку ... Но кто она, эта знакомая незна-

комка? Эраспъ бываешъ въ домѣ Агнессы, и никогда не видалъ шамъ ничего похожаго на прелеспную? Кпожь она? Вопъ вопросъ, копорый защекопалъ любопытство Эраспово. Наконецъ *туланъ неизвѣстности поднялся въ ясную высоту достовѣрности* ... “Рекомендую вамъ, мою племянницу!”, говоритъ Агнесса. — Какъ сударыня?—“Да, эшо моя племянница!”, — Эраспъ ... покраснѣлъ; ему спало шакъ весело! онъ въ восхищеніи — сердце его бьется живѣе — вся природа, кажешся, улыбнулась ему — и все эшо опъ шого, что прелеспная — племянница Агнессы Трофимовны ... Пылкое воображеніе Эраспа заиграло: онъ уже видипъ себя другомъ прекрасной, чипаешъ съ нею романы, поешъ съ нею романсы, повѣряешъ ей свою грусть, снискиваешъ ея довѣренность ... Но опкуда взялась эша племянница? ... Сію минушу скажу.

17.

Племянница Агнессы Трофимовны, Аполлинарія Семеновна, воспитывалась въ Пешербургѣ въ пансіонѣ Мадамъ Депари.

Родилшели ея скончались поодиначкѣ, и Аполлинарія приѣхала къ шешкѣ.

Аполлинарія была прелестна какъ... нельзя болѣе; 17 лѣтъ, любезность, пропасшь шаланшовъ и *нота бене* богатство!! еще болѣе возвышали ея прелести. Эрасшь влюблень! *Какая минута для образованія ума и сердца! для узрѣнiя темныхъ, великихъ истинъ* *)!

18.

Эрасшь, влюбленный Эрасшь, шеперь, всякій Божій день является въ домъ Агнессы, и *упивается* любовью. Думаешь объ одной Аполлинарiи, пишешь ей стихи; словомъ, свяшо исполняешь все шо, чшо шребуешься ошь спрасшнаго любовника. Наспало ушро, и неперпѣливый, пылкiй Эрасшь ходишь по комнашѣ (разумѣешь большими и неровными шагами) сложа руки, ушремя глаза въ пополокъ. Вздохи со свиспомъ излепашошь изъ его легкихъ; *сладкiя* слезы омочашошь его блѣдныя щеки и кружевныя манжешы. Иногда *бросается* онъ... къ письменному спо-

*) Повѣсти К. Шаликова, стр. 79.

лику — *хватаетъ* перо — и рисуешь вензель несравненной . . . бьешь 2 часа — и онъ, *нетерпѣливою рукою*, снимаетъ съ гвоздика свою пуховую шляпу, и *летитъ* пѣшкомъ, или на дрожкахъ — къ Аполлинару! Чемъ ближе онъ къ жилищу прекрасной, темъ сильнѣе бьется его *животрепецущее* сердце . . . Дыханіе дѣлается неровно, удушливо . . . маленькая лихорадка пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ его . . . Входишь въ госпинную, видишь Агнессу сидящую за гран-пасьянсомъ, видишь Аполлинару . . . и огонь вспыхиваетъ въ помныхъ глазахъ его, и лице его пылаетъ . . . и ему кажется, будто вся природа рукоплескаетъ ему!

Изъ приличія онъ начинаетъ разговоръ съ пешкой о новоспяхъ, о погодѣ, *нетерпѣніе* пробивается въ его рассказъ. Наконецъ ему можно подойти къ Аполлинару. Съ робостію садится подлѣ прелестной, какъ можно далѣе запряшываетъ свои ноги подѣ кресла — и дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ ее о здоровьѣ, спокойно ли она почивала, въ кошоромъ часу проснулась? Аполлинару откровенно и подробно отвѣчаетъ на его вопро-

сы ... Какое наслаждение для Эраспа! Но этого ему не довольно. Вошь подаюшь закуску ... Аполлинарія предлагаешъ ему водку, сыръ, селетки, икру ... Онъ съ жадностію — слушаешъ слова прекрасной и кушаешъ. Приносяшь Московскія газеты, журналы: Агнесса просишь его читашъ. О счастье! Аполлинарія его слушаешъ — иногда оставляешъ свое рукодѣлье и успрямляешъ все свое вниманіе на слова чувспвишельнаго лектора. Тогда голосъ Эраспа измѣняешся; дрожишь, лишеры сливаюшся въ одну черную полосу ... но что можешъ сравнишься съ его блаженствомъ, когда Аполлинарія нѣжнымъ голосомъ говоришь ему: “Какъ вы хорошо читаете!”, — Нѣшь словъ для описанія его счастья. Онъ, шакъ сказашь, плаваешъ, погружаешся, *топится въ морѣ пронзительнаго наслажденія!* Слѣдуешъ обѣдъ. Онъ сидишь прошивъ Аполлинарія, и по обыкновенію всѣхъ бывшихъ и шеперешнихъ любовниковъ, болѣе смопришь на прекрасную, чемъ ѣсшь и пьешъ; не забываетъ однакожь, поднося, къ поблеклымъ усшамъ своимъ рюмку съ Медокомъ, или Сошерномъ, нѣжно взглянушь на пре-

красную, выишь разомъ, и *медленною* рукою поставишь рюмку ... Послѣ обѣда музыка — Аполлинарія сѣдится за фортепiano ... Тупъ Эрасъ не помнишь уже ничего на свѣшѣ! Часто приглашали его съ собою въ театръ и на гулянье ... Онъ сидишь въ одной каретѣ съ прекрасною... и пр. и пр.

19.

Такъ, или почти такъ Эрасъ проводишь дни свои... Чпожь Аполлинарія? Не уже ли она не примѣчаешь любви его? Не уже ли она холодна ко всемъ признакамъ *его пожирающей страсти*? Аполлинарія? Она спранныя дѣвушка! Ей кажешся — вообразише! будпо бы Эрасъ не въ полномъ умѣ? Заговоряшь ли о немъ? Она печально качаешь своею головкою, и еще печальнѣе говоришь: “жалъ его!,, — Почему? — “Онъ сумасшедшій!,, — Но я этого не примѣчаю: онъ говоришь порядочно, никогда не забывается — “Ахъ, пепушка! Но развѣ вы не примѣшили, чпо онъ безъ опдыха вздыхаешь; вздрагиваешь при малѣйшемъ шумѣ, и слезы безпреспанно текутъ изъ глазъ его.,, — Это опъ слабости нервъ. — “А шоска его? А

спихи его, въ копорыхъ все жалуется на прошедшее и боится будущаго, и въ копорыхъ я ничего не понимаю? А повѣспи его, гдѣ недокончанныя фразы закрашены милліонами почекъ и восклицательныхъ знаковъ?, — Ты несправедлива: его спихи многимъ нравящся—повѣспи его прогашельны — “А помниш ли, какъ принесъ онъ мнѣ однажды скляночку...я думала, что въ ней духи...Чтожь вышло? *Это мои слезы!* сказалъ онъ: *драгоценныя слезы!* я пролилъ ихъ, думая объ васъ! Нѣтъ, шепушка, онъ: *почно сумасшедшій!*”, —Такъ говорила Аполлинарія.. Бѣдный Эраспъ! справедливо сказалъ чувствительный Пупешественникъ въ Малороссію, что *наши красавицы цинное, тонкое, вѣжливое привѣтствіе въ языкѣ стихотворноиъ принимаютъ холодно* *)!

20.

Въ ту самую минушу, когда жестокая Аполлинарія произносила свой ужас-

*) Мысли, характеры, и поршрешы.
Стр. 101.

ный приговоръ Эраспу — Эраспъ входилъ въ комнату и все слышалъ ... Предоставляю людямъ съ лепучимъ воображеніемъ постигнувъ весь ужасъ его положенія! Еще въ передней былъ онъ на высочайшей ступени земнаго блаженства—былъ счастливъ, какъ всѣ соединенные счастливцы сего міра ... вошелъ въ залъ, подошелъ къ дверямъ госпинной, и счастье его, и блаженство его, и радости его, разбились и разлепѣлись, какъ обломки чистаго зеркала выброшеннаго на мостовую! Онъ не имѣлъ духа войши въ госпинную, закрылъ плашкомъ и руками лице свое, мертвою блѣдностію покрытое, и какъ пѣнь проклятія побѣжалъ—на свою кварпиру.—Отчаяніе въ его сердцѣ, безнадежность въ душѣ, оскорбленіе въ умѣ, пораженіе въ разсудкѣ, слезы въ глазахъ, трепеть въ ногахъ, жаръ въ пылающей груди!

(Продолженіе въ слѣд. N^o.)

ЕЩЕ МИНУТОЧКУ.

Еще минуточку!—говорить дочь своей махери, видя, что па надѣваетъ свою шаль и хочешь выдти изъ залы, въ которой еще панцуютъ, гдѣ пакъ весело, гдѣ прѣмилый, молодой человекъ сказалъ ей, что она прелесно панцуешь.

Еще минуточку!—говорить болпунъ, который встрѣчаешся съ вами на улицѣ, который не опспаешъ опъ васъ и не умолкая, рассказываетъ всякой вздоръ и который удерживаетъ васъ за пуговицу вашего плашья, когда вы хошите опъ него уйши.

Еще минуточку!—говорить несчастный игрокъ выигравшему . . . Последній вспаешъ съ мѣста, довольный своимъ вечеромъ, и весело оставляетъ игорный споль—съ нимъ исчезають деньги и надежда опыграшья проигравшаго, который упопрѣбляетъ все свое краснорѣчѣе, чтобъ удержашъ поржеспвующаго и утомленнаго побѣдишеля.

Еще минуточку! — говоритъ любовникъ своей милой, которую онъ можетъ видѣшь на самое корошкое время и шай-

но.—“Но меня будушь бранишь,, — опивъ-
чаешъ бѣдненькая , копорой поже не
хочешся распашься со своимъ любезнымъ
и копорая оспаешся, повпоряя безире-
спанно: “иду...!,,

Еще минутокѹ! — говоришь пущеш-
шешивенникъ надзирателю дилижансовъ
—“Я забыль нужную вещь...Пиши же ко
мнѣ почаще!—говоришь онъ своей женѣ—
Миша! веди себя хорошенько безъ меня!..
Сію минушу! Сію минушу! . . . Ахъ, Боже
мой! я забыль свою шабакерку!,,

Еще минутокѹ!—говоришь умираю-
щій—Напрасныя просьбы! Жеспокая бо-
гиня неумолима:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles :

On a beau la prier;

La cruelle qu'elle est! se bouche les oreilles

Et nous laisse crier.

(Изъ Journal des dames et des modes, de
Francfort.)

МИНУТНЫЙ РОМАНЪ.

Нѣтъ, милые друзья, романъ мой продолжался одну только минушу — но едва не спойлъ мнѣ жизни! Ахъ! какъ она была хороша! Я завидѣлъ ее еще издали! ... Она сидѣла въ щегольскомъ кабриолетѣ — и съ неизъяснимою прелестію управляла гордымъ конемъ. — Кто она? Воображеніе мое наполнилось мечпаніями. Большая соломенная шляпа возвыщалась на безподобныхъ плечикахъ; во всемъ нарядѣ ея примѣшны были и щегольство и небрежность. Она плѣнила меня еще прежде, нежели успѣлъ я разсмотрѣть ея черты; когда же я увидѣлъ ея прелестныя, русые волосы и большіе, голубые глаза — сердце мое наполнилось удивленіемъ и любовью... Она подѣзжаетъ ближе: чѣмъ бы поспоронись, я приближаюсь къ ней и узнаю изъ ея улыбки искреннее самодовольство, это счастье быть прекрасной, эту увѣренность въ могущество своемъ, кошорую такъ ясно видя въ женщинахъ въ глазахъ нашихъ ... Но увы! плащъ наблюдателя запусываетъ въ колесѣ ... Теперь начинается прагическая

глава моего романа. Я замѣтилъ въ ея прелесныхъ глазахъ какое-то участіе, смѣшанное съ пайной гордосцію. Кабриолетъ останавливается: она не много наклоняется, колесо сворачиваетъ и уноситъ къ Ипальянскому бульвару предметъ всѣхъ моихъ желаній и... мою минувшую спрассь!

(оттуда же.)

~~~~~

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

Довольно одного опличнаго качества — для героя; нужно сто добродѣтелей — для мудраго.

— Нѣтъ ничего смѣшнѣе глупца съ претензіями; ничего несноснѣе умнаго человѣка, копорый не любезенъ; ничего подлѣе мужа, добровольно слѣпаго; ничего развращеннѣе человѣка, копорый всѣми способами стараешся соспавишь себѣ соспояніе.

Что значить бышь добродѣтельнымъ?
... Умѣшь пропивишься.

Лучшее доказательство познания самого себя есть снисхождение къ поступкамъ другихъ.

Часто случается, что шѣ, которые менѣе зѣвають сами, болѣе заставляють зѣвать другихъ. — Ученые, глупцы и любовники служатъ пому доказательствомъ.

Для несчастнаго нѣтъ прекрасной погоды.

Когда женщина смотрится въ зеркало, то не столько спекло, сколько воображеніе отражаетъ черты ея.

Отъ чего многіе такъ щедры на совѣты? ... Отъ того, что они не споятъ ничего и льстятъ самолюбію того, кшо даетъ ихъ.

Въ обществѣ встрѣчаются люди, которые, говоря о вещахъ обыкновенныхъ, стараются выказать свою ученость. Они походятъ на шѣхъ, которые вынимають изъ кармана горсть золота и се-

ребра для того только, что бы дать нищему самую мѣлкую монету.

Многіе стараются упоить любовь въ винѣ, не думая о томъ, что плутовка умѣетъ плавать.

Бомарше утверждаетъ, что любовь есть романъ сердца, а удовольствіе его исторія. Ларошфуко говоритъ: “одинъ только есть истинный родъ любви, но множеству копій.”,

---

Какъ несносно слышь умнымъ человекомъ на бумагѣ и глупцомъ въ обществѣ!

Вельможи имѣютъ удовольствія; народъ имѣетъ радость.

Религія и законы суть два косолапа, безъ которыхъ человекъ не можетъ удержать себя въ равновѣсіи.

Говорящій съешь, слушающій жнешь.

Вода не задерживается на горахъ, а гнѣвъ въ благородномъ сердцѣ.

Тайна есть своя невольница, доколѣ умѣешь ты хранишь ее — открой ее и она сдѣлается своею госпожею .

Кто съешь обиду, тотъ нерѣдко пожинаешь мщение .

(Съ Франц.)

~~~~~

АНЕКДОТЫ.

1. Догадливый Путешественникъ.

Богатый Англичанинъ, кошорому очень понравился Парижъ, занемогъ. Докшоръ предписалъ ему: путешествовать пять, или шесть мѣсяцовъ и проѣхать до 1800 миль; впрочемъ не назначилъ ему, куда онъ долженъ ѣхать. — Черезъ шесть мѣсяцовъ Англичанинъ, совершенно здоровый, являешся къ Докшору. — “Гдѣ побы-

вали? Откуда?», спрашиваетъ Докпоръ. — Изъ Версали, отвѣчаетъ Англичанинъ. — “Какъ изъ Версали? Развѣ вы забыли, что вамъ необходимо нужно было проѣхать по крайней мѣрѣ 1800 миль., — Я и проѣхалъ сполько, говоритъ Англичанинъ; но такъ какъ я люблю Парижскія респораціи и шеашры, то и расположилъ все такъ, чтобъ въ одно и тоже время выполнить ваше предписаніе и мои собственныя прихоти. Такимъ образомъ каждое утро я отправлялся въ Версаль; по прибытіи туда садился въ другой дилижансъ, возвращался въ Парижъ и опять ѣхалъ въ Версаль, откуда немедленно скакалъ обратно въ Парижъ. Вотъ вамъ мои подорожныя; я путешествовалъ цѣлые полгода и проѣхалъ ровно 1800 миль, не пропуская ни одного спектакля и исполнивъ въ точности ваше предписаніе.

2. *Догадливая дама.*

Одна дама, живущая въ Сен - Жерменскомъ предмѣстіи, у кошорой всякую недѣлю раза два собираются, если не любители банка и шпоса, то большіе охотники до экарше... эта дама замѣшила,

что множество экипажей, передъ ея домомъ, можетъ подасть поводъ къ разнымъ шолкамъ и дотадамъ, невыгоднымъ для доброй славы, копорю она пользуется—замѣшила и нашла средство сохранить наружное благочиніе. Она приказала всѣмъ кучерамъ особъ, забавляющихся на ея зеленыхъ поляхъ, опѣзжашъ на площадку передъ богадѣльнею. Благодаря сей шагѣмъ, почтенная дама безопасна; проходящіе, видя шакое множество экипажей передъ богадѣльнею, въ изумленіи думаютъ: какъ соспрадашельны богашые люди!

3. Собака Морица.

Большая дворная собака забѣжала однажды въ споловую Морица, Принца Оранскаго, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ и спряшалась къ нему подъ кресла. Принцъ велѣлъ прогнашъ ее. На другой день, во время обѣда, собака опять явилась—опять ее прогнали — и попомъ нѣсколько дней сряду, какъ шолько садился за споль Мориць, откуда ни бралась собака и ложилась у ногъ его. Споль постоянная привязанность пронула наконецъ Принца;

онъ приласкаль собаку, накормиль ее и съ тѣхъ поръ она не отходила уже отъ него—лежала обыкновенно у дверей его кабинета, а когда онъ выѣзжалъ, по бѣжала подлѣ кареты. Принцъ назначиль сумму на ея содержание и она жила при немъ до самой смерти, а умерла — отъ старости.

4. Мщеніе за паквиль.

Тиншорешъ и Тиціанъ, славнѣйшіе Италіянскіе живописцы, поссорились однажды между собою. Приятель послѣдняго, извѣстный Саширикъ и безбожникъ Арешинъ, приняль участіе въ ссорѣ и написалъ на Тиншореша преобидный паквиль. Вскорѣ послѣ того Тиншорешъ зазвалъ Арешина къ себѣ обманомъ, будто хочеть списать съ него портретъ. Лишь только неуспрашимый Саширикъ сѣлъ въ позицію, то Тиншорешъ приблизился къ нему со свирѣпымъ видомъ и съ преобладающимъ пистолетомъ въ рукѣ.—“Помилуй, что ты хочешь со мною дѣлать?“, спросиль его Спихотворецъ, прячучись отъ страха—Смѣришь себя! (отвѣчалъ съ важностію Тиншорешъ) вспа-

вай.—Арешинъ вспаль, и Тинпорешъ въ самомъ дѣлѣ его смѣрилъ пистолепомъ; попомъ сказалъ ему шемъ же шономъ: въ шебѣ чешыре пистолепа съ половиною. Сшупай!—Топъ не дождался повшоренія и побѣжалъ безъ оглядки.

5. Угожденіе дамѣ.

Графъ Лораре (le comte de Lauraguais) вхаль однажды въ наемной карешѣ по шѣсной улицѣ. На вспрѣчу ему попалось великолѣпное лондо, въ копоромъ сидѣлъ Г. Б., провинціальный управитель (intendant de province) со своею супругою.—Надобно было повернуть шому, или другому, назадъ, что бы не сцѣпились экипажи.—“Поверни назадъ!”, закричалъ съ важносшію надмѣнной управитель. — *Поверни самъ!* сказалъ съ сердцемъ Графъ.—Б., узнавъ по голосу Графа, спаль извиняпья передъ нимъ, что прежде его не замѣшилъ.—*Да смѣешь ли ты повелѣвать такъ здѣсь кому бы то ни было?* — “Что это значить? Что это значить?”, сказала Гжа Управительница, превздорная и пребезобразная женщина, и при

сихъ словахъ высунула изъ карешной дверцы ужасное лицо свое.—*Назадъ!* закричалъ Графъ кучеру. *Извините, сударыня! Еслибъ показались вы раньше, то мы не промедлили бы ни мгновенія, и лошади повернули бы сами собою.*

6. Замѣтательное письмо Гаррика.

Въ собраніи писемъ знаменишаго Гаррика, изданномъ въ Лондонѣ, особенно замѣчательно одно, писанное имъ къ Сиру Гопкинсу, суффлеру Дрюриланскаго театра, рекомендовавшему ему одного декоратора. “Нѣшь, любезный Гопкинсъ, “эпошь человекъ для насъ не годищся: “онъ совсемъ не умѣешь дѣлашь луны; я “не дамъ и прехъ шилинговъ за дюжину “шакихъ лунъ, какія онъ предспавиль мнѣ “на образецъ. Солнце дѣлаешь онъ еще “хуже—а какъ дурны облака! Скажи ему, “что бы онъ разломаль свою радуго: не “бывало еще такой нигдѣ съ самаго по- “попа. Ты говоришь, что онъ чеспный “человекъ — вѣрю тебѣ; но что намъ “въ его чеспности: намъ нужны самыя “прекрасныя луны, блестящія солнцы —

“а онъ не можешъ даже и звѣздъ порядоч-
но сдѣлать. Нѣшъ, нѣшъ—опкажи ему.”

7. Рѣшеніе Гастронома.

Госпи, сидя около стола, разсуждали о томъ, которъ изъ двухъ народовъ образованнѣе: Французы, или Англичане? Одинъ Гастрономъ рѣшилъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. “Преимущество, скажь онъ, принадлежишь, по моему мнѣнію, Бретонамъ; ихъ образъ ядѣнія можешъ послужить доказательствомъ моего предположенія: они лучше насъ расчисляютъ. Спальная, или серебряная вилочка у нихъ исключительно посвящена службѣ лѣвой руки, а ножикъ правой; вилка беретъ, ножикъ рѣжетъ — и кусокъ во рту. Маневра почна и скоро; нѣшъ ни малѣйшей пошери времени: насъ поющая Прусская шакшика!

Во Франціи первая маневра дѣлается также, но когда куски разрѣзаны, оружіе бросають: ножикъ оснается на правой сторонѣ, но въ бездѣйствіи, а вилка переходитъ, напрошивъ того, изъ лѣвой руки въ правую. — Пошери времени! Ру-

ка берешъ вилку, несетъ ее къ куску. Тройная маневра. Метода Британская несравненно превосходнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ какъ слово: *образованіе*, означаешъ науку жизни, которая соспоишь въ помъ, что бы хорошо жить — хорошо ѣсть, то изъ сего я и заключаю, что Англичане образованнѣе Французовъ:

(Изъ разныхъ иностр. Журн.)

~~~~~

Къ ново-школьнымъ пѣтамъ.

Ура! сыны мечты эфирной,
Пѣвцы таинственныхъ чудесъ!
Взгремѣлъ вашъ Геній пѣсню лирной—
И прудный пупъ на Пиндъ исчезъ.

*

Но что! на Пиндъ ли вамъ спремисься
И тамъ полешъ оспановишь?...
Восторговъ вашихъ рой промчися,
Гдѣ шолько можешъ мысль парить.

*

Вѣнцы хвалы, при блескѣ славы,
Не Музы вамъ — друзья сплешуть.
Поприще классиковъ ушавы;
Пусъ вась *фанатиками* чшуть.

*

Дяя вась ли Кришкии законы?
 Нѣшь, нѣшь; расколь вводишь пора!
 Хвала вамъ, Русскіе Гугоны! *)
 Гилье - романшики, ура!

He ... Пол ...

~~~~~

Похвала во время.

«Что ты, Архипъ, Луку уже хвалишь пу-
 стился?»,
 — Да, да! Онъ добръ, умень; повѣрь! —
 «Помилуй! да намнясь не тыль при всѣхъ
 божился,
 Что онъ и глупъ, какъ скопъ, что онъ и
 золь, какъ звѣрь?»,
 — Эхъ, брашець! Да Лука вѣдь *староста*
теньрь! —

— йй,

~~~~~

---

*) Новѣйшій Французскій романшикъ, кошораго стихошворенія точно шакаго *по-кряя*, какой приняшь за образецъ въ нашей Романшической *швальнѣ*. *Соз.*

НОВЫЙ ДІОГЕНЬ.

Что это за человекъ, которьй вездѣ встрѣчаешся: и въ театръ и на гуляньяхъ и въ саду и на бульварѣ? Онъ всегда одинъ, одѣшъ очень порядочно...смотришъ на все съ такимъ замѣчаніемъ ... кажешся, какъ будто онъ кого-то ищешъ ... Примѣшно, что ему нескучно; совсемъ шемъ онъ никогда не улыбаешся. Кто онъ? Чего ищешъ? — Это новый Діогень — опвѣчающъ миѣ — ищешъ онъ жены .... и глаза его служатъ ему вмѣсто фонаря.

Онъ богатъ, хорошъ собою—но вошъ уже двадцати лѣшъ ... ищешъ жены!

Двадцати лѣшъ онъ влюбился въ дѣвушку прекрасную собою, образованную, богатую ... свапаешся и получаешъ согласие ея родителей. Однажды ѣдетъ онъ со своею невѣстою на балъ; тогда вошла въ моду гавошъ; онъ не умѣлъ танцовашъ ее, и невѣста принуждена была идти съ другимъ кавалеромъ. На другой день оригиналь нашъ спрашиваешъ свою невѣсту: хорошо ли она почивала? Та говоритъ, что ей во всю ночь грѣзился молодой человекъ, съ которымъ она танцовала.

Услыша эпо, онъ ее оставяеть, опказывается опъ нее и никогда уже не видалъ послѣ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ эпто онъ полюбилъ молоденькую дѣвушку, небогатую, но кошорая съ необыкновенною красою соединяла всѣ добродѣтели. Казалось, она спакже была не чувствившельна къ нему: онъ рѣшился на ней женишься, но наканунѣ сговора спросиль ее: “Не любили ли вы кого нибудь прежде меня?,”—Нѣпъ, вы первый умѣли мнѣ понравиться...однакожь ...когда мнѣ было еще шринадцать лѣпъ, я очень любила сына нашего сосѣда, и не иначе называла его какъ своимъ женихомъ.—Услыша эпо ... нашъ Діогенъ бѣжашъ.

По прошесшвіи нѣсколькихъ лѣпъ, онъ привязался къ одной женщинѣ рѣдкой красоты. Онъ приготопвилъ уже все къ своей свадьбѣ ... но одинъ разъ входиль неожиданно въ комнату къ своей невѣстѣ и видиль, что она ... нюхаешъ шабакъ... Эптого довольно было, что бы опвратишь его опъ женишьбы.

Новый Діогенъ влюбиль попомъ въ горничную, премиленькую, молоденькую.

Онъ рѣшился пренебречь всѣми приличіями и женился на ней — но вдругъ оставилъ ее, пошому что она ... гадаешь въ карты!

Послѣ того онъ еще много разъ испыталъ подобныя неудачи. Та хороша — но кокепка; другая хопя и не кокепспвуешь, но безъ всякой прияншности; прешья мила, но ревнива; четвертая скромна, но глупа; пятая умна, но неразумидишельна ... Новый Діогенъ какъ легко воспламеняешь, также легко и опспашаешь, и до сихъ поръ не переспашаешь искапъ феникса, сошвореннаго его воображеніемъ. Напрасно его друзья говоряшь ему, что можно быть хорошей женой и вѣришь карпамъ; что красасица не шепряешь своихъ прелеспей, понюхавъ шабаку; что сердце можешь быть свободно, несмопря на то, что въ ребячеспвѣ звали своего сосѣда женихомъ; что можно любишь вѣрно мужа и видѣшь во снѣ другаго человѣка — новый Діогенъ не слушаешь друзей своихъ и все ищешь жены. Но волосы на головѣ его уже сѣдѣють, и годъ опъ году ему шруднѣе будешь и-

скасть по очаровашельное существо, о кошпоромь онъ шакъ безпокоишся.

(Изъ Journal des dames et des modes, de Francfort.)

~~~~~

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная Ученымъ Секрепаремъ 2 ч. Августа въ поржеспвенномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Меди-ко-Хирургической Академіи, по случаю выпуска изъ оной воспитанниковъ ея, кончившихъ курсъ академическаго ученія.

Съ благословеніемъ благословляющаго мирные шруды, увѣнчающаго желаемымъ успѣхомъ благія предначинанія, поржеспвенно будучи освящены званіемъ благородныхъ и дѣяшельныхъ членовъ общества, щедро награждены и украшены милостями и щедропами АВГУСТЪЙШАГО МОНАРХА, швердо ограждены выгодами и преимуществами ИМЪ же Всемилошпвѣйше вамъ даруемыми, вы вшупаешеш нынѣ на поприще гражданской жизни и

пемь получаете новое, высшее бытіе и новое благороднѣйшее предназначеніе.

Важность возрожденія сего, высокая цѣль предназначенія онаго и свяпость обязанности, съ нимъ сопряженныхъ, могутъ ли не возбудить въ юныхъ сердцахъ вашихъ живѣйшей благодарности къ Богу, полныхъ благъ Подателью? Торжественное сіе обновленіе юности вашей, не должно ли породить въ васъ новыхъ силъ и новаго порейнованія къ употребленію оныхъ на пользу общую, къ чести Ошечесства и славы Царя, полнаго о насъ благодѣющаго?

Подобно юнымъ дѣлашелямъ верпограда, вы исходите нынѣ изъ сей обители мирныхъ и благошворныхъ наукъ принеся начашки плодовъ вашихъ на олтарь Ошечесства. Служите опорой здравія храбрыхъ защитниковъ Ошечесства на полѣ бранномъ и сущихъ въ моряхъ далече *), охраняйте жизнь и здравіе мирныхъ граж-

*) Выпускаемые изъ Академіи молодые врачи опредѣляются на службу по военно-сухопущному, морскому и гражданскому вѣдомствамъ.

данъ и юныхъ опраслей ихъ, облегчать и упѣшать спраждущихъ, не словомъ шокмо, но и дѣломъ и водворяшь чрезъ шо первое благо на земли—здравіе—какая высокая цѣль предназначенія вашего! Какое обширное поле для приобрѣшенія истинной любви и благодарности согражданъ, признашельности начальства, благоволенія МОНАРХА, и наконецъ чести, славы и самага благословенія свыше!

Такъ, благородные питомцы! поистиннѣ благая часть ваша, благимъ Промысломъ вамъ предназначенная! Безъ сомнѣнія возрадуются и возвеселятся о ней не шокмо попечительные опцы и иѣжныя машери, но шакже ближніе и знаемые ваши. И они купно съ нами будущъ благословляшь руку Провидѣнія, указующую вамъ пути правые — пути, ведущіе васъ къ пользѣ опечества и къ собшвенному счастью вашему.

Какую же принесемъ жершву хвалы и благошворенія Богу за споль многія Его къ намъ благошворенія, и чемъ возблагодаримъ Высокаго Помазанника Его за шѣ милосши и щедробы, коихъ примѣра и подобія дѣйшвишельно не маже-

димъ ни въ какомъ народѣ, ни въ какомъ государствѣ и ни въ какой другой странѣ міра.

Да позволено будетъ мнѣ въ семь поржешвенномъ и послѣднемъ собраніи нашемъ предложить, или лучше сказашъ напомнить полько вамъ тѣ средсва, коими одними мы можемъ достойно благодарить Бога и великаго нашего Монарха.

Средсва сіи сполько же крашки, какъ и удобоисполнительны, споль же ясны для ума, сколько и сладосны для сердца всякаго мыслящаго сущесва: ибо они происпекаюшъ изъ того свяпѣйшаго закона, коего бремя легко ешъ и коего свѣшъ просвѣщаетъ всѣхъ.

Испинная любовь къ Богу и ближнему, безусловное повиновение власнямъ и начальсвамъ, строгое выполнение обязанностей со званіемъ нашимъ сопряженныхъ, наконецъ неуспшное спремленіе къ вящему и бѣльшему усовершенсвованію душевныхъ силъ и способностей, къ познанію испины, доброты и изящесва и къ лучшему чрезъ то въздѣльванію вершогграда, Провидѣніемъ каждому изъ насъ въ удѣль предназначенаго—вошъ

единственныя жершвы, доспойно приносимыя безсмертному и всесильному Богу слабымъ смершнымъ! Вошь средшва, коими одними можемъ мы доказашь истинную нашу преданность Монарху! Вошь плоды, доспойно приносимые на олшарь Опечесшва, плоды опъ коихъ познаны будемъ и коихъ съ неперпѣниемъ и боязливою заботливостію ожидающъ опъ васъ добрые насшавники и руководштели ваши!

Посему истинный врачъ, доспойно носящій на себѣ сіе священное званіе, никпо не можешъ бышь, какъ шолько истинный философъ, или лучше сказашь истинный христіанинъ, истинный другъ человекшства. Да и кшо на всякомъ шагу жизни своей имѣешъ болѣе средшвъ къ выполненію христіянскихъ обязанностей, какъ не врачъ, доспойно украшающійся симъ высокимъ званіемъ? Кшо даже имѣешъ болѣе нужды всегда прибѣгашь съ истинною любовію къ Богу и выполняшъ свяшый законъ Его, какъ не шопъ, кшо держашь носшшь на себѣ опблескъ силы и славы Верховнаго Врача душъ и шѣлесь?

Привода въ движеніе сокровенныя

пружины и паинспвенныя силы чудеснаго успройства состава человѣческаго, принимая на себя страшную обязанность жреца священнаго огня жизни человѣка и по собспвенному усмопрѣнію дерзая возжигашь, или ослабляшь пламень жизни его—пламень, возженный рукою Предвѣчнаго на олшарѣ цѣлаго мірозданія, можешь ли врачь не возносишья духомь къ Верховному Жрецу бытія жизни и не просишья помощи Его въ дѣлахь и предначинаніяхь своихь? — Блуждая нерѣдко во шьмѣ мучишельныхь недоумѣній и шерзающихь душу сомнѣній, можешь ли врачь не прибѣгашь къ Тому, опь лица Коего исходишья познаніе и разумь, да просвѣтить мысленныя очи его благошворнымь свѣпомь разумѣнія. Облегчая спраданія лежащихь на одрѣ болѣзненномь, подкрѣпляя силы борющихся со смертію, опирая слезы опцевь сѣмействь, сердобольныхь машерей и невинныхь дѣшей, слыша вопли опчаянія пребующихь защиты прошивь ухищренія злобы и клеветы — защиты, нерѣдко происпекающей единспвенно опь проицашельности, мудро-

спи и прозорливости врача *), можешъ ли врачъ не прибѣгать къ Небесному Утѣшителю, да подастъ лучи свѣта и благошворной надежды къ утѣшенію спраждущихъ и успокоенію собсвеннаго его сердца, нерѣдко, въ подобныхъ случаяхъ, кровію обливающагося?

Если посему и всякій человекъ въ вѣрѣ и любви къ Богу находитъ пвердую опору и сладчайшее утѣшеніе въ жизни своей, то безъ сомнѣнія врачъ вяще и болѣе чувсвуетъ важность, необходимость и сладость оныхъ.

Но истинное Богопочитаніе неразлучно съ человеклюбіемъ, и попому любовь къ ближнему есть второе качество, отличяющее истиннаго врача отъ лжецѣлителя. Обязанность сія, происходящая изъ первой, столь сладостна для сердца, столь утѣшительна въ выполненіи своемъ и столь богата сладкими плодами своими, что чуждающіеся оной сами оправляютъ жизнь свою и собираютъ одно перніе, опмешая цвѣпы, насажденные рукою Провидѣнія на пусяхъ жизни.

*) Какъ сіе весьма часпо случается при судебно - медицинскихъ изслѣдованіяхъ.

И можешъ ли врачъ не любить ближняго своего, можешъ ли не любить того, кто долженъ быть постояннымъ предметомъ его размышлений и цѣлю всѣхъ его дѣйствій, для облегченія жребія коего онъ посвятилъ всю жизнь свою, пемъ паче, что искренняя любовь и истинное состраданіе къ ближнему не рѣдко одни уже проливають чувствительный бальзамъ на раны сердца его и одни доспапочно бывають къ излѣченію пятчайшихъ золь, удручающихъ душу и непреодолимыхъ никакими другими средствами врачеванія. Вы испытаете сіе неоднократно въ продолженіи жизни вашей—испытаете и то, что въ лѣченіи даже, пакъ называемыхъ собспвенно, физическихъ болѣзней, безъ искренняго учапсія и живой любви къ ближнему, врачъ не можешъ имѣть желаемаго успѣха: ибо безъ сихъ важнѣйшихъ и единспвенныхъ средствъ, согрѣвающихъ и оживляющихъ сердце человѣческое, онъ никогда не можешъ имѣть полной довѣренности врачуемаго, а безъ сего всѣ прочія средства и всѣ усилія его бѣльшею частію бывають тщешны. Если по сему *всякъ не*

любай брата своего теловѣкоубійца есть; шо врачи, или, да не осквернимъ священнаго имени сего, лучше сказаць: *лжецѣ-лители,* неимѣющіе любви къ ближнему, но руководимые однимъ корысполюбіемъ и съ холодною душою, съ оледѣнелымъ сердцемъ своимъ приближающіеся къ одру спраждущихъ, сущь сугубые человѣкоубійцы. О! да не поспигнешь кого либо изъ насъ шакое спрашное нареканіе и сопровождающій оное праведный гнѣвъ Бога живаго!

Неограниченная преданность къ Государю, безусловное повиновеніе власнямъ и начальствамъ, хопя есть обязанность каждаго гражданина; но польза и необходимость оныхъ почши сполько же удобопоняшны шѣмъ, которые всю жизнь свою посвящили на познаніе таинства взаимнаго опношенія часпей живаго шѣла къ цѣлому и главному источнику ихъ жизни и дѣйствія, равно какъ и гибельныхъ слѣдствій нарушенія сего взаимнаго опношенія, угрожающихъ не болѣзнію шокмо, но и смертію. Ишакъ, если неоспоримо, что благоустроенное государственное шѣло подобно живому шѣлу че-

ловѣка, по и слѣдствія взаимнаго отношенія членовъ онаго, равно какъ и гибельныя слѣдствія нарушенія шаковаго отношенія должны бытъ шѣ же. Если по сему и каждый гражданинъ, подобно члену шѣла живаго, обязанъ сохраняшь повиновеніе къ Верховному Правительству и власнямъ, имъ предуспавленнымъ: по врачъ, съ высшей точки зрѣнія усмашривая необходимость и пользу шаковаго спасительнаго усройства, не шокмо по долгу обязанности, но и по внутреннему убѣжденію, шемъ болѣе обязанъ повиновашься сему закону, вѣчною Мудростию предначерпанному, не шокмо въ сосшавѣ шѣла человѣческаго, но и во всемъ спройномъ чинѣ Природы.

Твердо содержа въ памяти первыя при главнѣйшія обязанности и всегда спараясь приводишь оныя въ дѣйствіе и исполненіе, хошя симъ самымъ каждый человѣкъ приближается уже къ совершенству и счастью, благимъ Провидѣніемъ ему одному предоспавленному; но врачъ, доспойно носящій сіе званіе, имѣя сверхъ шого въ виду безконечную задачу: жизнь человѣческую, для рѣшенія коей цѣлыя

тысящи лѣтъ были недоспапочны и коея глубины во всѣхъ измѣреніяхъ никакой еще умъ измѣришь и поспигнуть не могъ—врачь, говорю, по долгу священнаго званія своего, болѣе и болѣе углубляясь долженъ въ изслѣдованіи шаинспвъ своего предмета, равно какъ и многихъ другихъ шаинспвъ природы, дары коея безчисленны и многіе, будучи созданы для пользы человѣка, вовсе еще неизвѣстны. Вотъ предметы, доспойные дальнѣйшихъ усилій и дальнѣйшаго изслѣдованія! Вотъ пути и средства къ доспиченію спасительныхъ истинъ для человѣчества къ доспиченію вѣщей мудрости и усовершенствованія какъ себя самаго, такъ и искусства врачеванія. Горе напрошивъ того врачу, безпечно засыпающему въ самонадѣяніи на однѣ изученныя и, такъ скажешь, мерпвыя еще знанія свои! Горе неоживляющему оныхъ дальнѣйшимъ размышленіемъ и щщательнымъ поученіемъ въ книгѣ Природы, опкрышой благимъ Провидѣніемъ вообще для каждаго человѣка и для врача въ особенноти.

Да не будешь сего съ вами! Да не поспичнешь кого либо изъ васъ спраш-

ная участь раба лѣниваго и лукаваго, скрывшаго талантъ свой! Собственная польза и честь, честь и слава сего святилища, давашаго вамъ новое бытіе, слава и достоинство предстоящихъ здѣсь благопоставленныхъ, покровителей, наставниковъ и руководителей вашихъ ожидаютъ отъ васъ новыхъ трудовъ, новыхъ усилій ко благу общему; **МОНАРХЪ** и **Опечество** ожидаютъ и праведно пребываютъ, да благія сѣмена, насажденные въ васъ, принесутъ плодъ свой во время свое. Гласъ самаго Бога призываетъ васъ подвизаться о истинѣ, даже до смерти, удословляя припомъ, что вся во времена своя взыскана будутъ.

Нужно ли напоминая вамъ присемь о необходимости взаимной братской любви, согласія и единодушія? Добродѣтели сіи, споль приятныя и споль полезныя въ каждомъ сословіи, въ сословіи врачей не токмо необходимы къ облегченію ихъ трудовъ, взаимному поученію и скорѣйшему сообщенію полезныхъ истинъ, опытноспію каждаго изъ нихъ приобретаемыхъ, но также къ уравниенію и освященію пущей жизни, не рѣдко препи-

наемыхъ спраспями и омрачаемыхъ слабостями, невѣжествомъ и предрасудками. О, да будущъ взаимная любовь, согласіе и единодушіе всегдашними спупницами вашей жизни! Плоды оныхъ сколь сладостны, самая жизнь вамъ докажешъ.

Скромность въ поступкахъ и словахъ есть опличительная черта всякаго благоразумнаго человѣка и необходимая потребность истиннаго врача. Да будешъ всякъ человѣкъ скоръ услышати и косенъ глаголаши—есть главное правило нравственной жизни его. Нарушеніе правила сего хотя для всякаго человѣка болѣе, или менѣе опасно; но для врача оное сугубо губельно, ввергая не шокмо его самаго въ бѣдствія, съ легкомысліемъ сопряженныя, но нерѣдко вовлекая также въ злосчастія невинныя жершвы, пишавшія довѣренность, если не къ лицу, то къ священному его званію.

Сими краткими напоминаніями о главнѣйшихъ обязанностяхъ врачей напущспвуя васъ опъ лица всѣхъ насшавниковъ вашихъ и главы ихъ, купно съ нами молю Творца: да осѣнишь васъ своимъ благословеніемъ свыше, да подкрѣпишь

благонаждедоу силы ваши въ предстоящихъ вамъ пусяхъ жизни, да увѣнчаешъ благіе шруды и подвиги ваши вождельнымъ успѣхомъ и счаспіемъ, и да благія сѣмена, насажденныя въ умы и сердца ваши, принесушъ обильные плоды въ чесшъ и славу Создавшаго врача, къ прославленію имени АВГУСТѢЙШАГО Благошворишеля и Покровишеля науки врачеванія, къ пользѣ Ошечесшва, къ чесши храма сего и шруждающихся въ немъ. Грядише убо съ миромъ по гласу МОНАРХА и Ошечесшва, уже васъ призывающихъ!

Я. Кайдановѣ.

*О торжественномъ собраніи въ
ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-хи-
рургической Академіи.*

Августа 2 дня сего 1824 года въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-хирургической Академіи было торжественное собраніе, по случаю выпуска изъ оной воспитанниковъ ея, кончившихъ курсъ Академическаго ученія и удостоенныхъ разныхъ ученыхъ званій по часши Медицинской, Велперинарной и Фармацевшической, съ предназначеніемъ

ихъ на службу по Военно-сухопутному, Морскому и Гражданскому вѣдомствамъ. Для сего въ 10 часовъ утра Г. Члены Академіи и другіе чиновники ея, также многіе врачи и разные любители наукъ, а равно предназначенные къ выпуску воспитанники и прочіе учащіеся собрались въ большомъ Академическомъ Конференцъ-залѣ въ ожиданіи Г. Президента Академіи. Въ продолженіи сего времени нѣкошорыя знаменитыя особы Духовнаго сословія прибыли также въ Академію, и бывъ встрѣчены Г. Исправляющимъ должность Президента и другими чиновниками, прошли прямо въ Академическую Церковь. Г. Президентъ Академіи Тайный Совѣтникъ, Баронъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, прибывъ въ Академію въ половинѣ 11 часа, встрѣченъ былъ Членами Конференціи въ большомъ залѣ, послѣ чего все собраніе вмѣстѣ съ Его Превосходительствомъ также отправилось въ Храмъ Божій, куда прибыли попомъ Г. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ Г. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и проч. Василій Сергѣевичъ Ланской *), Г.

*) Собраніе не имѣло надлежащаго свѣденія не только о времени прибытія въ Академію Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, но даже и о возможности онаго, а пошому и не могло имѣть чести встрѣтиться Его Высокопревосходительства должнымъ образомъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Адмираль Александръ Семеновичъ Шишковъ, Г. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ и многія другія знаменитыя особы, между шемъ, какъ Его Высокопреосвященство Г. Митрополишь Римско-каполическихъ Церквей въ Россіи по слабосши его здоровья оспавался въ Конференць-залъ съ нѣкошорыми Членами Конференціи *)). По совершеніи Божеспвенной Лишургіи и послѣдовавшего за оною благодарспвеннаго молебспвія съ провозглашеніемъ многолѣшя Всемилоспивиѣшму ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему АВГУСТЪИШЕМУ Дому, Его Высокопревосходипельство Г. Управляющій Минисперспвомъ Внушренихъ дѣль купно съ Его Превосходипельспвомъ Г. Президентомъ Академіи и прочими знаменитыми Посѣшителями, сопровождаемые Членами Академіи Дѣйствительными и Почешными, а равно и воспитанниками оной, вышедъ изъ Церкви въ Конференць-залъ, были встрѣчены приятными звуками духовой музыки, раздававшимися

*) Сей достопочтенный спарець въ прошломъеще году при таковомъ же случаѣ присушспвовалъ въ Церквѣ Академической и во все продолженіе божеспвенной Лишургіи и благодарспвеннаго молебспвія не хотѣлъ воспользовашся спуломъ, кошорый ему представляемъ былъ для опдохновения.

на хорахъ зала, составляющихъ части Академической Библиотеки. Когда же всѣ знаменитые Посѣщители и Члены Академіи заняли приугошовленные для нихъ мѣста; то Г. Ученый Секретарь Академіи прочелъ предложеніе Его Высокопревосходительства Г. Управляющаго Минисперствомъ Внутреннихъ дѣлъ объ утверженіи, по предспавленію Конференціи, всѣхъ выпускаемыхъ изъ Академіи воспитанниковъ, въ шѣхъ ученыхъ званіяхъ, коихъ доспойными оказались они по послѣднему публичному экзамену; продолжавшемуся ежедневно съ 10 часовъ утра до 2 и 3 часовъ по полудни съ 1 по 19 число прошлаго Юля мѣсяца. При семъ поимянованы были всѣ воспитанники, назначенные къ выпуску, и объявлено кпо изъ нихъ и какой награды удостоены. Послѣ сего Г. Президентъ Академіи поднесъ Г. Управляющему Минисперствомъ Внутреннихъ дѣлъ медали и похвальные листы, назначенные въ награжденіе, кои Его Высокопревосходительство и роздалъ собственноручно по назначенію. Пошомъ Г. Президентъ Академіи и Исправляющій должность его раздавали свидѣтельствова выпускаемымъ изъ Академіи наученія званія и карманные наборы хирургическихъ инструментовъ. Во все продолженіе времени раздачи медалей, похвальныхъ листовъ, свидѣ-

пельспвъ и хирургическихъ наборовъ, хоръ музыки и пѣніе пѣвчими Каншашы: *Боже! спаси Царя*, и проч, попеременно продолжавшіеся, прилично занимали слухъ присуществовавшихъ.—Когда же кончилась раздача наградъ и проч. и когда шишина заснула мѣсто припныхъ голосовъ хора и звуковъ музыки; то Г. Ученый Секретарь произнесъ къ воспитанникамъ, выходящимъ изъ Академіи, рѣчь о главнѣйшихъ обязанностяхъ врачей, именно же: въ отношеніи къ Богу, начальству, ближнимъ и самимъ себѣ. Пятеро изъ молодыхъ, новопроизведенныхъ врачей опъ лица всѣхъ прочихъ соповарищей своихъ изъявляли благодарность **МОНАРХУ** и Начальству, за оказанные имъ благошворенія, въ рѣчахъ, говоренныхъ ими на Лашинскомъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Въ заключеніе Г. Президентъ Академіи предсавлялъ Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ всѣхъ Чиновниковъ, служащихъ при Академіи, коихъ Его Высокопревосходительство принявъ благосклонно, сопровождаемый ими и всѣми знаменишими Посѣщителями, прѣшелъ чрезъ споловую въ Академическую Библіошеку; здѣсь между огромными шкапами, наполненными книгами, на двухъ обширныхъ круглыхъ столахъ, приготоовленъ былъ великолѣпный завшракъ

копорымъ Г. Президентъ Академіи угощаль всѣхъ Гг. именишыхъ посѣщителей, также Членовъ Академіи, при играніи музыки и пѣніи хора пѣвчихъ. Одушевленные истинною любовію и неограниченною преданностію къ МОНАРХУ присуществовавшіе, при громкомъ восклицаніи: *Ура!* пили за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего АВГУСТѢЙШАГО Дома; попомъ за здравіе Г. Управляющаго Минисперсшвомъ Внутреннихъ дѣлъ; послѣ сего за здравіе знаменишыхъ Посѣщителей; далѣе за здравіе Г. Президента Академіи; подъ конецъ за здравіе учащихъ и учащихся въ оной; а въ заключеніи за здравіе новопроизведенныхъ Лѣкарей, получившихъ награды и прочихъ ихъ сошоващицей, выпущенныхъ изъ Академіи.

Вообще выпущено въ семь году изъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико - Хирургической Академіи 57 воспитанниковъ, а именно:

Лѣкарями по Медицинской части:

Казенныхъ — — — — —	35.
Пенсіонеровъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ — — — —	2.
Вешеринарными Лѣкарями — — —	2.
Вешеринарными Помощниками — —	10.
Кандидашомъ Медицины и Хирургіи —	1.

Кандидатомъ Фармаціи пенсионеръ ЕЯ							
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТ-							
РИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ	—	—					1.
Волонеровъ	—	—	—	—	—	—	6.

*Изъ числа казенныхъ воспитанниковъ
назначено :*

Въ Военное вѣдомство:

Лѣкарей по части Медицинской—	—			24.
Лѣкарей по части Ветеринарной	—			2.
Ветеринарныхъ Помощниковъ	—	—		8.
Кандидатъ Медицины.	—	—	—	1.

Въ Морское:

Лѣкарей по части Медицинской—	—			5.
-------------------------------	---	--	--	----

Въ Гражданское :

Лѣкарей по части Медицинской—	—			5.
Ветеринарныхъ Помощниковъ	—	—		2.

Въ Военно-работіе Баталіоны:

Лѣкарь по части Медицинской	—	—		1.
-----------------------------	---	---	--	----

*За отличные успѣхи въ наукахъ и всег-
дашнее похвальное поведеніе награждены:*

Пелехийъ золотою медалью.

Покровскій Евсей, Покровскій Прокопій и Савченковъ.	}	серебр. медалями,
Лебедевичъ, Драевскій, Нороновичъ и Слив- чанскій.		

Критика.

Веселый разсказчикъ, или собраніе забавныхъ Анекдотовъ и остроумныхъ изреченій въ удовольствіе титателей. Переводъ съ Нѣмецкаго. 2 части. Москва. Въ Тип. А. Семена. 1824.

На Русскомъ языкѣ нѣшъ еще хорошаго собранія Анекдотовъ! Нечего и жалѣшь о томъ—однако извѣстно, что книги такого рода разкупаются у насъ чрезвычайно скоро; почемужь бы не издашь хорошаго собранія Анекдотовъ? Почему? Не пошому ли, что Анекдоты, Пѣсенники, Жизнеописанія издаются у насъ книгопродавцами, а эти господа не охотно спрашяся на хорошее, и забошяся не о хорошихъ изданіяхъ—а о вѣрной выгодѣ; охотники же до Анекдотовъ и Пѣсенниковъ люди неприхотливые, слѣдовашельно...все очень хорошо!

Анекдоты, о кошорыхъ мы шеперь объявляемъ изданы (разумѣется) книгопродавцемъ—но, сверхъ чаянiя, изданы очень порядочно.

Книжка напечатана хорошо; картинки выгравированы и разкрашены не дурно. Не хопите ли послушать веселаго разскащика? Только не сердитесь на него за шо, что онъ плоховато изъясняешся порусски...Слушайте же:

“Шутишь, или нѣтъ?”

“Двое молодыхъ людей, гуляя однажды въ саду, заспорили между собою; опъ спора дошло до драки; одинъ изъ нихъ до того разгорячился, что далъ другому *славную* пощечину.

“Тыфу пропасть! воскликнулъ сей: что ты, шутишь, или нѣшь?,”—Нѣшь! — отвѣчалъ *сб жаромъ* первый.

“Это-то швое счастье, возразилъ сей; ибо я не люблю подобныхъ шушокъ! *)”.

(спр. 40-41. 2 части)

Но всего интереснѣе *предисловіе*, *вселаго* разскащика. “Издавая въ свѣтъ сію

*) Такъ ли разсказанъ сей самый анекдотъ въ *Литературныхъ Листкахъ*? См. 13 и 14 N° спран. 46 и 47.

“небольшую книжку, (говоришь онъ) намъ-
 “реніе мое было доставишь чашашелямъ
 “приятную и вмѣстѣ *небезполезную забаву,*
 “въ часы ихъ ошдыха.—Вмѣсто того, что
 “они читають *глупыя волшебныя сказки*
 “(угадчикъ!), въ коихъ нѣтъ ни цѣли, ни
 “нравоученія, могушь читашь сіи Анекдо-
 “шы, копорые доставяшъ имъ *не менѣе удо-*
 “вольствія; ибо читая книгу сію, вниманіе
 “ихъ будешъ обращено на то, чшобъ *понять*
 “*настоящій смыслъ анекдота;* чрезъ сіе *мы-*
 “*слящая сила ихъ* будешъ приведена въ дѣй-
 “ствіе, а эшо, по моему мнѣнію, шполь
 “же полезно для ума, *сколько движеніе для*
 “шѣла.,,

Вошъ какъ надобно хвалишь свои со-
 чиненія! Ученый Авшоръ ясно доказалъ поль-
 зу своихъ анекдотовъ! И нѣтъ сомнѣнія,
 что они *не менѣе доставятъ удовольствія*
тебѣ глупыя волшебныя сказки : . . . стоишь
шолько понять настоящій смыслъ Анекдо-
товъ, и привести въ движеніе мыслящую си-
лу!

I.

Извѣстіе о новой книгѣ.

ШОТЛАНДСКІЕ ПУРИТАНЕ, Историческій романъ Валпера Скопша, въ 4 частяхъ, съ гравированнымъ портретомъ сего превосходнаго писателя, переводъ *В. Соца*, продается въ книжныхъ лавкахъ Смирдина, Сленина, Свѣщникова, Глазунова и Заикина; цѣна экземпляру, въ бум. 10 р., въ пап. 11 р., въ кож. 12 р.; иногородные сверхъ того прилагають въсовыя за 4 ф.

Секша Пуританъ, составляющая основу сего сочиненія, возникла въ Шотландіи при Маріи Стюартъ; въ ней поняшія о свободѣ вѣроисповѣданія смѣшаны съ поняшіями о гражданской свободѣ. По вступленіи Іакова, сына сей несчастной Королевы, на соединенный престоль Англии и Шотландіи, Пуритане раздраженные нѣкошорыми спѣсненіями, обнаружили ужасный фанатизмъ и приобрѣли множество послѣдователей. Междоусобія, кровопролищія, могущество Кромвеля, происхождение Вигсовъ и Торрисовъ были гибельными плодами ихъ секшы.

Но Провидѣніе рано, или поздно караетъ людей, упошребившихъ во зло Вѣру и разумъ. Пуритане, въ свою очередь, испили чашу бѣдствій. Наконецъ время уврачевало язвы: въ царствованіе Вильгельма III все пришло въ порядокъ; вражда паршій прекратилась.

Сочиненіе Вальшера Скопша представляешъ вѣрную каршину нравовъ и боренія спрасшей шого времени. Оно опличается занимашельнымъ разнообразіемъ харакперовъ и происшешвій, часшію ужасныхъ, а часшію спранныхъ и забавныхъ.

Шарады .

1.

Натальное мое въ Ишаліи одной
 Бѣжипъ огромное, прозрачное собой;
Послѣднеежъ во всѣхъ спранахъ, градахъ,
 селеньяхъ
 Являешся, хоша не сущешво оно;
 А *цѣлое* — всегда прекрасно и умно
 Въ *Литтературныхъ Прибавленьяхъ*.

2.

Два слога *первые* необходимость значушъ;
Послѣдній—чшо богачъ съ веселіемъ шворипъ
 Тогда, какъ бѣдняки, шого не дѣлавъ, пла-
 чушъ!
 А *цѣлое* ешъ шо, чшо нашъ Дамомъ Піипъ,
 Чипая вслухъ свой бредъ, и бѣсу причинипъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XIV

КРИТИКА.

1. *Шотландскіе Пуритане. Исторической романъ. Сочиненіе Валтера Скотта. Перевелъ Василій Соуѣ. 4 часши. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго *)*.

Хорошъ, или дуренъ романъ—но лишь бы написанъ былъ извѣстнымъ писателемъ — его раскупяшъ, прочшуть и похваляшъ. Начипавшись въ газетахъ о славъ Волтера Скотта, о неимовѣрной цѣнѣ, копорую плашяшъ ему книгопродавцы за его безподобные историческіе романы — какъ не переводить намъ Русскимъ эти безподобные романы и не знакомить Рус-

*) Продаешся въ книжныхъ лавкахъ Смирдина, или Павлищикова, Сленина, Свѣшниковова, Глазунова и Заикина. Цѣна экземпляру въ бум. 10 р., въ пап. 11 р., въ кож. 12 р.; иногородныя сверхъ того прилагають въсовыя за 4 ф.

скую Публику со славнымъ Шопландцемъ? Нельзя не купить, не чипать и не хвалишь того, что нравишься всей просвѣщенной Европѣ. Ипакъ, извѣщая чипашелей о появленіи перевода *Шотландскихъ Пуританъ*, мы не имѣемъ нужды хвалишь сочиненіе: всѣ давно уже предупреждены въ пользу Скопша... и его историческіе романы заимали славу нѣкогда знаменишой Жанлисъ, подвизавшейся на подобномъ поприщѣ.—“Нынѣ благоговѣюшь предъ всякимъ Нѣмцемъ, или Англичаниномъ, какъ скоро онъ переведень на Французскій языкъ; ибо Французы и по сѣ пору не переспали бышь нашими законодавцами; мы осмѣлились заглядывашъ въ шворенія ихъ единственныя но пошому, что они смали чипашъ ихъ.”,
(*Мнемозина* Ч. 2, стр. 42).

Мы со вниманіемъ прочли переводъ—и скажемъ откровенно, что онъ не пакъ хорошь, какъ мы шого ожидали. Очень замѣшно, что Г. Переводчикъ попоропился и не забошлся о чиспощѣ слога. *Галлицизмы* безпрестанно встрѣчающся, напримѣръ: “Леди *ишѣла* на себѣ глубокой шраурь.”, (Ч. I, стр. 6.)—“Внучка ея, един-

ственный предметъ ея нѣжности на земли.,, (тамъ же, спр. 7.)—“Черпы ея дышали крошесію, но въ нихъ была замѣтна живоспъ, копорая не могла дѣлать ее тольноу, чему блондинки съ голубыми глазами бываюпъ подвержены.,, (тамъ же.) — “Доставишь сыну удобный шамъ пріемъ, хотя солдатомъ.,,—(Тамъ же, спр. 82.)—“Эпо была мыза, повидимому довольно обширная, тобѣ бытъ жилищемъ владѣльца съ посредственнѣмъ сосшояніемъ.,, (Ч. IV, спр. 8.) — “Она илиѣла на рукахъ груднаго ребенка.,, (Тамъ же спр. 10.) — Вспрѣчаюпся шакже слова Славянскія: “я проеодиль несчастнаго скитальца.,, (Ч. I, спр. 74.)—“Она видѣла во мнѣ челоуѣка раненаго и пребывающаго въ опасности.,, (Ч. II, спр. 227.)—“Вы дадите ужасный опчетъ Богу и людямъ въ содѣяномъ вами нынѣ.,, (Ч. III, с. 65.)—Простонародныя: “Бросали другъ на друга свирѣпые взгляды, подобно двумъ собакамъ, розняшымъ во время грызки, копорыя уходя съ ворганіемъ подѣ спуль своего господина, показываюпъ киваніемъ *) сво-

*) Кивать можно одною шолько головою.

ихъ *хвостовъ* и ушей, и пр. (Ч. II, стр. 190.) — “Дѣвушка поставила кувшинъ *на землю*., (Ч. IV, стр. 9.) — “*Ватага*, выѣхавшая изъ замка., (Ч. III, стр. 39.) — *Приказныя*: “Глаза черные и быспрые, брови дугою, цвѣшь лица умѣренно смугловашый, какой полько нужень, чпо бы не имѣшь женоподобной наружности. прекрасные волосы, носъ, какому удивляюися въ Греческой спашуъ, образовали въ совокупности шикарю фигуру, кошорую живописцы любяшь рисовашъ, а женщины видѣшь., (Ч. II, стр. 6.) — “Обожашель *Тильешюдлемскаго помѣсця* и всѣхъ *онаго* маешносшей., (Ч. III, стр. 203.) — Вспрѣчаюся опъ небреженія *стихотворные* періоды: “Умъ его *повредился*, и я думаю, чпо дѣйствительно бѣсь въ него *вселился*., (Ч. II, стр. 197.) — “Ты *порицаешъ* шо, чего не знаешъ. (*Тамъ же* стр. 198.) — “Исправляешъ званіе модной *торговки* въ *Гандеръ - Клейгъ* и его *околоткѣ*., (Ч. IV, стр. 180.) ... Мѣспами *переводъ тяжелъ*; мѣспами *теменъ*: “Его *голосъ, гремѣвшій* на сраженіяхъ *подобно еолторнѣ*, могъ шакже выражашь звуки *нѣжной любезности*. (II, 5.) — “Я выворощилъ его карманы и *нашелъ въ нихъ ва-*

шего дяди, или лучше сказать, вашъ кощелекъ.,, (Талъ же, спр. 207.) — “Они (плѣнники) не обнаруживали ни страха, ни желанія, ни надежды; но были удручены своимъ несчастьемъ, показывая (?) *впротемъ (!) темное предчувствіе (?)*,, (III, 209.) — “Теперь оно (время) у насъ полегшишь быспро и однимъ *махолъ поглотитъ* цѣлыя пянь лѣшь. (IV, 4.)—“Сія деревья, сокрушенныя до половины временемъ; казались болѣе *истаевающими*, чемъ *живущими* и представляли изъ себя образчикъ древнихъ произведеній *спраны*.,, (Талъ же, 120.) — Многія слова употреблены не въ наспоющемъ своемъ значеніи: “Бурлей, пораженный симъ шумнымъ зрѣлищемъ, спарался всѣми силами *возспановишь безмолвіе* ,, (II, 189.) — “Неперпѣливоспію, вмѣсто : *нетерпимостію*.,, (III, 65.)

Хотя и не сказано переводчикомъ съ какаго языка перевелъ онъ эпопѣю романъ — но не трудно догадаться, что съ Французскаго: вопервыхъ пошому, что много галлицизмовъ, а вовшорыхъ по шой причинѣ, что еслибъ переведено было съ Англинскаго, то безъ сомнѣнія переводчикъ

не оставилъ бы въ сомнѣннн нѣкопорыхъ изъ своихъ чншпашелей. — Приложенный къ сей книгѣ порппрепъ Скопша выгравированъ шакже вѣрояшно съ большою поспѣшностню, и припомъ не возможно, чшобъ Валперъ Скопшъ былъ шакъ молодъ, какнмъ онъ предшавленъ на порппрепѣ. Извѣсно, чшо онъ пожнлыхъ лѣпшъ—а шупь ему не болѣе 18. или 19 шн.

Въ заключеннє скажемъ, чшо книга напечатана оплично хорошо, какъ и всѣ книги, выходящн изъ шнпографн почшеннаго С. А. Селнвановскаго.

2. *Машнльда при горѣ Хорнвѣ, или продолженнє сочнненн Гжн Коттенъ подѣ названнелъ: Машнльда, или записки изъ кресповыхъ походошь. Сочнненнє Г. Верне де Люца. Переводѣ сѣ Французскаго. Четыре гашн. Москва, въ шнп. Селнвановскаго. 1824.*

Машнльда, сочнненн Г. Вернъ де Люзь, издана въ Парнжѣ въ 1822 году, въ двухъ часпяхъ, и вопъ мнѣннє объ ней, напечатанное въ *Зеркалѣ*, (*Le Miroir*), Журналѣ издававшемся Г. Жуи и другими извѣспными лншперашорами.

“Чрезвычайный успѣхъ Машильды, одного изъ лучшихъ произведеній Гжи Кошпень, побудилъ Г. Вернь де Люзь написать продолженіе этого романа. Авторъ, вѣроятно, никакъ не могъ равнодушно видѣть двадцатилѣтнюю вдову Малекъ-Аделя — героя, съ которымъ она соединилась узами брака при послѣднихъ минушахъ его жизни. Какъ человѣкъ, знающій приличіе и привязанный къ *исторической истинѣ*, Г. Вернь де Люзь, наслѣдникомъ Малекъ-Аделя, дѣлаешь брата его: Селимъ Аделя, который походитъ на умершаго какъ двѣ капли воды. Машильда, обманутая невѣроятнымъ сходствомъ, привязывается къ Селиму ... изъ воспоминанія. Наконецъ — не имѣвъ опъ Малекъ. Аделя сына... дарить его племянникомъ. Все это дѣлается однакожь не очень просто. Она, какъ водится, преслѣдуема тысячью несчастіями и множествомъ благородныхъ рыцарей, которые нѣсколько разъ похищаютъ ее, заключаютъ въ шемницы, чшобъ заславить любить себя и грозятъ смертію, чшобъ понравиться.,,

“Этотъ романъ далеко описаношъ

опъ романа Гжи Кошпенъ, и хопя Авшоръ и называешъ героиню свою *удивительною женщиною*; но шо вѣрно, что не Машильдѣ надобно дивисься въ эшомъ романѣ! „

Вошъ приговоръ Французскихъ Журналистовъ! Мы съ своей стороны скажемъ шакже, что и у насъ Машильда Гжи Кошпенъ переведена несравненно лучше, чемъ Машильда Г. Вернь де Люзь... Напримѣръ, на 69 й страничкѣ перваго шомика Машильда шоскуешъ ... Весна, а она одна одиныхонька ... и разговаривая сама съ собою, обращается къ умершему супругу: „Малекъ - Адель! уже ли окровавленная *тѣнь* швоя соединяешъ жалобный „голосъ свой съ голосомъ, *также жалобными* пищъ, *укрывающихся въ листахъ* „древесныхъ? Не шы ли произносишь *мнѣ* „непоняшныя слова въ журчаніи водъ и „воѣ вѣпра, дующаго *сквозь древа лѣсныя*? „О! приближься ко мнѣ, шѣнь возлюбленная! приближься къ сердцу, шебя ищущему! приближься и успокой меня! Но, „увы! пагубный вѣшперъ, *по необходимости*, дунулъ на несчастную—и она погибла, погибла для всего, что было ей дра-

“гоцѣннѣйшаго въ семь мѣрѣ! Желательно,
 “чпобъ могила какъ можно скорѣй при-
 “няла въ нѣдра свои доспойную сожалѣ-
 “нія Машильду...”, — И вошь какъ поскуешь
 Машильда. . . порусски!

А вошь какъ начинаешся 7 я книга
 вшораго помика.“ Мы слабыя, *неразум-*
 “*ныя* шворенія! Какое спремимся воздвиг-
 “нушь въ будущемъ зданіе нашего благо-
 “получія! Не щадимъ ни заботъ, ни пру-
 “довъ, дабы собрашь къ шому *потребные*
 “матеріалы и сдѣлашь его для себя удоб-
 “нѣйшимъ!,,

“Оба проливали погда слезы умиле-
 “нія, и всеобщее восклицаніе *августѣй-*
 “*шаго* собранія показывало, сколько было
 “оно пронупо шакою сценою...”, — *Авгу-*
 “*стѣйшее* собраніе! (*auguste assemblée*) —
 (*третій томикъ, стран. 49.*)

“Въ эшо время Машильда произвела
 “на свѣшъ сына, конорый еще болѣе у-
 “крѣпилъ ихъ узы; ибо они съ удоволь-
 “спвіемъ находили въ немъ *терты са-*
 “*михъ* себя. О непоспижимая природа!
 “Вошь какъ съ самыми очаровашельными
 “видами швоихъ швореній соединяешь шы
 “все, могущее съ приапносшію занимашь

“сердечныя наши чувствованія!”, — Какъ-
 по поймушь эпо чипапели Машильды,
 если они найдутся! — “Твоя гармонія у-
 “спановлена не для глазъ шокмо проспа-
 “го смершнаго — нѣтъ, онѣ (глаза)? до-
 “стигають самага сердца его, и сердце
 “въ полной мѣрѣ ощущаетъ оную. (Разга-
 дайте!) — “Опець и машь проливають
 “слезы благодарности при рожденіи сво-
 “его первенца, при видѣ его улыбки *или*
 “(?), при видѣ сходства съ самими собою,
 “и сіе сходство *надѣются передать трезв*
 “него внукамъ...Эпо естешвенно долж-
 “но упѣшать слабое, скоропреходящее
 “существо, пресмыкающееся во прахѣ.,,
 Такъ заключается книга XII 4 го томака.

I.

~~~~~

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

(Продолженіе.)

21.

Эрасшь вбѣгаешь въ свой кабинетъ;
 бросаешь на споль—шляпу и перчатки;
 бросаешь на полъ — свои элегіи и повѣ-

спи; кругомъ себя бросаетъ дикіе взгляды и самъ бросается на софу. Прошедшее, настоящее, будущее, радости и печали, ночь и день, свѣтъ и тьма ... въ пораженномъ разсудкѣ его слились въ одно мучительное ощущение земнаго бытія. Онъ еще не умеръ — онъ ни живъ, ни мертвъ. Но воцѣ — слезы быспрѣе полились изъ глазъ его ... въ при ручья, въ чешыре ручья, въ пящ, шесщъ ручьевъ... ему легче; онъ вздохнулъ ... и гранищъ, давившій его, спалъ съ груди его. Онъ поднимается съ софы, поднимаетъ свои элегіи и повѣщи съ пола — и садится къ письменному столику, преклонивъ свою побѣдную голову на ладонь лѣвой руки. Начинаетъ распушывать мысли свои, проясняетъ мракъ души своей ... но Судьба хощѣла истощить надъ бѣднымъ все свое ширанство: онъ слышитъ громкіе вопли въ комнащѣ опца своего ... любовь сыновняя пробуждается — Эрасщъ бѣжитъ къ Ліодору .

22.

Посреди комнашы, на полу, лежалъ Ліодоръ и спращнымъ голосомъ требовалъ помощи; кухарка, споя на колѣняхъ

передъ нимъ, рыдаешь. Эраспъ бросается къ ошцу.

Людоръ смоприпъ на сына неподвижными глазами — лице его багрово-синевашое ужасаетъ Эраспа.— “Лѣкаря! ради Бога, лѣкаря!”, кричишь больной охриплымъ голосомъ ... и нѣжный сынъ бросается изъ комнапы и бѣжишь на сѣзжую. Лѣкаръ съ ужасомъ смоприпъ на несчастнаго Эраспа, и думаешь, что передъ нимъ бѣглець изъ Преображенской больницы. Эраспъ едва переводишь духъ; глаза его ошь слезъ и красны и распухли; засохлыя губы дрожапъ ... онъ чупъ держишь на ногахъ. Прерывающимся, глухимъ шопшомъ, просишь онъ Лѣкаря иди съ собою ... и Лѣкаръ съ шайнымъ спрахомъ слѣдуешь за Эраспомъ. Ни полслова во всю дорогу— Эраспъ не идешь, бѣжишь— Лѣкаръ не посѣваешь за нимъ и ошшаешь ... Эраспъ ошпанавливается ... и манишь его указательнымъ пальцомъ правой руки.

Вообразише сухощаваго мужчину, въ черномъ сершукѣ, блѣднаго какъ смерть... черные его глаза неподвижны, волосы въ безпорядкѣ... въ одной рукѣ шляпа, другою

манишь къ себѣ...Ужасно! ужасно! И Лѣ-
карь.. съ препеномъ въ душѣ ... идешь за
шайншвеннымъ незнакомцемъ .

23.

Ліодоръ всегда любилъ хорошенько
покушашь, и всякой день поспоянно, въ
8 часовъ упра, завпракаль. Онъ любилъ
бифшпексъ, любилъ яичницу, любилъ ше-
лячьи кошлешы; но всего болѣе любилъ
грибы! Онъ гошовъ былъ ѣспъ ихъ во вся-
кое время, даже послѣ обѣда, даже послѣ
ужина; но давнымъ давно сказано, что
неумѣренность гибельна, и Ліодоръ узналъ
эту гибельную истину. Покушавъ гри-
бовъ, онъ занялся прубкой, и сидя подлѣ
окошка на Волперовскихъ креслахъ, весе-
ло посмашриваль на улицу; но соблазни-
тельный вкусъ грибовъ и смѣшаны, ко-
шпоруо они были приправлены, не иощреб-
лялся шабачнымъ дымомъ. Ліодоръ вдаеш-
ся въ соблазнъ раздраженнаго аппешина
и велишь подашь себѣ еще сковородку съ
грибами . О, неумѣренность! неумѣрен-
ность! Едва Ліодоръ насладился впоруо
подачею любезнаго ему кушанья, и ... по-
кашилъ съ Волперовскихъ кресель.

Лѣкаръ пуспилъ больному кровь; велѣлъ поспавишь ему ноги въ горячую воду и ушелъ, благодаря Бога, что спрахъ его миновался, что шайнспвенный незнакомецъ не изъ Преображенскаго . . . . Однако Медицина не пересилила грибовъ, и Людоръ хотя выздоровѣлъ, но лишился упопробленія правой руки и правой ноги. Вошь еще прибавленіе къ огромной испоріи великикъ бѣдспвій, ошъ маленькикъ причинъ!

24.

Эраспъ не могъ снести шяжеспи обрушившагося на него несчаспія — и чпобъ сбросишь его въ вихрѣ разсѣянія, пошелъ въ псапръ.

Предспавляли *Земиру* и *Азора*. Эраспъ сидишь въ паршерѣ, и все вниманіе его усшремлено на игру акперовъ. Сшраданія Азора проницають всю его чувспвишельность; онъ спрадаешъ вмѣспъ съ эшимъ несчаспнымъ оборошнемъ . . . плачешъ, вздыхаешъ—но все эпо дѣлаешъ шихонько, зная, что холодные люди, рабы приличія и обыкновеній, не позволяють въ псапрѣ и поплакать и посмѣяшься вдоволь. Эраспъ душишь вздохи и рыданія,

глошаешь слезы ... но это усилие еще больше разсправляет его чувспвишельность. Онъ опклоняешь свои взоры опъ космашаго Принца и обращаешь ихъ на ложи.. и первый предметъ, кошорый предспавляешся ему—Аполлинарія! И она смѣешся!...и она весело разговариваешь съ какимъ-шо молодымъ Офицеромъ...хохочешъ ... эшого ужъ никакъ не могъ перенешъ бѣдный Чершополоховъ ... Слезы брызнули изъ глазъ его, рыданія вырвались изъ груди, и голова его шихо склоняешся на окладиспую бороду сидѣвшаго подлѣ него лавочника. Въ райкѣ подвялся глухой ропощъ, паршеръ заколебался — всѣ головы высунулись изъ ложъ ... шумъ, вопросы, опвѣшы ... Лавочникъ не знаетъ чшю дѣлашь съ Эрасшомъ; но изъ сосшраданія не смѣешъ вышацишь бороды своей изъ подъ головы несчастнаго. Весь паршеръ заговориль — вспающъ со своихъ мѣстъ, шѣсняшся къ лавочнику..но вопшь являешся Кваршальный Надзирашель.. .

Эрасша выносятъ на крыльцо — свѣжій воздухъ проникаешь въ него — онъ оживаешь ... опкрываешь шомные глаза свои, и слабымъ голосомъ благодарить за

помощь соспращапельныхъ бушочниковъ, держащихъ его подъ руки... Полицейскій драгунъ нанимаешъ ему извозчика — и Эрасшъ возвращаешся домой ...

Вѣдь надобножь было въ одинъ день случисься сполькимъ несчастіямъ! Но что прикажете дѣлашь съ Судьбою?

25.

Горе такъ измучило бѣднаго Эрасша; онъ такъ наспрадался, что лишь шолько легъ въ постелю, шо и уснулъ—уснулъ прекрѣпко.

Онъ спалъ ровно сурпки. Проснулся—и всѣ несчастія его кажутся ему однимъ сномъ—мучительнымъ, эшо правда, но и шого довольно; что ему представляющя какъ во снѣ и Аполлинарія и Лѣкаръ и Азоръ и бушочники. Такъ мудрая природа испребляешъ благодѣпельнымъ сномъ все жишейское горе! Но онъ узнаешъ печальную испину...взглянувъ на опца своего; оспашокъ памяти передаетъ оспашкамъ его разсудка слова Аполлинарія... и онъ видить, что Аполлинарія не она, и посвящаешъ безумной спрасши своей слезу прощальную!..Тихая меланхолия согрѣваешъ его разшерзанное сердце

— безмолвная горесць кладеть на него печась свою... Онъ разочарованъ.. опказы-
 ваешся опъ любви — опказываешся опъ
 славы липшерапурной и рѣшаешся по-
 свяпишь себя гражданской службѣ. Опецъ
 съ радосшною слезою слышишь объ эпомъ
 намѣреніи .. въ родипельскомъ сердцѣ его
 опять зашевелились чесполубивыя же-
 ланія, и онъ благословляеть сына оспав-
 шеюся лѣвою рукою. Эраспь, заняпый
 предположеніями, будущимъ — пользою,
 кошорую доставипшь спраждущему чело-
 вѣчеспву, споя подѣ вѣсами Феиды,
 Эраспь спокойнѣ... Эраспь сдѣлался важ-
 нѣ... Онъ уже не занимается романами,
 не пишеть элегій .. сидипъ подлѣ опца
 своего и говоришь — о законахъ, о шяж-
 бахъ, о правахъ, или чишаеть Воинскіе
 Процессы, Судебникъ, Уложеніе, сидя въ
 своемъ кабинетѣ... Несчаспія, шакъ ска-
 зашь, закрѣпили его моральное сущеспво,
 придавили его пламенное воображеніе и
 заспудили пыльное сердце.

26.

Эраспь опредѣлился въ Канцелярію
 Гражданскаго Губернашора. Заняпія раз-

съяли его грусть ... пламенное воображеніе вспыхнуло, сердце снова разцвѣло для радостей жизни; онъ сдѣлался попрежнему доступенъ всему высокому, изящному, нѣжному; забылъ свои безразсудные объщанья, и въ свободное время попрежнему пишеть элегіи, попрежнему плаваешь въ морѣ наслажденій, читаешь романы . . . . . и старыхъ друзья, опраднавъ слезы, открыли для него свой благодѣтельный источникъ. Кшо и чшо пересилишь природу?— Ничшо! никшо!

Но Агнеса? Аполлинарія? Не уже ли онъ совсемъ забыли Эраспа? Нѣтъ! Онъ видѣли его въ шеапрѣ; видѣли печальный выносъ его; въ пошть же вечеръ послали узнать о здоровьи и искренно жалѣли о бѣдномъ... Эраспъ изъ благодарности былъ у Агнесы — но не видалъ жестокой Аполлинаріи. Она не показывалась ему, зная, чшо онъ слышалъ ея разговоръ объ немъ... Агнеса приняла Эраспа, какъ роднаго, съ участіемъ спрашивала о здоровьи его, о Людорѣ... но Эраспъ — не бываешь уже у нее каждый день ... слова Аполлинаріи опшзываются въ глубинѣ души его — какъ звуки опдаленнаго грома —

какъ печальное завываніе филина во мракъ дремлющей рощи!

27.

Амуръ и Аполлонъ безпрестанно отгоняли Эраспа отъ вѣсовъ Фемиды: чувствительность совершенно поссорила его со строгой богиней правосудія. Эраспу дали переписать дѣло объ одномъ важномъ преступникѣ... Эрасъ принялся за работу, продолжаетъ ее—и не кончаетъ. Слезы состраданія льются рѣкою изъ глазъ его, и онъ рѣшиительно отказывается отъ дальнѣйшей переписки. Спрашиваютъ его о причинѣ: онъ говоритъ, что не можетъ писать приговоровъ... Надъ нимъ смѣются—онъ сердится; начальникъ требуетъ повиновенія — Эрасъ говоритъ свое. Можетъ быть онъ одержалъ бы побѣду, еслибъ не заглянули въ оригиналь, съ котораго онъ долженъ былъ переписывать. Вообразите! половина его и важнѣйшія приложенія смыты... Эрасовыми слезами!! Кое-гдѣ оспались слѣды буквъ, все прочее поглощено ручьемъ слезъ чувствительнаго переписчика. Эраса допрашиваютъ, и онъ съ

горькою усмѣшкою признаешь свои слезы. “Такъ, говоришь онъ, это мои слезы! “Я плакалъ, чистая испорію несчастнаго “и, клянусь! спраданія его могушь срав- “няшься только съ бѣдспвіями Лазарія “Тормскаго! Я не спыжусь слезъ своихъ— “онѣ шекли изъ любви къ челоѳчеспву!”,

Съ изумленіемъ выслушалъ Начальникъ опѳѳшь нѣжнаго Эраспа — съ участіемъ взглянулъ на него — и пожалъ плечами...

На другой день — Эраспъ получилъ опшпавку. Слезы были причиной опшпавки и несчастій Эраспovýchъ — и шеперь шѣ же слезы ушѣшаютъ его въ горѣ — шѣ же слезы примиряють его съ несправедливыми людьми и враждующею судьбою! Вошпъ и справедлива пословица: *гелиѳ ѳшибся, гелиѳ и лѣгитесь!*

28.

Эраспъ свободень; шеперь всѣ часы его посвящены природѣ, Музамъ и знакомымъ...Любовь къ Аполлинаріи давно уже высвободилась изъ его сердца; онъ уже успѣлъ послѣ шого влюбиться и въ Глафиру, и въ Лидію и въ Полину, и въ Зинаиду, и въ Евпраксию, и въ Пелагею, и

въ Кашию, Машу, Сашу, Напашу, и пр. и пр. и пр. Если онѣ и не совсемъ опивѣчали на любовь его, не менѣе того она послужила ему предметомъ для сорока чепырьхъ посланій, приидцати двухъ элегій и восьмидесяти мадригаловъ: *Все къ лучшему!*

Просмотрѣвъ свои стихошворенія, Эраспъ покачалъ головою — и вздохнулъ. Онъ увидѣлъ слѣды безнадежной любви своей — слѣды волновавшихъ его спрастей — видѣлъ на каждой спраницѣ оппечашки въспренности, измѣнъ, нечувспвишельности прекраснаго пола и въра его въ счастье любви поколебалась... Онъ печально закрылъ книгу своихъ чувспвованій — и взглянулъ на улицу. Напропивъ... въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, у окна, сидишь молоденькая женщина... съ книжкою въ рукахъ. Какое опкрышіе! Эраспъ забываешь въспренность, измѣны и нечувспвишельность прекраснаго пола, берешь въ руки зрительную трубку и наводишь на окно сосѣдки. Онъ едва переводитъ дыханіе — руки его дрожатъ — сердце, кажешся, хочешь выпрыгнуть изъ груди его... ему

видится, что незнакомка прелестна—ему кажется, что она плачешь!...“О чувствительная красота! думаешь Эраспъ; как должны быть сладки слезы твои!,, Но как описать восхищеніе Эраспа, когда онъ очень ясно увидѣлъ, что незнакомка плачешь...чипая его повѣсти? Да, его повѣсти! Онъ счастливъе и довольнѣе Вольпера, увѣнчаннаго въ театрѣ! Съ поспѣшностію бросаетъ онъ трубку, и бѣжитъ — къ своей кухаркѣ..“Не знаешь ли кто живешь противъ насъ?,, — А! это въ маленькомъ домикѣ, съ зелеными ставнями? —“Да,,—Какой-то чиновникъ, бапюшка! —“Фамилія его?,,—Не знаю, родной мой! —“Женатой?—,,Женатъ, бапюшка!—“Не дочь ли его сидитъ у окна?,, — Позвольте - ка взглянуть, бапюшка! — И кухарка бредетъ въ Эраспову комнату ... смотришь ..Да, это жена его! сама хозяйка, бапюшка!... — Эраспъ онѣмѣлъ съ досады. — “И это не *она!* сказалъ онъ—и съ горя спать писалъ 45е посланіе: *къ незнакомой гитательницѣ моихъ повѣстей!*..О пы! и такъ далѣе, и такъ далѣе, и п. д.

Ты не *она*...но схожа на *нее*!

Такъ заключилъ Эраспъ свое посланіе, и поплчасъ опнесъ его къ Журналисту. Вся чипающая публика съ восторгомъ приняла новое произведеніе Эраспа; возникли споры: одни говорили, что Чертополоховъ своимъ нѣжнымъ слогомъ очень близко подходитъ къ Сумарокову; другіе спавили его гораздо выше Сумарокова; шрепши сравнивали его съ Ломоносовымъ; педанпы доказывали, что Чертополоховъ не знаешь Грамматики... Эраспъ не занимался спорами—онъ одинъ разъ навсегда сказалъ, что онъ *выше общаго мнѣнія, и вѣритъ только одному себѣ*...Но всего болѣе радовало Эраспа — знакомство съ *похожею на нее*. Да! онъ познакомился съ сосѣдкой, и по необходимости — съ мужемъ ея.

Клеопатра (шакъ звали сосѣдку) была жена одного опшпаннаго Офицера. Мужъ ея, Капитанъ Поспѣловъ, приѣхаль съ нею въ Москву по шяжебному дѣлу: заняшый съ ушра до вечера своимъ

процессомъ, онъ почти забылъ свою жену..и какую жену! наибъчувствительнѣйшую женщину!—Но говоришь ли о томъ, когда мы видѣли, что она плакала, чиня повѣсти Чернополохова? Попробно ли туть больше словъ?..Ни полслова!..

Эрасъ, съ тайнымъ прешепомъ, допрашиваетъ свое сердце — и съ ужасомъ узнаешь, что оно пылаетъ любовію къ Клеопатрѣ! Чувствительность, одинаковый образъ мыслей, совершенно сходные вкусы, близкое сосѣдство, все, все соединилось къ несчастію Эраса. Онъ же безпрестанно бываетъ у нее, чиняетъ съ нею романы—плачетъ съ нею—поетъ ей пѣсенки—она, она сама и взорами и *полусловами* открыла ему, что Авшоръ чувствительныхъ повѣстей любезень ея сердцу—она сама всякой день приглашаетъ его къ себѣ—и она же подарила ему розовую ленту на гипару!?!...Что дѣлать Эрасу? Куда бѣжать? Гдѣ скрѣшься? Бѣжать? Скрѣшься?—Опъ сердца?—“Жесточкая судьба! говоришь Эрасъ—жесточкая судьба! я нашелъ ее—но зачемъ шакъ поздно? Зачемъ не ранѣе?,,

Въ одинъ день—Эрасъ принесъ Кле-

опатрѣ послѣднюю повѣсть свою. Читаешь—видишь слезы въ глазахъ чувствительной — забываешь свои правила, не слышишь голоса угрюмаго разсудка... бросаешься на колѣни и открываешься въ сласпи своей.

3о.

Въ шу самую минушу—входишь мужъ, Клеопатра падаетъ въ обморокъ—Эраспъ не смѣешь пошевелишься съ колѣней — мужъ безмолвно приклоняется къ дверямъ ...грозная пишина...и молчаніе продолжаются при минушы съ половиною . . .

Поспрѣловъ, хладнокровно кладешь на столъ шляпу и палку, и подходишь къ Эраспу. Эраспъ вспааетъ.—‘Завтра, въ 8 часовъ поутру, говоришь Поспрѣловъ — въ Перовской роцѣ — я ожидаю васъ! со мною будешь все, что надобно!’,—Эраспъ хопѣль что-шо опивѣчашь... “Слова здѣсь не нужны, прерываетъ его Поспрѣловъ—шепѣрь извольте идти куда вамъ угодно!’,

Эраспъ, самъ не зная что дѣлашь — выходишь изъ комнашы...Въ мрачной думѣ возвращался онъ въ свой кабинетъ;

и медленно садится къ письменному столу; грозныя слова: *завтра, въ 8 ч.— въ Перовской роцѣ....* опдаются въ душѣ его, какъ пѣніе погребальное. Онъ впадаетъ въ безчувственную задумчивость.

“Такъ! я умру! умру!—говоришь (про себя) несчастный. — Завтра въ послѣдній разъ увижу блестящее солнце! Завтра въ послѣдній разъ взгляну на прекрасный, великолѣпный свѣтъ Божій!., — Въ эту минушу струна на гитарѣ его лопається съ прескомъ ... Онъ съ ужасомъ вскакиваетъ со стула. Волосы его споняются *на дыбы...*

“Все кончено! говоришь онъ дикимъ полутономъ (какъ Отелло на 113 страницѣ 24 части *Благонравнаго*). берешь лишь бумагу, перо — и пишешь свое духовное завѣщаніе.

“Родитѣль!

“Благодарю за жизнь! ... благодарю—за
 “всію! ... Слѣзы ... копорыми омываю эти
 “прощальные спроки ... приношу какъ
 “последнюю жертву сыновней горячо-
 “спи!! ... Схароните меня .... въ Марьиной
 “роцѣ ... тамъ любилъ я наслаждаться
 “жизнею! Праспой надгробной камень ....

“и напишь еще проспешъ... Вопшь она:
 “*Прахожій! прости! да свиданія!*

“Гипшару мою опдайше за долгъ из-
 “вощику Максиму. Горнишной Мампріонѣ,
 “все мое белью, розовой шѣйной плапокъ,
 “и бланжѣвые шолковые чулки.

“Аспающіяся у меня деньги, одинъ
 “рубль пепнадцашъ коцѣекъ, и всіо плапшѣ
 “Федоту — акромѣ плисоваго кафшана
 “копорой опказываю кухарке Маврѣ. Ей
 “же новыя сапоги.

“Сочиненіи мои оспальные продайше,
 “послѣднія цѣна 75 коп. за лиспъ.

“Францускую Грамашику, и разго-
 “воры, сафу и бюро, опдайшѣ за долгъ
 “въ Греческой кафейной.

“Въ ящичкѣ, письмѣннаго сполика
 “найдепѣ, разные драгоцѣнные для меня
 “вещи, какъ шо, белую песемочку, чор-
 “ную лѣнпючку, засушоной василіокъ, и
 “трипцашъ одинъ конфешной билѣшецъ
 “... Сажѣшѣ всіо!

“Просшишѣ Бапшюшка! просшишѣ
 “друзья мои Федошѣ, Мампріона и Мавра!.,
Ерастѣ Чертополоховѣ.

Написавъ это письмо, Эраспъ запе-
 чашаль его и положиль на свой письмен-

ный сполыкъ. Спрашась своихъ чувствованій, онъ нейдешъ къ опцу, но желая насладиться еще видомъ почтеннаго родителя, онъ идешъ къ дверямъ его комнаты, когда пошъ ужиналъ—смопришь въ замочную скважину на несчастнаго Людора — мысленно молишь его о благословеніи и колеблющимися ногами возвращаешься въ свой кабинетъ. Въ изнеможение падаешь на софу... и ему кажешся, будто онъ уже въ хладныхъ объятіяхъ смерти!

31.

Эрасъ провелъ самую безпокойную ночь; ни сна, ни одной опрадной мысли! Омертвѣлое воображеніе его носилось въ шуманъ грозной неизвѣстности...Игрокъ, потерявшій все свое состояніе... обманушый мужъ..... поэшь, обруганный во всѣхъ журналахъ, вѣрно не мучились такъ ночью, какъ нашъ бѣдный Черпополоховъ! Появилось солнце, и лучи его для Эраса были страшнѣе молній...Онъ сущесивуетъ для одного только спраданія; памяшь его сохранила только слова: *8 часовъ, Перовская роща.*

Въ спрашномъ ожиданіи Эраспъ лежишь на софѣ; съ каждымъ часомъ увеличивается біеніе его сердца... Ударило 7 часовъ... и ему кажется, будто вся кровь замерзла въ его жилахъ... Онъ вскакиваетъ съ софы, бросаетъ послѣдніе взоры на окружающіе его предметы — бѣжитъ къ дверямъ опцовой комнаты... пашь все пихо!... Лідоръ еще спитъ... Эраспъ цѣлуешь дверь, опдѣляющую его опъ родителя, обливаешь слезами ручку замка — выходишь изъ дома — занимаешь извощика, и вотъ онъ уже въ Перовѣ.

Поспрѣловъ идешь на вспрѣчу къ Эраспу. “Пожалуйте сюда,, — говоришь онъ—и идешь въ роцу. Въ молчаніи пробираюшься они между кудрявыми березами, душистыми липами, шрепещущей осиною, печальными соснами и елями, разѣсисшимъ дубомъ, и оспанавливающа на маленькомъ лужкѣ, со всѣхъ споровъ закрытомъ геспепримными деревьями... — Здѣсь? спрашиваешь Эраспъ, умирающимъ голосомъ. — “Здѣсь!,, швердо опвѣчаешь раздраженный мужъ.—“Выбирайте что хопните: шпагу, саблю, или пистолень?,, — Что вамъ угодно! — “Пи-

сполешы?,,—Какъ вамъ угодно!—“И шакъ рѣшено!,, — Въ ту же минушу Поспрѣловъ вынимаешъ изъ кармановъ два пистолеша : одинъ изъ нихъ подаетъ Эраспу, даешъ ему пороха, пулю... а самъ съ непонятнымъ равнодушіемъ начинаешъ заряжашъ свой пистолешъ. Эраспъ ни живъ, ни мерпвъ ; смотришь на приговленія своего прошивника, и въ недоумѣніи поглядываешъ по на свою пулю, по на порохъ, по на ужасное оружіе.

Поспрѣловъ зарядилъ свой пистолешъ и смотришь на Эраспа. “Чшожь вы не заряжаешъ?,,—Но мы безъ свидѣтелей!— “Ихъ не нужно!,, — Правила. — “Извольте заряжашъ!,, закричалъ Поспрѣловъ спрашнымъ голосомъ. Эраспъ поблѣднѣлъ, какъ парусина; руки его невольно опустились и глаза наполнились слезами. Молчаніе. “Чшожь вы, сударь, не заряжаешъ?,, повпоряешъ раздраженный Капитанъ . . . Эраспъ смотришь на пистолешъ, продуваешъ его — кладешъ прежде пулю, потомъ порохъ... — “Вы не шакъ заряжаешъ!,, говоришь ему грозный прошивникъ. — Эраспъ молчишь — языкъ его не можешъ пошевелишься.

Поспрѣловъ, съ насмѣшливою улыбкою, смотришь на бѣднаго Позша...пихо, какъ въ могилѣ! — Кажется, все припаялось въ природѣ — ни одинъ листокъ не пошевелился — ни одной ипички подъ свѣплыми небесами — ни спрекозы, ни кузнечика не слышно въ густой, сочной шравѣ. . . . .

Эрасъ спойшь на одномъ мѣспѣ, какъ преступникъ, приговоренный къ смерпи. .. Поспрѣловъ подходитъ къ спрадальцу. “Я вижу, говоришь первый, что мнѣ не драшься съ вами — итакъ бросьте свой пистолець!”, — Эрасъ не шевелился съ мѣспа, и не поднимая глазъ, выпускаетъ изъ рукъ грозное орудіе смерпи. — “Слушайше же — продолжаешь раздраженный мужъ — сегодня, непременно сегодня же вы должны выѣхать изъ Москвы .. куда вамъ угодно — чемъ далѣе, темъ лучше! Но помните, сегодня непременно! Только съ эшимъ уговоромъ — прощаю васъ! Возвращайше вы можете — черезъ три мѣсяца; тогда меня не будешь уже въ Москвѣ!”, — Сказавъ эпо, Поспрѣловъ поднимаетъ пистолець, данный Эрасу и скрывается въ густотѣ лѣса...

Эраспъ все еще не можешъ придти въ себя опъ множества ощущеній, впечатлѣній и мыслей, которыя замѣнили въ немъ шакъ быспро одно помительное ожиданіе смерти. Онъ осмаприваешъ окружающія его деревья, и радостною улыбкою привѣспвуешъ сихъ безмолвныхъ свидѣтелей его перехода опъ смерти къ жизни. Тяжелый вздохъ лепипъ изъ груди; слезы умиленія капяшся по радостному лицу его; онъ чувспвуешъ свое блаженство! Прояснившіяся мысли пвердяшъ ему, что онъ живъ, что онъ можешъ еще наслаждаться свѣпомъ Божиимъ. Восхищенный Эраспъ спѣшилъ домой..Тряскія дрожки приводятъ въ совершенный порядокъ разсѣянные мысли его—съ невольнымъ ужасомъ воспоминаешъ онъ грозное появленіе мужа, когда самъ споялъ на колѣняхъ передъ чувспвительною Клеопашрою — припоминаешъ о мучительной ночи, о письмѣ своемъ...и сердце его наполняешся чистою радостію, что все это, слава Богу! счастливо кончилось! Но въ шо же время воображеніе

кажешь ему грозного Капишана и напоминаешь слова его... "Куда же? Куда я поеду? думаешь Эраспъ. И могу ли собратъся такъ скоро? Какъ объявишь бапюшкѣ о такомъ скоромъ, неожиданномъ отъѣздѣ?," — Легкое облачко задумчивости опять набѣжало на лице Эраспа: и въ самомъ дѣлѣ, задумаешься, когда выгоняюшь изъ города — а за городомъ нѣтъ приспанища!

Въ недоумѣннйи возвращаешься Эраспъ въ домъ родишельскій ... Какъ пренепало его сердце, когда онъ вошелъ въ комнату больного отца своего! Съ какими чувствами смотрѣлъ онъ на Федоша, Машрену и Мавру! Съ какими радостными слезами увидѣлъ онъ опять свой уединенный кабинетъ... Тамъ все было въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ оставилъ его въ 7 часовъ поутру. Вънѣ и убійственное письмо лежишь на столикѣ; Эраспъ рветъ его на миллионы частей...

Эраспъ снова задумывается... опять о томъ же, куда ему дваваться, чпобъ успокоить Капишана... Пупешествовать? Да! пупешествовать! Прекрасно! и Эраспъ съ восхищеніемъ одобряешь вну

мысль. Онъ рѣшается идти пѣшкомъ съ однимъ Федотомъ—куда глаза глядятъ—все равно—вездѣ есть люди, вездѣ есть сердца чувствительныя.

Эраспъ бѣжитъ къ опцу и объявляетъ о своемъ желаніи...Ліодоръ нимало не изумленъ; напрошивъ онъ одобряетъ сына: даетъ ему на дорогу денегъ—завѣщаетъ Федоту беречь молодого барина, и благословляетъ Эраспа.

Н. В. Хошице ли знаешь отъ чего Ліодоръ такъ скоро на все согласился?... Капитанъ Поспѣловъ былъ у него и рассказалъ ему все...Теперь понимаешь?

Всѣ пригосовленія къ пупешествію сдѣланы въ чешыре часа. Эраспъ, въ желтой нанковой куршкѣ, въ розовомъ плащочкѣ на шеѣ, въ зеленомъ сафьянномъ каршукѣ, съ лорнетомъ въ лѣвой рукѣ, и шпорошкой въ правой, выспукаетъ изъ дома родительскаго...украдкою бросаетъ бѣглый взглядъ на маленькой домикъ Капитана....Всѣ спавни закрыты...Онъ спираетъ крупную слезу... Федотъ, въ зеленомъ байковомъ сершукѣ, съ маленькимъ чемоданомъ на плечахъ, слѣдуетъ за Эраспомъ, подпираясь суковашою дубиною...

Ліодоръ, выглядывая изъ окошка, кричалъ имъ: *счастливый путь!* Машрена и Мавра, подгорюнясь, спояшь уворошь и смошряшь въ слѣдъ путешешвенникамъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

~~~~~

П. А. Жм...ой *)

(съ дороги.)

Я разлучень съ тобою!

Я ѣду—вошь уже далеко на пуши!

Скажуль еще: “Полина, не груши!,”

Когда у самага душа полна поскою?

И все не весело, все сумрачно вокругъ:

Въ шуманяхъ солнце ликъ свой
скрыло;

Въ поляхъ, въ нагихъ лѣсахъ безмолвно и
уныло;

Лишь колокольчикъ мой одинъ бренчишь
мнѣ въ слухъ.

Упорно борешся еще зима съ весною

И мшишь распушицей за близкій свой ко-
нецъ;

Никто не встрѣшишься дорогой сполбовою,

*) Сіе посланіе напечатано уже въ VI № *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*, но съ нѣкошорыми ошибками и пропусками. Здѣсь перепечашываешся оно съ дозволенія Сочинишеля. Изд.

Ничей подъ полозомъ не провизжишь рѣ-
зецъ.
Но пусть мой скучень пушь; шебѣ—я очень
знаю—

Тебѣ еще скучнѣй:

По крайней мѣрѣ я мѣша перемѣняю:
Ты видишь поже все—природу и людей.

*

Сегодня вдругъ на небѣ прояснилось;
Разсѣялись гусшыя облака,
И солнце юное очамъ моимъ явилось,
Какъ жданный милый гостъ, какъ другъ из-
далека.

Ахъ, какъ оно приятно грѣшъ!

Какъ гонитъ снѣгъ съ холмовъ, съ по-
лей!

Какое множесство шумитъ вездѣ ключей!

Какой Зефиръ на встрѣчу вѣшъ!

Полина! радуйся: близка, близка она,
Намъ благодатная весна!

*

Люблю воображать, какъ ты, мой другъ
безцѣнный,

Поушру, вечеромъ, задумавшись, идешь
Въ свой садъ уединенный;

Съ какимъ вниманьемъ перечесть

Цвѣшны, годовые назавтра распущишься:
Чемъ больше ихъ, темъ тише, чьего возвра-
ща ждешь,

Скорѣ долженъ возвратишься;

Немъ гуще ошь деревьъ лежишь въ пропик-
какъ шѣнь,

Темъ ближе новой встрѣчи день.

Но замѣчай: вошь признаки свиданья:

Когда гроздистая разкинется сирень,

И садъ исполнился ея благоуханья;

Когда въ гусшой правѣ кузнечикъ закри-
чишь;

На нивѣ рожь заколосишься,

И громъ, сквозь крупный дождь, оспрадно
прогремишь:

Тогда, не ранѣе — пакъ спрогий долгъ ве-
лишь—

Твой опдаленный другъ съ побой соеди-
нишься.

*

Спѣши же, красная весна,

Природу разбудишь ошь шягосшнаго сна!

Сойди скорѣе къ намъ по радугѣ прозрач-
ной! *)

Разсынь цвѣшы, разкинь покровъ свой
злачной.

Я съ радоспной душой всегда шебя встрѣ-
чалъ:

Люблю лазурь небесъ, поля и роцей сѣни—

Но никогда еще къ шебѣ не проспираль

Съ такимъ усердіемъ призваній и моленій.

26 Марта, 1824.

В. Панаевъ

Тверь.

~~~~~

*) Удачный и живописный стихъ! Изд.

Опасность.

Блещишь на свѣчкѣ огонекъ.
И шихъ и свѣшель и приманчивъ!
Ахъ, дальше, милый мошылекъ!
Приятный блескъ его обманчивъ;
Ты крылышки сожжешь себѣ,
И будешь вѣкъ пѣнять судьбѣ.

*

Не спишь коварный пшицеловъ,
Раскинувъ пагубную сѣтку —
Соловушка! швой плѣнь гошовъ;
Лети — иль попадешь ты въ клѣтку —
Въ неволѣ волю воспоешь,
И съ груши наконецъ умрешь.

*

Ища добычи гладный волкъ,
Между деревьевъ быспро рыцешъ.
Овечка! не ходи въ лѣсокъ:
Твоей гибели онъ ищешъ;
За рѣзвостъ юноши швоей
Заплашишь жизньню своей.

*

Таясь средь розовыхъ кустовъ,
Амуръ стрѣлою острой цѣлишь.
Красавица! бѣги цвѣшовъ,
Иль сердце онъ шебѣ прострѣлитъ;
Съ шоски свѣшь бѣлый проклянешъ,
Какъ цвѣшь увянешъ, пропадешъ!

С. Губановъ.

Голубые глаза.

Глазъ милый свѣшло - голубой
 Глядишь полуоткрышо помно,
 И говоришь шихонько, скромно:
 "Другъ нѣжный будешь счастливъ мной!,"

А. В.

Разлитіе во времени.

Поспигнушь не могу двухъ спранныстей
 въ себя:
 Не видяся съ шобой, часы считаю днями;
 Когдажь увижуся, тогда — клянусь тебѣ—
 Минуты бы хотѣлъ я прощянуть годами.

А. В.

Молодой Насмѣшницѣ.

Мила дѣвушка! не смѣйся,
 Надъ другими не шути,
 Меньше на себя надѣйся:
 Нѣшь въ насмѣшкахъ, другъ, пути.

*

Если ты еще по счастью
 Вольность сердца сберегла,
 Не гордись чужой напасью:
 Будешь болѣ мила.

*

Но не думай, другъ сердечной,
 Вѣкъ, смѣясь, прошушишь;
 Будешь время, что конечно
 И себѣ придеши грустишь!

*

Будешь время, что узнаешь
 Слезы ошъ чего шекушь;
 Будешь время — испышаешь,
 Какъ печали сердце рвушь.

*

Будешь время, что завянушь
 Розы на швоихъ щекахъ.
 Ахъ! тогда — не дай Богъ! — спанушь
 Надъ шбой шушишь въ глазахъ *)).

*

Ты тогда, мой другъ, вспоманешь
 Справедливый мой совѣшь;
 Вѣришь опышомъ ужъ спанешь,
 Что въ насмѣшкахъ пользы нѣшь.

А. В.

~~~~~

ВОЛШЕБНЫЙ КУБОКЪ.

Восточная Сказка.

Адимъ, Индѣйской Султанъ, былъ сча-
 спливѣйшій Монархъ своего времени, по-

*) Надлежало бы сказать: въ глазахъ твоихъ, или
 просіо: въ глаза. Изд.

тому что любилъ правду, и имѣлъ Визиря, который ее говорилъ ему. Въ достовѣрности этого извѣстія ручается намъ Абдуль Каземъ, изъ рукописей котораго почерпнули мы нашу повѣсть. Адимъ былъ также храбрѣйшій Государь, и нѣсколько разъ сражался со своими сосѣдами, безпокойными завистниками его славы. Во время самаго кровопролитнаго сраженія, онъ былъ спасенъ отъ неизбѣжной смерти однимъ изъ своихъ воиновъ. Сулпанъ, въ безпредѣльной признательности, предложилъ ему почести и богатства; но Миснаръ (имя воина) почтительно отказался отъ награды и просилъ только одного позволенія: жить ему на родинѣ и въ уединеніи.

Адимъ не могъ удержавъ его въ службѣ своей, но сохранилъ къ нему истинное уваженіе и часто навѣщалъ его смиренное жилище. Съ каждымъ днёмъ благосклонность Монарха увеличивалась къ человѣку, соединившему въ себѣ доброе сердце съ просвѣщеннымъ умомъ — наконецъ онъ предложилъ Миснару мѣсто Великаго Визиря. Миснаръ опклонилъ это предложеніе, и опять повѣствовалъ

просьбу свою о помѣ, чѣтобъ ему дозволено было спокойно жить въ своемъ уединеніи. — О Адимъ! мой великодушный Государь! сказалъ онъ, съ самаго младенчества меня приучали уважать правду: какъ же принять мнѣ званіе, которое не позволяетъ мнѣ быть искреннимъ? Враги окружаютъ меня, спануютъ ложно рассказывать о самыхъ невинныхъ поступкахъ моихъ — рано, или поздно, я лишусь своихъ милостей: еслижъ избѣгну смерти, то долженъ буду возвратиться къ ничтожеству, изъ котораго ты хочешь меня извлечь. — “Миснаръ, возразилъ Султанъ, ты не знаешь своего Государя; не спрашисъ говоришь мнѣ правду, не спрашисъ злобы ненавистниковъ— и прими предлагаемое тебѣ мѣсто!..— Миснаръ не прекословилъ больше, и повергнулся къ ногамъ своего Государя.

Кропость Адимова доставила ему прозваніе: *благодѣтельнаго*; Миснаръ усердно помогаль своему Государю въ его полезныхъ занятіяхъ; любилъ правосудіе, откровенность, и правда его сдѣлала ему множество враговъ; но злоба ихъ не дѣйствовала на умъ Адима. Адимъ и Миснаръ наединѣ были какъ друзья, или равные.

Однажды говорили они о трудахъ соединенныхъ съ мудрымъ правленіемъ — “Они шягоспны, сказала Адимъ, и я не перенесъ бы ихъ, безъ тебя, вѣрный Визирь, и моихъ женъ. Большая часть придворныхъ заняты своею личною выгодною, и хопя безпрестанно твердятъ мнѣ они о своей преданности; но я знаю, что они видятъ во мнѣ не болѣе, какъ машину, необходимую для ихъ честолюбія. Жены мои, напрошивъ, любятъ меня. Не такъ ли?,, — Я думаю, отвѣчалъ Визирь, что и жены ваши похожи на придворныхъ, и любятъ въ васъ Государя. Впрочемъ и не возможно, чтобы женщина любила искренно того человѣка, у котораго она въ неволѣ и который безъ различія любитъ весь свой сераль! —

“Миснаръ — сказала улыбаясь Султанъ — ты вѣрно хочешь удалить меня отъ всего свѣта; чтобы я шемъ болѣе понималъ швои доспоинсшва. Ты сдѣлался совершеннымъ придворнымъ!,, — Визирь весело выслушалъ шушку, и разговоръ кончился; но слова Миснара остались въ памяти Государя, и управляли его наслажденія. — “Визирь, сказала од-

нажды Адимъ—я опдалъ бы богатѣйшую провинцію шому, кто испребилъ бы во мнѣ сомнѣніе о любви моихъ женъ. Научи меня какъ узнать истину?», — Очень легко опвѣчалъ Визирь; но Государь! не желай знать ее — она, можешь бышь, лишись васъ удовольствія думать, что васъ любяшь пакъ, какъ Государя.—Несмотря на это, Сулпанъ непременно хотѣлъ знать средство увѣриться въ любви своихъ женъ, и Миснаръ подалъ ему старинной работы кубокъ. — Этошь кубокъ, сказалъ онъ, достпался мнѣ отъ моихъ предковъ; все его достоинство въ древности. Однако онъ можешь послужить вамъ къ открытію истины. Скажите Сулпаншамъ, что питье изъ сего кубка имѣеть свойство дѣлать совершенною красавицею ту женщину, которая любяшь искренно: еслижь, напрошивъ, она любяшь прищворно—питье превращается въ жесточайшій ядъ.—Сулпанъ взялъ кубокъ и тотчасъ же пошелъ дѣлать испытаніе. Прежде всѣхъ обратился онъ къ прекрасной Каземъ. «Свѣтло моего Серая! сказалъ онъ, я предлагаю тебѣ средство, еще болѣе возвысись щею красотою, если

эпо только возможно.,, Съ сими словами онъ подаешъ ей кубокъ и рассказываетъ о свойствахъ пипья, въ немъ заключеннаго. Казема блѣднѣетъ; но поспѣхъ же, принявъ на себя спокойный видъ, бросается къ ногамъ своего Монарха. — Могущественный Адимъ! сказала она—моя пламенная любовь къ тебѣ не позволяетъ мнѣ быть несправедливою къ Султаншѣ Зелимѣ, отъ которой ты имѣешь наследника. Ей предоспавлена честь, первой испытать свойства сего пипія; я люблю тебя и уважаю ее! —

“Подлая лицемѣрка!”, сказалъ про себя Адимъ, и ушелъ отъ нее къ Зелимѣ. — О Адимъ! мой повелитель! сказала она; тебѣ извѣстна безпредѣльная любовь моя; ты знаешь, что для тебя я готова жертвовашъ своею жизнію — но я спашусь навлечь на себя небесное мщеніе, прибѣгая къ волшебству! —

Эти слова сильно потрясли душу Адима: онъ такъ былъ увѣренъ въ любви Зелимы!

Султанъ предложилъ пипье юной Заирѣ, и она тоже отказалась, говоря, что спрашно любишь его, а потому, если

выпьеть волшебный напитокъ, по необыкновенная красота ея, вооруживъ противъ нее всѣхъ Султаншъ, и она непременно лишится сердца и милости своего Государя!

Адимъ уже безъ всякой надежды предлагалъ пише прочимъ женамъ, и не прогался ихъ отказами. Оспавалась одна Зюльма, молодая невольница; но Султанъ шакъ мало занимался ею, что не подошелъ даже къ ней — и съ сокрушеннымъ сердцемъ — возвратился во внутреннія свои покои.

Султанъ предался самымъ печальнымъ размышленіямъ и горько жалѣлъ о невѣденіи, которое составляло счастье его жизни. Въ это время докладывающъ ему, что Зюльма желаетъ повергнуться къ его стопамъ. “Чего ты хочешь?,” спросилъ онъ ее. — Правосудія! — “Кто оскорбилъ тебя?,” — Ты самъ... что сдѣлала тебѣ Зюльма, что ты не удостоишь ее испытанія? — “Зюльма, возразилъ съ радостию Адимъ, ты еще въ веснѣ дней твоихъ рѣшаешься на неизбѣжную гибель?,”

Зюльма, ничего не отвѣчая, взяла кубокъ, и выпила все. Въ эту минуту она

вольспвіямъ, баламъ, спекпаклямъ, и обществу любезнѣйшихъ женщинъ...

Наблюдательный, Англичанинъ посѣщаешь библіотеки и музеи, разсмаприваешь развалины и монументы, и срисовываешь аншики.

Голландецъ идешь на биржу, подробно спрашиваешь о денежномъ и вексельномъ курсѣ, а въ оспальное время спокойно куришь шабакъ и пьешь пиво.

Нѣмецъ опыскиваешь ученыхъ, и предспавляешь ко двору.

Ишальянецъ играешь, веселишься, влюбляешься, и бываешь вездѣ — исключая шѣхъ домовъ, гдѣ любяшь Французскую музыку.

Испанецъ, кажешся только одинъ, въ молчаніи изучаешь нравы, законы и постановленія общеспвенныя, и возвращаешь въ опечесиво съ полезными свѣденіями.

Воообще, за небольшимъ исключеніемъ, путешеспвенники не любезны между чужими; они хопятъ все сравнивать съ шемъ, что ешь въ ихъ опечесивѣ; они какъ-шо не охотно хвалятъ все, что видяшь; предубѣжденіе

въ пользу своихъ и своего — слишкомъ примѣнно въ нихъ. Это чувствво происходитъ отъ любви къ опечеству — спраши, можешь бытъ, сильнѣйшей изъ всѣхъ. Вотъ два примѣра тому :

Одинъ изъ народовъ Гвіаны, который отъ періодическихъ наводненій, четыре мѣсяца въ году бываетъ принужденъ жить на деревьяхъ, никакъ не хотѣлъ переселился въ другое мѣсто, когда ему о томъ предложили.

Сибирскіе Депушаны не могли надивиться, какъ Императрица Екатерина можешь жить въ Петербургѣ, въ столь жаркомъ климатѣ.

Путешествія не охлаждають въ насъ этой любви къ родинѣ; но истребляють понемногу предразсудокъ, будто все то хорошо, что наше.

Я говорилъ только о путешественникахъ, которые, по хотѣ, или изъ любопытства ѣздятъ въ чужіе края; но есть еще много другихъ, которые разъѣзжаютъ изъ страны въ страну только для того, чтобъ сказать: *я путешествовалъ!*

Въ числѣ такихъ путешественниковъ есть одинъ молодой человекъ изъ Гаги;

онъ шеперь въ Испаліи, и вопшь отрывокъ изъ письма его, писаннаго къ одному изъ его друзей:

“Со времени нашей разлуки, любезный другъ, я шакъ много объздилъ земель, что шрудно даже пересчишашь города, въ которыхъ я бывалъ. Я было препоручилъ моему каммердинеру Юрію вести крапкій журналъ нашего путешествія; но онъ сказалъ мнѣ, что это не нужно, пошому что въ почтовой книжкѣ подробно означены всѣ станціи и разшояніе отъ одного города до другаго.,

“Во все продолженіе дороги я почши все спалъ; но Юрій, по моему приказанію, долженъ былъ будить меня всякой разъ, когда увидишь что нибудь любопытное. Три, или чешыре раза онъ показалъ мнѣ очень хорошіе виды . . . но нельзя было разсмотрѣть ихъ хорошо, пошому что почталіоны не сворачиваютъ съ дороги.,

“Не помню хорошенько, въ какомъ-то городкѣ, плушь пракширщикъ вызвался показашь мнѣ приумфальныя ворота, сооруженныя Римлянами; судя по его рассказамъ, я воображалъ, что увижу

чтонибудь порядочное — вместо того онъ привелъ меня къ какимъ-то развалинамъ, прегадкимъ, кошторыя давно бы надобно разобрать.»,

“Зная, что путешественникъ обязанъ замѣчать нравы и обыкновенія народовъ, я пробылъ для того два дни въ Вѣнѣ и день въ Венеціи. Я заплашилъ за мои наблюденія 300 флориновъ, потому что провелъ половину дня въ игорномъ домѣ; но я не жалѣю о деньгахъ: нельзя учиться и не плашиться за уроки.»,

“Ты видишь, любезный другъ, что я съ пользою упопробляю свое-время. Юрій сосчиталъ вчера, что до сего мѣсяца мы проѣхали уже 478 миль, и что удивитъ тебя, мы проѣхали это пространство въ 19 дней! Не правда ли, что не многие такъ путешествовали?»,

“Впрочемъ скажу тебѣ откровенно, что я не нашелъ ничего удивительнаго во всемъ, что видѣлъ до сихъ поръ: трактиры вообще прескверныя, нигдѣ не могъ я найти порядочнаго пива; когда же я спросилъ себѣ однажды шпокфишъ, меня не понимали.»,

“Изъ Италіи проѣду въ Парижъ, гдѣ

пробуду три, или четыре дни, чѣшобъ все
осмотрѣшь хорошенько. Наконецъ, про-
ѣхавъ около 900 миль, я возвращусь въ
Гагу; выдешъ, что я употребилъ на усо-
вершенствованіе своего воспитанія не
болѣе двухъ мѣсяцовъ. Скажу тебѣ, что
почтовая книга была для меня самою по-
лезнѣйшею вещью въ дорогѣ; въ Парижѣ
куплю для тебѣ послѣднее изданіе ея, по-
тому что она необходима для образова-
нія юношества. Прощай!.,

(Изъ *Aristarque, journal littéraire de Bru-
xelles.*)

~~~~~

НѢЖНАЯ КРИТИКА.

Я воображалъ, что не имѣю спран-
носшей ... и ошибался! И вошь кому обя-
занъ я своимъ шерешнимъ совершен-
ствомъ .

Я влюбился и понравился. Обыкновен-
но носилъ я шляпу на бекрень, вообра-
жая, что это ко мнѣ приспало ... но
Эрнесина сказала мнѣ, что это не бла-
городно ... Эти слова оскорбили мое са-
молюбіе; однако я сталъ носить шляпу
въ совершенномъ равновѣсіи. Замѣчаніе

Эрнеспины не выходило изъ головы моей, и я сообщилъ его моему дядѣ Полковнику. “Темъ лучше, сказалъ онъ, шемъ лучше! Еслибъ дѣвушка была равнодушна къ пѣбѣ, тогда она не замѣчала бы, какъ ты носишь шляпу.., — Эти слова успокоили меня. На другой день я поѣхалъ на балъ, гдѣ была и Эрнеспина ... Подхожу къ ней — “Заглянише въ зеркало, сказала она мнѣ шихо, и поправыше свой галспукъ.., — Я покраснѣлъ, и къ большей досадѣ не могъ цѣлый часъ найши удобнаго случая исполнишь ея желанія ... Я попросилъ ее шанцовашь. Въ шу минушу дядя мой опкрылъ свою шабакерку. Концемъ пальца взялъ я немножко шабачку и поднесъ его къ носу съ разсѣяннымъ видомъ, что мнѣ казалось очень хорошо. Чшожь? Эрнеспина засмѣялась и сказала мнѣ: “Ахъ, Боже мой! какъ вы смѣшны, когда нюхаешь шабакъ! Вы жмурище глаза и выпягиваешь шею самымъ забавнымъ образомъ.., — Я онѣмѣлъ опъ изумленія. Чшо сказала бы она, еслибъ увидѣла, какъ я курю?

Наконецъ весь мой нарядъ былъ передѣланъ по ея желанію. Перчатки, жабо, леншочка на шляпѣ, ничшо не избѣг-

ло ея колкихъ замѣчаній, и я воображалъ, что уже совершенно опдѣлался опъ моего милого кришика ... совсемъ нѣшь! — Она обратилась шеперь къ моему лицу.. спала увѣряшь, что еспъ спранности какъ въ одеждѣ, такъ и въ умѣ, и что у меня ихъ множесшво. Напримѣръ, она замѣпила, что я люблю льспипшь женщи- намъ; что я высокомѣренъ между мужчи- нами; что въ разговорѣ слишкомъ часто употребляю слово: я — и что все эпо очень дурно. Въ заключеніе прибавила она, что эпо замѣчено многими дамами.

По сисшемѣ моего дяди, послѣднее заключеніе должно бы польспипшь моему самолюбію; но я осперегся и боялся при- соединипшь эшу спранность къ моимъ привычкамъ.

Одинъ мудрецъ говаривашь: *если хо- тешъ, чтобъ слѣдовали твоему цтенію, изяснай его гистыми цстами.* Прекрас- ный рошикъ еще сильнѣе дѣйспвуешъ. И любовь Эрнестины скоро сдѣлаешъ изъ меня совершеннѣйшаго мужчину, новаго Грандиссона. Писали прошивъ злой кри- шики; а я, я хотѣлъ бы написашъ похва- лу — нѣжной кришикъ. Въ самомъ дѣлѣ я

не знаю, какъ изъяснишь Эрнеспинѣ мою признапельность за ея нѣжныя замѣчанія на мою особу. — Но . . . прекрасная мысль! — Если опкровенныя замѣчанія на недоспашки любимаго человѣка дѣлають его лучшимъ; почему же мнѣ, сдѣлавшемуся уже почти совершеннымъ, не возврапишь Эрнеспинѣ того, что я опъ нее получилъ? Она мила, она безподобна, въ эшомъ нѣтъ сомнѣнія; однако я замѣпиль, что и она имѣеть свои спранности . . . Въ головномъ уборѣ ея есть что-то выисканное . . . она немножко карпавишь . . . немножко насмѣшлива . . . Я слишкомъ много обязанъ Эрнеспинѣ — и для того непременно долженъ сообщить ей мои замѣчанія: непроспидельный грѣхъ пѣилъ опъ нее мой совѣпцы . . . однако, между нами сказашь, я робѣю. Природа, кажешся, хопѣла, чтообъ однѣ пѣлько женщины имѣли право исправлять насъ; а мы . . . должны любить ихъ со всѣми недоспашками . . . Впрочемъ увидимъ.

ГОРЕСТАЯ КРИТИКА.

Я это предвидѣлъ! Мой опытъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія! Эрнести-на ненавидишь меня; говорите теперь, что *критика легка*; впередъ я буду слѣдовать совѣту Лафонтена *) и хвалишь сколько можно болѣе свою любезную.

Вотъ письмо, копорое мнѣ сообщили:

Эрнестина къ Софѣ.

Ахъ, милая Софья! Какъ обманчивы и непонятны эти мужчины! Слушайте ихъ ласкапельства! Лицемеры! Ты знаешь Карла, того молодого человека, копорый казался шакъ привязанъ ко мнѣ, копорый слушалъ всѣ мои совѣты, копорый всякую недѣлю писалъ ко мнѣ стихи — прекрасные стихи, какъ говорила машушка, и копорый, благодаря моимъ замѣчаніямъ, исправился опъ множества спранны-

*) On ne peut trop louer trois sortes de personnes

Les dieux, sa maitresse et son roi.

Liv. I. fable 14. *Simonide preservé par les dieux.*

шей... эштошъ Карль, моя милая, вдругъ сдѣлался величайшимъ грубіяномъ — эшо ужасно! Онъ разсмащриваетъ мои пошупки! ... говоритъ мнѣ пакія вещи, пакія вещи, о кошорыхъ и маменька не смѣла бы мнѣ намѣкать... напрымѣрь, вчера, онъ долго изволилъ разговаривать о недосшаткѣ, кошорый называють: *картавить*, и описавъ его смѣшнымъ спихомъ Вольпера:

Et l' affectation qui grassaye en parlant,

онъ имѣлъ дерзость сказаць мнѣ, что я каршавлю! — каршавлю почти также, какъ Гжа Р! Сравнивать меня съ Госпожею Р! Каково эшо шебѣ покажешся? Но эшо еще не все! На концерпѣ у Г. Д. я пропѣла Италіянскую арію, и всѣ были въ восхищеніи; онъ пихонько сказаць, какъ будшо какую нибудь нѣжностъ: “вы поеше неподобно: но замѣшили, что вы слишкомъ киваете головою., — Онъ краснѣлъ, говоря эшо ... я поже покраснѣла и не знала что опвѣчать ему; но сегодня я сказала бы: “почно шакъ, сударь — я киваю головою—а у васъ она всегда прямо держишся, и эшимъ вы совершенно

сходны съ куклою!,, ... Если его послушаешь, то я, Богъ знаетъ, что такое! ... Скажи мнѣ откровенно, милая Софья: не правда ли, что не замѣтно никакого принужденія въ моихъ манерахъ? Я рада спорить съ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ все это говоритъ отъ ревности! Онъ находитъ, что я слишкомъ выпягиваю шею, отшѣвая на приглашеніе танцовать ... О! это ревность! Вчера онъ вздумалъ увѣрять меня, что локоны волосъ моихъ очень длинны, а рукава у плащя очень коротки; въ другой разъ я съѣла двѣ порціи мороженаго въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; и я увѣрена, что онъ спанешъ говоритъ о моей жадности ... словомъ: онъ, кажется, рѣшился бытъ моимъ криптикомъ!

Что бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ, милая Софья? Ты не спала бы говорить во всю жизнь съ этимъ несноснымъ наблюдателемъ: и я тоже думаю. Скажи пожалуй: что изъ него будетъ, когда онъ женился? Его жена будетъ мученица! И я ни за какое благополучіе въ свѣтѣ, не рѣшилась бы выдти за него за мужъ. — “Но, сказалъ онъ мнѣ вчера, когда прини-

маемъ участіе въ комъ нибудь, тогда мы ошккровенно говоримъ о его недоспапкахъ. Я самъ много одолженъ вашимъ спрогимъ замѣчаніямъ,,...И вопшь какъ онъ награждаетъ меня за мои замѣчанія! Пущь шеперь смѣюпся надъ нимъ! Я ни слова не скажу ему; я даже сама буду смѣяпсья съ другими, а можешъ быпть, первая. Вообрази, какой екусь! Онъ увѣряешъ, что мой головной уборъ, въ которомъ я была въ прошедшую суббопу у Г. М., совсемъ не приспаль ко мнѣ: я сказала объ эпомъ маменькѣ; она не пошпигаешъ эпой глупости, а парикмахеръ мой опть пого въ бѣшенспвѣ ... Проспи, милая Софья! Завпра увижу шебя! Упѣпшь меня: я измучена. Можно ли было вообразипть, что эпощъ молодой человекъ имѣешъ пакія спранные мысли? Проспши!

(Сокращено съ Франц.)

www.wwwww

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Благодарю Бога за то, что послаль мнѣ умныхъ и добрыхъ друзей; также глупыхъ и злыхъ враговъ: и шѣ и другіе дѣлаюпшь мнѣ большую чеспъ и пользу.

Лицемѣры и фанатики, кажется, болѣе наносятъ Религіи вреда, нежели самыя вольнодумцы.

Не столько мнѣ досаждаютъ невѣжды, баловни слѣпой Форшуны, сколько огорчаютъ просвѣщенные люди съ отличными дарованіями, но съ дурнымъ сердцемъ, или нравственностію.

Не понимаю, какъ могутъ нравиться умнымъ людямъ грубыя похвалы невѣждъ и подлецовъ.

Поперя машери для дочерей въ младенчествѣ едва ли не важнѣе, нежели поперя ошца для сыновей.

Въ скукѣ нужно развлеченіе, въ грусти уединеніе.

Осшроумная и честполюбивая женщина, вселивъ въ благороднаго человѣка истинную спрасшь, можетъ сдѣлать его

любезнымъ, славнымъ; а разсудительная и добродѣшпелная—полезнымъ и даже великимъ.

Любовь представляющъ слѣпою; а я даль бы ей, какъ Аргусу, сто глазъ. Весьма справедливо сравниваетъ Лафоншень *глазъ любовника съ глазомъ хозяина*. Кажется чемъ болѣе кого любишь, темъ болѣе видишь не только его совершенства, но и недоспашки. По крайней мѣрѣ я, и тогда еще, когда былъ очень молодъ и любилъ спраспно прелеспную Юлію, испинно зналъ споль же хорошо ея добродѣшпели, сколько и пороки. Не опъ того ли, что я хотѣлъ быть вмѣспѣ и любовникомъ и другомъ?

Въ молодоспи любящъ спраспно; въ совершенныхъ лѣспяхъ—нѣжно.

Людоръ занимается преимущеспвенно въ общеспвѣ Эмилию и говорищъ ей всегда нѣжноспи; Эмилиа опличаетъ Людора опъ всѣхъ молодыхъ мужчинъ.

Опъ чего же происходишь взаимная ихъ привязанность: опъ дружбы, или опъ любви? — Ничего не бывало: опъ одного только щеславія. Въ глаза сшараются они угождашь другъ другу; за глаза смѣются другъ надъ другомъ. Эмилиа за секретъ рассказываетъ съ шоржесствомъ своимъ подругамъ, что бѣдный Людоръ опъ нее безъ ума; а Людоръ хвастается передъ своими многочисленными друзьями, что вскружилъ легковѣрной Эмилии голову. Опъ любовь шакъ называемаго большаго свѣша! Какъ справедливо описалъ ее между прочимъ покойный Князь Долгорукій.

“Ахъ, какъ мила!”, — *Ахъ, распрелилъ!* —
Гудки съ двора—и жаръ просшылъ.

Старикъ-Наблюдатель.

~~~~~

АНГЕЛИКЪ.

(На заданныя слова: *ваза съ цвѣтами, зеркало, булеваръ, Нева, набережная, Эрмитажъ, шлюпка.*)

Смошрю безпреспанно на свою *вазу съ цвѣтами*. Въ ней спояпъ у меня голубые незабудки, бѣлая лилія и алая ро-

зы. Глядя на первые, привожу я себѣ на память небесный цвѣтъ глазъ вашихъ; въпорыя напоминающъ мнѣ бѣлизну вашихъ ручекъ и лица, а послѣднія нѣжный вашъ румянецъ. Ахъ, Ангелика! вы прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ на свѣтѣ! — Не вѣрите мнѣ?...взгляните въ *зеркало*.

Какъ любитель всего изящнаго, часто хожу я по *булевару* и смопрю на красавицъ. Много есть хорошихъ, пригожихъ, прекрасныхъ, прелесныхъ; но нѣтъ ни у одной шакого плѣнительнаго взгляда, шакой обворожительной улыбки, какъ у васъ, несравненная Ангелика!

Не думайте, что я льщу вамъ. Сколько же ненавижу я лести, сколько люблю истину и васъ. Но если считаеете вы меня за льстеца, за обманщика: то — клянусь вашими прелесными глазками — пойду на *Неву*...оспановлюсь на *набережной* прошивъ *Эрмитажа*... шупъ, говорящъ, очень глубоко... и кинусь съ берега..не въ воду, а...въ *шлюпку*.

27 Авг. П. М.

Лардел ...

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ *).

В. Что всего мучительнѣе?

О. Упреки совѣсти.

В. Чемъ лѣчишься опъ спроси къ стихамъ?

О. Читаешь почаще дурные стихи.

В. Какимъ образомъ можно скорѣе усовершенствоваться себя?

О. Влюбись въ умную и добродѣтельную женщину.

В. Кто умнѣе : женщины, или мужчины?

О. Женщины, потому что совершеннолѣтне положено для нихъ въ 18, а для мужчинъ въ 20 лѣтъ.

В. Можно ли вальсировать бабушкамъ?

О. Можно—только съ прадѣдушками, или съ прапрадѣдушками?

---

*) Желательно, что бы сія занимательная и полезная игра вошла въ большее и большее употребленіе. *Изд.*

В. Какая спрасшь хуже: къ пьянству, или къ каршамъ?

О. Послѣдняя: опъ пьянства лѣчапъ, а опъ спрасши къ каршочной игрѣ нѣпъ лѣкаршва. _____

В. Какіе лучше глаза: черные, или голубые?

О. *Какая разниџа межъ неболѣ и землей* *)!

_____

В. Кому не нужны деньги?

О. Мершвымъ.

_____

В. Чшо тяжеле: опкрывашься ли въ любви, или просишь займы денегъ?

О. Опкрывашься въ любви, если кшо *истинно* кого любишь—и просишь займы денегъ, если кшо *бѣденѣ и тештенѣ*.

_____

*) Сей счастливый стихъ принадлежишь покойному Г. Колычеву. Нѣкопорыя стихопворенія его напечатаны въ *С. п. бургсколѣ Журналѣ*, изд. въ 1798 году И. П. Пиннымъ; но многія и едва ли не самыя лучшія піэсы, въ шомъ числѣ: *къ Царашѣ*, опкуда взяшь вышенприведенный стихъ, опспались въ рукописи. *Изд.*

В. Кому болѣе прочихъ опдають справедливоспъ?

О. Покойникамъ.

В. Какое самое чувствительное наказаніе для злыхъ?

О. Лишеніе способовъ дѣлать зло.

В. Чшо всего опвращительнѣе?

О. Гордоспъ.

В. Чшо всего убійственнѣе?

О. Равнодушіе и презрѣніе опъ шѣхъ, которыхъ болѣе всего любимъ и уважаемъ.

В. Кто самолюбивѣе: спихопворцы, или кокепки?

О. Аполлоновы дѣпки.

В. Кто любитъ искренно?

О. Celui qui aime avec constance et sans éspérance (шопъ, кто любитъ постоянно и безъ надежды.)

ПРЕИМУЩЕСТВА БЕЗОБРАЗІЯ.

Красота проходишь! Вы это знаете, Милосивыя Государыни!.. но безобразіе оспаешся; слѣдовательно безобразные люди не переменяются: каковы они были задесять лѣтъ, шаковы и шеперь. — Не переменяются!... Да, это большое достоинство въ нашемъ вѣкѣ.

Красавцы должны бояшся каждую минушу болѣзней, которыя могутъ измѣнить ихъ черпы.—Имъ не спалось... и лице ихъ блѣдно и глаза красны; если имъ жарко, цвѣтъ ихъ лица дѣлаешся слишкомъ багровымъ; каждую минушу они заглядывающъ въ зеркало; они безпокойны въ наспоящемъ и бояшся будущаго.

Безобразные очень спокойны: спали они, или не спали — успали, или нѣтъ, ихъ фізіогномія одинакова: небольшая краска въ лицѣ, или маленькая блѣдность не измѣняющъ выраженія ихъ лица.

Красавцы ужасающся оспы, а безобразнымъ она придаешъ еще какой — особый оригинальный видъ.

Безобразные болѣе высквивающъ средства нравшся, желаніе бытъ лю-

безными въ нихъ сильнѣе, попому что они очень помнятъ эпопу стихъ:

Les personnes d'esprit sont-elles jamais laides *)

И въ подшверженіе эпого они говорятъ: у Цицерона были дурные ноги и опшрашипельный носъ; великій Конде былъ совсемъ не красавецъ; Сафо была смугла и желта; у Клеопатры были рыжіе волосы; дѣвица Сюдери не блиспала своими прелеспями; оспроумный Пелиссонъ и забавный Рокелоръ были безобразны... **) А походишь на такихъ людей совсемъ не стыдно. Понравилъся со всемъ своимъ безобразіемъ, значишь понравилъся надолго; любовь дѣлаелся тогда поспояннымъ чувспвомъ; и... однимъ словомъ: размошрѣвши все хорошенъко, всего выгоднѣе бышь безобразнымъ.

(Journal de Francfort.)

~~~~~

*) Бываюшь ли когда безобразны умные люди?

**) Забыли здѣсь Эзопа Фабулиста, *Замѣчаніе Журналиста.*

Анекдоты.

1.

Одинъ Шотландскій крестьянинъ прославился необыкновенною своею силою. Лордъ Д. . . , славный и спраспный кулачный боець и борець, нарочно приѣхаль изъ Лондона испытать свои силы съ Шотландскимъ апленомъ. Въ то время Шотландецъ занимался какою-то работою около своего дома. Благородный Лордъ сходитъ съ лошади, привязываетъ ее къ близъ стоящему дереву и идетъ къ Шотландцу. — “Товарищъ, говоришь онъ, я много слышалъ о твоей силѣ, и нарочно приѣхаль изъ Лондона, чшобъ побороться съ тобою.” — Шотландецъ, не отвѣчая ни слова, схватываетъ Милорда поперегъ, бросаетъ черезъ плечень и опять принимается за свою работу. Когда любопытный вспаль и оправился — “ну, что еще скажете?” спросилъ Шотландецъ. — “Ничего, отвѣчалъ Лордъ, прошу только перебросишь ко мнѣ мою лошадь.”

2.

Н. Н. игралъ въ шахматы: одинъ изъ его приятелей приходитъ къ нему часовъ въ девять вечера и спрашиваетъ, какъ онъ поживаетъ? Н. Н., заняый игрою, не ош-

вѣчаетъ ни слова; но кончивши паршію въ 11 часовъ, оборачивается и говоритъ: *хорошо — а ты?* — Прияшель не слыхалъ этого обѣща: его уже съ часъ не было въ комнапѣ.

(Изъ Journal des dames et des modes, de Francfort.)

т т т т т т т

Отбѣзжающей дѣвицѣ, при посылкѣ ей Бахтисарайскаго фонтана.

Вопъ вамъ, Эмилія, *Фонтанъ Бахтисарайскій,*
Парнасса Русскаго цвѣшокъ прелеспный,
райскій!

Я пламенно люблю Поэзіи цвѣшпы—
Люблю и юныхъ дѣвъ волшебны красоны,
Люблю ихъ жаръ ланишь, ихъ очи голу-
быя,
Ихъ спройный, гибкій спанъ и кудри зо-
лошья.

Какъ спранника въ степи, и дикой и
пустой,

Фіалка радуешъ смиренною красой,
Такъ будешъ и вы вездѣ плѣняшь собою
Толпы поклонниковъ, вамъ преданныхъ ду-
шою,
И будупъ ихъ сердца любовію горѣшь,
И взоры спраспные воспоргомъ пламенъшь.

Моихъ докучливыхъ стиховъ хоть не
 читайше;
 Но изрѣдка меня въ чужбинѣ вспоминайше.
 В. Тило.

О П Е Ч А Т К И.

Въ опривкѣ изъ Мадагаскарской Повѣсти: *Король Зауно* (№ XI. стран. 308 и 312) ошибкою переписчика посланы такъ неправильно нѣкопорые знаки препинанія, что вовсе искажаютъ смыслъ. Вотъ какъ бы надобно было напечатать:

Сонъ милый чувству льсшишь,
 Мечшою возбужденный.

— — — — —
 Грудь движется открыта;
 Лишь временемъ Рагида
 Внимаетъ плачу онъ
 Какъ будто бы ошибкой —
 И душу рвуцій спонъ
 Привѣшсвуесть улыбкой.

Въ XIII №, на 5 стран. въ шрешней спрокѣ снизу напечатано: *явился и свѣтъ* — надобно чипать: *явился на свѣтъ*.

Тамъ же на стран. 56 напечатано: *но польза и необходимость оныхъ потти столько же удобопонятны тѣмб, которые . . .* Надобно чипать: *но польза и необходимость оныхъ никому потти столько не удобопонятны, какб тѣмб, и дроч.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XV.

НЕСЧАСТІЯ ОТЪ СЛЕЗЪ И ВЗДОХОВЪ.

(Продолженіе.)

32.

Эраспъ вышелъ изъ дома родительскаго пысяча семь сопъ года, Мая девятнадцатаго, въ чепыре часа по полудни . Не знаю, что подуманъ о немъ! Онъ спокоенъ, какъ будпо съ нимъ ничего не случилось, и идепть ... шакъ ... немножко прогуляпсья. Но Федошъ? Федошъ! О! ему очень, очень груспно! Онъ въ полной мърѣ чувспвуепть разлуку съ Москвою, разлуку съ чуланомъ, въ кошоромъ спалъ, какъ Сулпанъ Турецкій; разлуку съ кухаркой Маврой, всегда попечисельной, всегда услужливой ... Онъ былъ шакъ спокоенъ, доволенъ, счаспливъ . . . а теперь? Какая прокляпая разница! Труды и неизвѣспное, но вѣрно печальное будущее, замѣнили и спокойспвіе и довольспво и счаспие . Федошъ вздыхаетъ и сомнисельно качаетъ головою.

Уже въ другой разъ является эпомъ Федошъ въ исторіи Эрасма Чертополохова: надобно съ нимъ познакомишься покороче. Федошъ, человекъ — лѣтъ сорока; низенькой, но плечистый, здоровый, сильный; любитъ ѣсть, любитъ спать; перпѣливъ, какъ верблюдъ, спокоенъ и холоденъ, какъ Ариспидъ... Но всѣ эти прекрасныя достоинства помрачались въ немъ однимъ гнуснымъ порокомъ; онъ... скажешь ли вамъ? Онъ — можешь быть мнѣ не повѣряешь, но это точно такъ — онъ непреоборимый врагъ просвѣщенія!.. Книга и перо, въ глазахъ Федоша, вещи самыя опвращивельныя... и никакъ не могли принудить его учиться грамахъ. Онъ разсуждаетъ объ эпомъ посвоему, можешь быть, и довольно основательно, пошому что Федошъ очень не глупъ, по словамъ Мавры, а Мавра знала Федоша, какъ свою кухню. — “Для чего учишься? говариваль Федошъ. Чшобъ чишаешь? пишашь? Но опъ чего у барина глаза красны и слеза бьешь безпреспанно? Опъ чишанья, опъ писанья! А у меня глаза здоровы, пошому что я не сижу надъ книгами, и не мараю бумага!”, — Теперь, раз-

спавшись со своимъ уединеніемъ, Федотъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго; какъ нарочно, воображенію его безпрестанно предспавлялись: кухня, Мавра, щи, каша; чуланъ съ мягкою постелью . . . пошомъ: дальній пущь, дожди, успалоспъ, голодъ, жажда и безпокойные ночлеги . . . “И для чего все это? думалъ онъ. — Для чего бѣжашъ отъ вѣрнаго и хорошаго къ невѣрному и дурному? О! вѣрно Эраспъ Лідодоровичъ опящъ напроказиль—и бьюсь объ закладъ—всему этому злу корень—книги и перья!., Видише ли какъ просшымъ, *Русскимъ цмоиъ* своимъ, Федотъ добрался до истины? О! Мавра очень справедливо сказала, что Федотъ умень.

Разсуждая шакъ, или почти шакъ, Федотъ слѣдовалъ за Эраспомъ, и вошъ они у заспавы—и вошъ они уже за заспавою. Передъ ними опкрываешся большая дорога: карешы, коляски и шелъги скачущъ по ней и взвивающъ гусшую пылъ, сквозь копорую мелькающъ опдаленныя роци и зеленые луга. Федотъ вздыхаешъ, оборачиваешся къ Москвѣ бѣлокаменной, молишся на золотыя креспы ея, и . . . “Прощай, машущка Москва!., — говоришъ унылымъ голосомъ.

Эраспъ, благодаря веселому расположенію своего духа, не беспокоился о томъ, что Москва оспалась позади его; съ лорнетомъ у праваго глаза, летаетъ нетерпѣливымъ взоромъ по рощамъ, по кустикамъ, по кровлямъ загородныхъ домовъ... и веселье! Невольный, но громкій вздохъ Федота, заставляешь Эраспа обратиться къ своему спутнику.—“Ты уже уснулъ, добрый Федотъ?,”—Нѣтъ еще, сударь. — “Но не тяжело ли тебѣ нести чемоданъ?,”—Ничего, сударь; тяжело разскапався съ Москвою!—“Мы скоро возвратимся.,”—А до того, сударь, что будешь съ нами? — “Мы? будемъ гулять!,”—Для гулянья, сударь, и въ Москвѣ много мѣста.—“Ты, кажешься, недоволенъ шемъ, что пошелъ со мною?,”— Меня послали, сударь! — “О! не говори этого, Федотъ, ты меня убиваешь!,”—Полно-те, сударь! смѣюли я это дѣлать!—“Добрый Федотъ! не грусти! Намъ будетъ весело! Не правда ли, приятно не знать, что съ тобою случится?...гдѣ ты будешь сегодня, завтра?,”—Нѣтъ, сударь, это никуда

не годишься!—“Жалью о шебѣ, Федопъ!,,—
 Покорно благодарю, сударь!—“Еслибъ ты
 умѣлъ чипать ...,, — У меня болѣли бы
 глаза? — “Ты бы понялъ меня, ты по-
 спигнуль бы это восхищительное ожи-
 даніе чего-то таинственнаго.....,—Эрасъ
 значительно взглянулъ на Федопа ... но
 Федопъ не видалъ этого значительнаго
 взгляда.... Сгорбясь подъ своею ношею, и
 упираясь на суковатую дубинку, онъ смо-
 прѣлъ ... въ землю!—“Федопъ!,,—Чего из-
 волише, сударь? — “Гдѣ шепрадь?,, — У
 меня, сударь, за пазухой! — “Дай мнѣ ее
 сюда!,, — Эрасъ оспанавливается, Фе-
 допъ сбрасываетъ съ плечъ чемоданъ и
 вынимаетъ шепрадь. На заглавномъ ли-
 стѣ этой шепради, крупными буквами
 было написано: *Путешествіе Эраста Чер-
 тополохова*, съ эпиграфомъ: *Я птичка,
 незапертая въ клетку*. Эрасъ выни-
 маетъ карандашъ, садится на правую и
 пишеть: “Глава I я, Мой выѣздъ изъ Мо-
 сквы.,,—Федопъ, стоя позади, спокойно
 осматриваетъ окружныя виды, и чпобъ
 занявшись чемъ нибудь, вынимаетъ изъ
 кармана луковицу и начинаетъ кушать.
 Эрасъ, съ необыкновенною скоростію

исписаль двѣ спраницы; описаль, какъ онъ полешѣль изъ Москвы на пройкѣ непершѣливыхъ коней, какъ ему было грушно, какъ онъ шосковаль, и пр. подобное. — “Пойдемъ! (сказаль онъ, дописавъ послѣднюю спроку и опдавъ шешрадъ Федошу) пойдемъ!,,—И вопъ они попрежнему плешущя вдоль дороги: Эрасшъ, съ восхишительною вѣрою въ неизвѣспность —Федошъ съ чемоданомъ на плечахъ.

34.

Пылкое воображеніе чудеситъ въ головѣ нашего чувспвишительнаго путешеспвенника: онъ забыль и Москву и даже.. Клеопашру! Идешъ бодрымъ шагомъ, восшищаешя видами, гоняешя за песпрыми мошылками срываешъ полевые цвѣшпки, и играешъ съ одуванчиками. Онъ спранспвуешъ подъ опечеспвеннымъ небомъ, какъ въ своей комнашѣ. Воображеніе, нашколенное романами, переносишъ его въ замки, въ подземелья ... Онъ вспрѣчаешъ красавицъ; красавицы пригласаюшъ его къ себѣ; юная, нѣжная дѣва, съ учасшіемъ разсмашриваешъ его мужеспвенныя чершы ... онъ воспламе-

няешься любовію ... и п. д. Въ другомъ мѣспѣ, онъ видишь себя въ маленькомъ домикѣ општавнаго Маіора, кошорый даешъ ему у себя ночлегъ; слышишь рассказы о походахъ, объ ужасахъ сраженія, о приступахъ ... Далѣе, случай приводитъ его къ заживочному селянину: его угощаютъ со всею радушіемъ время давно прошедшихъ; но онъ замѣчаешъ слезы на глазахъ прелестной Параши, дочери хозяина; узнаешъ, что она любитъ Трифона, любезнаго, но бѣднаго юношу, а отецъ ея, не соглашаешся на ихъ бракъ. Эрасъ уговариваешъ отца, Трифону даешъ даешъ и идешь далѣе, осыпанный благословіями счастливаго сѣмейства! — Ему весело съ такимъ рѣзвымъ воображеніемъ и съ лорнепомъ! ... Каково-шо Федошу? И его воображеніе довольно безпокойно: Эрасу кажешся все въ розовомъ цвѣтѣ — Федошу все въ черномъ! и тяжело спинѣ, навьюченной чемоданомъ. Онъ не умѣешъ представивъ себѣ замка и красавицы; не имѣешъ денегъ, чпобъ раздѣлить ихъ съ бѣдными любовниками, и думаешъ только о прошломъ спокойствіи. Ишакъ, заняшые, одинъ своими воздуш-

ными замками, другой земным горем, прошли они десясть верспь: передь ними небольшая деревушка. — Не остановишься ли намь здѣсь, сударь? спрашиваетъ Ѳедопъ. — “Хорошо!,, опшвѣчаетъ Эрастъ, и они входяшь въ деревню. — “Ѳедопъ!,, — Чего изволише, сударь? — “Пойдемь далѣ!,, — Какъ, сударь? — “Видишь, какая эшо бѣдная деревушка!,, — Чпожь дѣлашь, сударь! Ужь пробудем-ше въ ней до завпрева, а до другой деревни, можешь бышь, далеко, и я не допашу чемодана. — “Такъ поди, сыщи кварширу, а я поспою у чемодана.,” — Между шемь ребяпишки, креспьяне и креспьянки собрались около чувспвительнаго пупешественника; услышавъ, чпо ему нуженъ ночлеги, одинъ передь другимъ начали предлагашь свою избу, и Эрастъ прослезился . . . “О! священная добродѣшель! О госпепримспво! (шакъ записаль онъ въ своемъ пупешествіи) я плакаль вспрѣшивъ тебя споль близко отъ споллицы!,, — Эраспъ вошель въ ближайшую избу.

“Ахъ! Боже мой! какой у васъ нестерпимый запахъ!”, вскричалъ Эраспъ, войдя въ комнашу. — Кажись, ничего, родимый! опвѣчалъ хозяинъ. — “Вы вѣрно ѣли ши?”, — Какъ же, бапюшка, ѣли! — “Опъ пого шакъ и воняепъ!”, — Да они и шеперь еще въ печи, бапюшка! — “Ахъ! вынеси, ради Бога!”, — Какъ это вынеспи? забормошала спаруха, хозяйка; для пого и печь, чпобъ въ ней варишь кушанье! Вынеси! — Эраспъ, всегда тихій и уступчивый, замолчалъ и сѣлъ на лавку у окна, высунувъ на улицу голову, чпобъ не обоняпъ комнашнаго запаха. На улицѣ было довольно не чѣсно; запачканные ребяпишки играли въ коршуны; спарухи пряли, сидя подь окнами; кое-гдѣ раздавались унылыя пѣсни. Эраспу взгруснулось... мечпы воображенія совсемъ не согласовались съ шемъ, чпо онъ видѣлъ... Онъ вздохнулъ и спалъ писапъ свое пушешествіе.

О воображеніе! благодѣшельный волшебникъ! Какъ все перемѣнило ты въ глазахъ Эраспа, когда онъ взялся за карандашъ! Десяпъ верспъ, кошорыя онъ

прошелъ, представились ему—придцашью
 верстами; бѣдная деревушка—богашымъ
 селомъ; черныя избы — красивыми доми-
 ками; запачканные ребяшишки — злапо-
 власыми Амурами ... “Я пролетѣлъ прид-
 “цанъ верстъ, (шакъ написалъ онъ) съ
 “быспрошою пуспынной спрѣлы бо-
 “гашое село еще издали манило меня къ
 “себѣ своимъ живописнымъ ландшаф-
 “томъ: шамъ была спанція. Вѣжливый
 “смотришель беретъ мою подорожную...
 “Мой Лафлеръ клянеться, что онъ опъ
 “роду не вѣжалъ шакъ скоро... Пью аро-
 “машный чай, и люблюсь на большую,
 “широкую улицу ... Сельскія красавицы —
 “подъ звуки унылой: *во полѣ береза стоя-*
 “ла, кружатся въ хороводахъ ... малюпки,
 “злаповласые Амуры, бѣгають въ безпеч-
 “ной невинности и въ корошенькихъ ру-
 “башкахъ,, ... и шакъ далѣе, и шакъ далѣе..
 Эрасть пишеть, а развѣюченный Ѳедопъ,
 сладоспращно покоишся въ сѣнникѣ, и
 лѣнивое воображеніе его невольнo пере-
 носишся въ кухню и къ Маврѣ ... Мавра
 дала ему на дорогу десятокъ луковиць....
 Что луковица, то воспоминаніе!

Смерклось. — “Огня! огня!,, кричишь

Эраспъ.—Сей часъ, родимый! опвѣчаетъ спаруха хозяйка; сей часъ!—и приносишь пукъ лучины..зажигаетъ.. Изба наполнилась дымомъ; Эраспъ не можетъ опкрыть глазъ, кашляетъ, плачетъ, чихаетъ..—“Ради Бога, милая! ради Бога, красавица! запуши лучину!”,—Какъ, родимый? Не самъ ли ты просилъ огня? — “Я просилъ свѣчу!”,—Свѣчей не бываетъ у насъ, кормилецъ!— “Но попуши же!”, — А вошь мы поужинаемъ, кормилецъ! — “Ѳедошъ! Ѳедошъ!”,—Но Ѳедошъ не слышишь... онъ въ объятіяхъ Морфея, который переносишь его къ Маврѣ, и онъ счастливъ!

Эраспъ въ недоумѣніи осматривается на своемъ мѣстѣ; наконецъ дымъ мало помалу вынесся на улицу. Эраспъ дышитъ свободнѣе, и глазамъ его легче.... “Сдѣлай милость, найди мнѣ свѣчу — купи; вошь деньги!”, — Сей часъ, бапюшка! — Эраспъ спалъ повеселѣе; когдажь принесли свѣчу и зажгли ее—онъ едва не разцѣловалъ свою спарую хозяйку. Лучина попушена, онъ продолжаетъ писать. Между темъ, въ избу собралось все сѣмейство: хозяйинъ, хозяйка, его мать, ея бабушка, чепыре сына, двѣ дочери, при племянника

и одна племянница. Эраспъ бросаетъ карандашъ, и съ изумленіемъ смотритъ на собраніе. Садятся за столъ. Старшая дочь выдвигаетъ изъ печи кашу, щи; младшая приноситъ хлѣбъ и молоко.. Эраспъ выбѣгаетъ изъ комнаты; щи поразили его нѣжное обоняніе.

36.

Эраспъ садится у воротъ, и досада его исчезаетъ. Прямо противъ себя онъ видитъ *палевою* луну: она привѣжливо смотритъ на засыпающую природу; а Эраспъ, Эраспъ погружается въ задумчивость. Луна не успѣла еще хорошенько освѣтить всей деревни, когда сѣмейство Эраспова хозяина кончило свою вечернюю трапезу и разошлось, для успокоенія послѣ дневныхъ трудовъ.—Эраспъ, возвращается въ избу — и пишетъ. Все тихо—кругомъ его молчаніе! Онъ начинаетъ описаніемъ сѣмейства своего хозяина, и рассказываетъ, что былъ свидѣтелемъ прогашельной сцены. Будто бы въ ту минушу, когда они сѣли за столъ, входитъ въ избу молодой солдатъ. Всѣ, съ изумленіемъ смотрятъ на неожиданнаго

пришельца — разинутые рты, выпученные глаза, праздные ложки, и изображаящее общее изумление. Молодой солдатъ, снимаешь киверъ — и всѣ съ громкимъ воплемъ вскакиваютъ съ мѣсць своихъ. Ложки полетѣли подъ споль, щи полились на скамью.. Въ общей суматохѣ слышны только слова: сынъ! бабюшка! братъ! сестра! свать! кумы! племянникъ! дядюшка! — Этошь солдатъ—сынъ хозяина и пришелъ въ оппускъ.

Описывая это прогательное происшествіе, Эрасъ не можешь удержавъ слезъ своихъ, и плачешь, какъ *рѣка* летя. Наконецъ, онъ кончилъ свое описаніе, и прятешь шепрадъ на груди своей, между жилетомъ и курпкою. Усталостьъ, и надсада клоняшь его ко сну; шатаясь выходяшь онъ на дворъ, зѣвая идешь на сѣнникъ...бросается на солому и засыпаешь.

Свѣча въ избѣ горитъ, догораетъ... свѣшпильня ея падаетъ на полъ; на полу лежала сухая лучина; лучина загарається. Ошь лучины, огонь переходяшь къ сполу; споль горитъ...и сообщаетъ пламень спѣнѣ..и вопъ пожаръ, и очень изрядный! Къ

счастію, маленькая племянница хозяина, спавшая съ машерью на печкѣ, дѣлала въ это время — зубы, и заплакала. Внимательная родительница вскакиваетъ... и.. “Пожаръ! Пожаръ!”, кричишь она изо всей силы. Прибѣгаетъ мужъ ея—прибѣгаютъ: хозяйинъ, хозяйка, бабушка и прочіе и прочіе и прочіе... “Воды! воды!”, — колодезь близко, и въ десять минутъ все было потушено. Прошла тревога, пошли разспросы: “Какъ? Опъ чего? Когда?”, и кончилось тѣмъ, что хозяйинъ съ сыновьями идушь къ Эраспу. Всѣ встревоженные крестьяне спояшь на улицѣ...

Не хочу передавать моимъ чипашельямъ краснорѣчивую рѣчь хозяина Эраспова: довольно и того, если скажу, что Эраспъ—принужденъ былъ выдти изъ дома съ Федошомъ, съ чемоданомъ и своимъ путешествованіемъ. Вся деревня провожала ихъ—скажу хоть такъ—эпиграммами.

Эраспъ! бѣдный Эраспъ! а Федошъ еще несчастнѣе! Они молчащъ, и скорымъ шагомъ идушь впередъ, идушь, сами не зная куда ... Полная луна бѣжитъ за ними на серебряныхъ облакахъ..

Деревня скрылась опъ глазъ оскорбленныхъ и напуганныхъ пупешеспивенниковъ. Скорый маршь ушомиль ихъ—они оспанавливаюшя подъ развѣсиснымъ дубомъ. Эраспъ садися, Федопъ снимаешъ съ плечъ своихъ чемоданъ, и все еще бояливо поглядываешъ на ту спорону, гдѣ деревушка. — “Несчастное приключеніе!,, говоришь Эраспъ. — Да какъ это случилось, сударь? “Я забылъ въ избѣ свѣчу!,, — Такъ вопъ чшо! подумалъ Федопъ—а все прокляшья перья да книги! Чшожь теперь намъ дѣлашь, сударь? — “Подождашъ разсвѣта, солнца, и идиши далѣе., — Куда же, сударь? — “Куда глаза глядятъ!.. Федопъ!,, — Чего изволише, сударь? — “Ты спалъ?,, — Немножко, сударь, соснулъ! — “Такъ вынь же мой сершукъ изъ чемодана; поспереги меня...я хочу спашъ.—Эраспъ дрожа опъ холода и спраха, завершываешся въ сершукъ и закрываешъ глаза. Федопъ, кошорому совсемъ не хошѣлось караулишь, садися подлѣ барина и дремлешъ. Но Эраспу не списся.— “Федопъ! Расскажи мнѣ сказку!,,—Какую, сударь?—

“Какую нибудь., — Федось вынимаешь шавлинку, нюхаешь шабакъ, чшобъ разогнать сонъ, опшкашливается, и шомнымъ голосомъ начинаешь: “въ нѣкопоромъ царшвѣ, въ нѣкопоромъ государшвѣ, жиль, былъ.... Эрасъ засынаешь..Федось дремлешь, но продолжаешь сказку..съ каждымъ словомъ, голосъ его спановишся слабѣе ..и невнятный шопощъ замираешь на губахъ его.

Разсвѣло—а пупешешшвенники спяшъ; взошло солнце—пупешешшвенники спяшъ; оно уже высоко — пупешешшвенники спяшъ . . .

(Продолженіе впрѣдъ.)

А ЧТО ОБЪ ЭТОМЪ СКАЖУТЪ?

О страшное: *то обз этолиб скажутъ!* Сколько несчастій дѣлаешь ты на свѣш! И какъ сильно вліяніе швое на поступки людей! Кажешся, здѣсь живущъ только для другихъ, совсемъ не для себя ... а эша филанпропія...никуда не годишся. Никшо не смѣешь сдѣлашь ни одного шага безъ оглядки; кшо бы онъ ни былъ, на высо-

шѣ почестей, въ неизвѣстности, даже въ нищестѣ...шайный голосъ не перестаетъ пвердять ему: *А что объ этомъ скажутъ?*

Счастливъ пошъ, кто не заботится о мнѣніи свѣта, и смѣется надъ этимъ: *что скажутъ?*—Счастливъ, попому что какъ ни спарайтесь вы угождать обществу, какъ ни изгибайтесь подъ бременемъ принятыхъ обыкновеній —злоба, зависть и клевета не опспанутъ ошъ васъ! Хотите ли наконецъ быть счастливыми и независимыми? Запкните уши и идите прямо, не обращающа вниманія на шо, что васъ окружаютъ... *Что объ этомъ скажутъ...* тогда не осмѣлитса беспокоить васъ.

Еще до революціи знавали мы одного Кавалера Св. Лудовика, челоуѣка достащочнаго, который надъ воропами своего дома выспавиль надпись: "Я не забочусь о *что объ этомъ скажутъ.*", — И онъ доказаль, что дѣйствительнo о шомъ не забочилса. Эшошъ необыкновенный челоуѣкъ, казалосъ, посвятиль себя странностямъ, и былъ явный прошивникъ всѣхъ модъ и обыкновеній своего време-

ни. Иногда являлся онъ въ огромномъ парикѣ временъ Лудовика XIV, иногда въ нарядѣ паладина XII вѣка; жизнь была для него непрерывнымъ маскарадомъ — и онъ шемъ забавлялъ себя. Являясь попеременно Кишайцемъ, Туркой—измѣняя всякой день свою одежду, онъ не болѣе двухъ разъ въ годъ походилъ на Француза. Эпошъ человекъ, казалось, полько и жилъ для шого, чшобъ иди наперекоръ общему мнѣнію и обыкновеніямъ... Онъ прослылъ сумасшедшимъ!—Но когда указывали на него пальцемъ и смѣялись надъ нимъ, онъ опвѣчалъ обыкновенно: “Я смѣюсь надъ *то обб этолв скажутв.*”, —Эпошъ не великій человекъ умеръ 1788 года и опказалъ все свое имѣніе бѣднымъ, кошорые называли его сумасшедшимъ.

(Изъ Corsaire.)

ВСЕМІРНЫЙ НАСЛѢДНИКЪ.

Есть промышленность очень прибыльная; съ нее не берутъ никакихъ подаей; она не боится никакихъ перемѣнъ, и процвѣщаетъ равно, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. Я говорю о лести; не о той однакожь, кошорая ползаетъ въ великолѣпныхъ черпогахъ, но о тѣхъ небольшихъ услугахъ и мѣлкихъ угожденіяхъ, копорыя обворожаютъ нѣкопорыхъ людей и подчиняють ихъ лукавому лицемѣру. Мольеръ оставилъ намъ два превосходные образца эпихъ спекулапоровъ: Таршюфа и Белину (въ *Мнило-болнолѣ*); несмотря на то, мы, каждый день вспрѣчаемъ Оргоновъ и Арганшовъ.

Кавалеръ Вильбрель прослылъ всемірнымъ наслѣдникомъ, и онъ въ полной мѣрѣ заслужилъ это прозваніе. Еще яб пи лѣшь, Вильбрель, началъ промышлять своимъ ремесломъ, и сдѣлался другомъ всѣхъ ипохондриковъ, всѣхъ дряхлыхъ спариковъ, всѣхъ лѣкарей, копорые . . . сами себя лѣчатъ, и Вильбрель слѣдуетъ за ними, какъ воронъ за обозомъ съ ране-

выми, или акула за кораблемъ, зараженнымъ желчною лихорадкою. Если вы замѣшите, что онъ чаще обыкновеннаго спалъ навѣщанъ вашего дядю, или опекуна!.. будьте увѣрены, что спаричку не долго оспалось житье... знайте поже, что и вамъ не опдѣлашься опъ Вильбреля, не подѣлясь съ нимъ наслѣдствомъ.

Тысячи наслѣдниковъ проклинающъ Вильбреля, однако, онъ, слава Богу! здоровъ! съ каждымъ годомъ и онъ, и егоко шелекъ спановящся все полнѣе и цолнѣе. Сначала спалъ онъ дебютировавъ въ винномъ погребѣ одного добраго продавца, копорый и опказалъ ему всѣ свои вина; попомъ, доспалось ему имѣние спараго спряпчатаго; попомъ онъ получилъ наслѣдство послѣ одной спарушки, проводившей оспальные дни свои въ монастырѣ; наконецъ, по прошествии нѣсколькихъ лѣтъ, у него очутились и дома и деревни и заводы и фабрики.

Какъ должна быть любопытна его исповѣдь, еслибъ онъ наисалъ ее! Напримѣрь, насморкъ доспавилъ ему шридцать тысячъ капишала; минушная слабость—домъ; лихорадка—деревню... Чпожь дѣй-

спововало съ его спороны? — Сердце, холодное ко всему; душа, способная въ одно и поже время прославляшь безбожіе и набожноспь, распушсство и спротогость нравовъ; и наконецъ, плашье, всегда сообразное съ мнѣніемъ шого, кого онъ дурачишь. Къ филантропу идешь онъ въ квакерскомъ кафшанѣ; къ шарому сласполюбцу въ модномъ фракѣ. Съ провинціалкой онъ совершенный придворный; робокъ и заспѣнчивъ съ знашной кокешкой; дерзокъ съ Акшприсою. Прибавыше, ко всѣмъ эшимъ достоинспвамъ, его искусство разсказывашь, и говоришь съ каждымъ поняшнымъ языкомъ, и вы не удивилесь его богатспству, и счастью!

(Изъ *L'Éclaireur*, par Mr de Bart.)

СОЧИНИТЕЛИ МЕЛОДРАМЪ.

Тиманшъ не могъ заснушь всю ночь; голова его наполнена была предпріяшями. — “Что мнѣ дѣлашь?; — вскричалъ онъ сбросивъ съ себя колпакъ, — “Въ какія двери спучашься, чшобъ впустили меня въ храмъ счастья?... Пущишься въ шоргъ?...

Надобны деньги!—Рабошашь?...Всякая рабоша для меня шяжела! — Сдѣлашься акшеромъ? ... У меня слаба грудь!—Но если я спану пишашь Мелодрамы?...Прелесивно! Спану пишашь Мелодрамы! Для эшого ума не нужно; ипакъ ... рѣшено! ... Я пишу Мелодрамы.

Тиманшь вскакиваешъ съ поспели, одѣваешся, вышираешъ и усшанавливаешъ свой вешхой споликъ, бѣжипъ въ лавочку, покупаешъ бумаги; чернилъ и перьевъ, берешъ изъ библіошеки романы Валшера Скопа и возвращаешся домой. Мелодрама гошова къ вечеру; онъ несетъ ее къ Дирекшору Театра; кланяешся, улыбаешся; Мелодраму играющъ, хвалящъ, и черезъ шри, или чешыре года, Тиманшь имѣешъ уже 12.000 ливровъ годоваго дохода.

Теперь послушайше его, и вы подумаеше, что онъ верховный судія Парнасса. Съ какимъ презрѣніемъ говоришь онъ о своихъ современникахъ и о Липшерашурѣ времянь Лудовика XIV! Наконецъ Тиманшь совершенно увѣренъ, что онъ славный пишашель, хопя онъ не что иное какъ сочинишель Мелодрамы.

(Изъ *L'Éclaircur* par Mr de Bert).

Д О Ж Д Ъ .

Прекрасная погода! И какое множество гуляющих! Явился купец со своею женою; приказный со своею любезною, авшоръ со своими мыслями, старая Маркиза со своею собаченкою, щеголь въ модномъ фракѣ, щеголиха въ богатой шали, маленькой Савоярдъ со своею обезьяною, росповщикъ съ просшью, кокешка со своими улыбками, и молоденькая дѣвушка со своею любовью.—Вдругъ спановишся пасмурно; гуляющіе поропяшся съ прогулки...но дождь насшигаешъ ихъ прежде, нежели они успѣвають ошъ него укрышся. Карпина перемѣняешся: купецъ щашшъ за руку свою жену; задыхаясь ошъ чрезмѣрной полщины, едва успѣваешъ она бѣжашъ за мужемъ — щеголиха, кошорая прогуливалася съ такою бозпечностію, шрепещешъ за свою модную шляпу, за цвѣшы, за башмачки и бѣжшшъ, поддерживая одной рукой свое плашье, а другою шаль — щеголь проклинаешъ дождь, кошорый испоршилъ узель его шейнаго плашка, и изо всѣхъ силъ зовешъ извощика—росповщикъ обвязыва-

есть плашкомъ свою праздничную шляпу — кокешка бѣжипь со всѣхъ ногъ, не за- бошясь о зришеляхъ — услужливый моло- дый человекъ предлагаетъ свой зонпикъ молодой женцинѣ, и она принимаетъ его съ улыбкою — спарая маменъка, о ко- торой никшо не заботишся, ворчишь на неучпивыхъ мужцинъ и не хочешъ вспомнишь о помъ, чшо молодоспъ лю- бишь молодоспъ, и чшо не рѣдко дождь бывалъ поводомъ къ самымъ припниѣ- шимъ знакомспвамъ.

(Изъ Journal des dames et des modes, de Francfort.)

СЪТОВАНИЕ ГОРЕСТНАГО.

Куда сокрылись вы, кропкiя чувствования моей юности! сладоспныя мечта- нiя, увеселявшiя меня на зарѣ жизни! Ра- доспъ дней минувшихъ, гдѣ пы? — Вы ис- чезли какъ дымъ, вѣспники блаженспва!.. разсѣялись подобно шуману и мѣсто ва- ше заснупили, помное унынiе, мрачная гореспъ! — Солнце моего счастiя запы- милось, можетъ бышь, навсегда; черныя

лучи сокрыли его, и съ шѣхъ поръ свирѣпая буря бушуетъ въ душѣ моей.

Съ шѣхъ поръ уединеніе сдѣлалось моимъ другомъ; съ шѣхъ поръ воображеніе мое любитъ блуждать въ лабиринтѣ скорбныхъ воспоминаній; съ того времени духъ мой возмущающъ помышленія, раздирающія сердце.

Унылый, грустный, я шоскую въ тѣни дубравъ шумящихъ, или среди безмолвныхъ полей. Враги веселія гнѣздятся въ моемъ сердцѣ; они распшлаютъ вокругъ меня праурь.

Свѣшлый ликъ солнца, красота дней весеннихъ, не увеселяющъ болѣе моего взора; крошкое сіяніе луны не льешъ припшой задумчивости въ помершвѣлую душу: ей нравишся ревъ бури, плачевный свиспъ вѣшровъ, ибо они ушлаждающъ мрачныя чувствованія, ее наполняющія.

Грозная владычица души моей, горешъ! шы, копорая съ давняго времени господшвуешь надо мною!.. почшо возложила шы на меня оковы, копорыхъ я не въ силахъ разшоргнушь? Почшо шерзашъ меня, подобно спражу шемничному, приходящему шерзашъ узника? — Почшо

изцѣляешь на краткое время раны мои, что бы снова и жесточае разтворилъ ихъ?

Спенанія и жалобы были швоя пища, о мучительница! несчастія швои предпечи, уныніе швой предвозвѣспникъ; ты избирала минушы уединенія, что бы наносилъ свои удары и за шобою слѣдовало опчаяніе.

Иногда ты была подобна шихому вѣшперку, медленно колеблющему вершины деревъ и слегка покрывающему морщинами поверхность водъ; но иногда уподоблялась бурѣ, раздирающей лоно земли, бурѣ, посланницѣ ужаса.

Коварная! ты удаляла меня часпо въ пущыни безплодныя, въ глубину лѣсовъ дикихъ, гдѣ основано швое царство; ты направляла шаги мои къ уединеннымъ развалинамъ, гдѣ находяшся черпоги швои. Тамъ, подобно убійцѣ, ты меня поджидала; тамъ, подобно горному орлу, низпадающему на свою жертву, ты изливала на меня всю люпоспъ свою.

Сколько разъ, изнемогая подъ мучительною власпію швоею, сидѣлъ я, въ бурное время, на крушыхъ берегахъ рѣкъ,

погруженный въ мрачную думу: одинокій, оспавленный самому себѣ. Тучи капились надъ головою моею; вѣпры шумѣли и взвѣвали зыбкіе пески; дикія ппицы съ пронзительнымъ крикомъ направляли мимо меня дрожащій свой полетъ; пьма сгущалась; но я внимала только своему гласу, вѣщающему ко мнѣ въ рокопѣ водѣ, въ спонѣ бури, и была нечувствительна ко всему меня окружающему.

Ночь, угрюмая пвоя подруга, заспигала меня одержимаго побою; черный ея покровъ водворялъ успокоеніе; пишина разпроспранялась съ нею: но пы, какъ спражь, грозно бодрспвовала въ душѣ моей; пы, среди безмолвія природы, возвышала гласъ свой.

Надежда была пвой врагъ, и пы изгнала ее; пы возбраняешь ей переслапъ въ мою душу малѣйшій лучъ свой, и она не смѣетъ болѣе ко мнѣ приближиться.

Немилосердая! доколѣ будешь пы меня мучить? Когда испощится сила пвоя? Когда оспавишь пы разперзанное сердце?

О надежда! ангель-ушѣшитель! не уже ли навсегда осирошила пы меня? Не

уже ли навсегда лишень я блаженства
внимаешь приятной гармоніи своего го-
лоса, сладостнымъ словамъ побою изре-
каемымъ? Приди, приди оживопворить
меня; приди пролишь цѣлишельный баль-
замъ на раны моего сердца. Сколь желан-
но мнѣ твое пришествіе! Душа моя, из-
нуренная сираданіями, жаждетъ тебя,
подобно какъ цвѣтъ лѣпній, умирающій
подъ палящимъ зноемъ полдневнаго солн-
ца, жаждетъ прохладительной росы.

Шкловъ. 1823.

Гр—скій.

~~~~~

НОВЫЙ ЕРМАКЪ.

Былъ человекъ и человекъ великой —
двухъ аршинъ чешырнадаши вершковъ,
славный разбойникъ и атаманъ Ермакъ,
или Егоръ *) Тимофѣевичъ.

Одинъ останавливалъ онъ большіе о-
бозы, соспоявшіе изъ двадцаши, шридца-

*) Настоящее имя его было, кажется,
Егоръ; но всѣ почти называли его *Ермакомъ*
по сходству *отчества* и прежняго ремесла
завоевателя Сибири.

ши, сорока подводъ и болѣе. Выдешь изъ лѣсу на дорогу и закричишь громогласно: *стой!*—мужички оспановяшся и снимуть шапки. И Ермакъ Тимофѣевичъ шакже снимешь съ себя шапку и положишь на земь. — *По грошу съ души* *)! — И вопъ мужички наполняшъ шлемъ героя-сборщика мѣдною монешою и поѣдушъ далѣ благополучно.

Ермакъ Тимофѣевичъ имѣлъ необыкновенную силу. Вооруженіе его соспояло изъ ужасной рогатины, ружья, двухъ паръ писполешъ, кистеня — а за голенищемъ былъ у него всегда *вѣрный товарищъ булатный ножъ* ... но эпошъ ножъ ни однажды не обагрался человѣческою кровію. — Ермакъ промышлялъ около Москвы, а главная его кваршира была поперемиѣнно или близъ Коломны, или близъ Мурома. Никогда не имѣлъ онъ подъ знаменами своими болѣе шрехъ, или чешырехъ человекъ, да и къ шѣмъ былъ чрезвычайно спрогъ.

Слишкомъ шесшдешашъ лѣшъ пому

---

*) Иногда бралъ и по алшину, но не болѣе.

назадъ дворовый челоѡкъ Члена бывшей Главной Соляной Конторы Спашскаго Совѣтника Пепра Ивановича Сысоева, сдѣлавъ какую-то шалость, бѣжалъ, а на дорогу взялъ самовольно господскую серебряную посуду: чарочки, спаканчики, подносы, и п. п. Господинъ пригнѡвилъ явочное прошеніе, но не подалъ его, и копѣ по какой-причинѣ. На другой день побѣга, возвращаясь домой опѣ ранней обѣдни (П. И. Сысоевъ, какъ и многіе почтенные спарички того времени, ходилъ къ поздней обѣднѣ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а всѣ прочіе къ ранней, и пошомъ, напившись чаю, къ должности, кромѣ субботы), видитъ онъ у воротъ своихъ обшивни, запряженные парю ухарскихъ лошадей; въ обшивняхъ лежалъ связанный бѣглець Илюшка и подлѣ него кулекъ, а на козлахъ сидѣлъ видный кучеръ, въ хорошемъ синемъ суконномъ армякѣ.—Кучеръ вспаепъ, снимаепъ передъ Петромъ Ивановичемъ шапку и подавая ему письмо, говоритъ: “Ермакъ Тимофѣевичъ приказалъ Вашему Высоко-родію кланяться; посылаепъ вамъ бѣлаго вашего челоѡка и все, что унесъ онъ у

вась., — Благодарю, благодарю, другъ мой! поспурдись, введи бездѣльника. — Входяшь въ комнапы ... Илюшка падаешъ въ ноги доброму своему господину, а шопъ распечашываешъ письмо и чашаешъ слѣдующее:

“Ваше Высокородіе!

“Милоспивый Государь!

“Петръ Ивановичь!

“Дворовый челоѡкъ вашъ Илья Тереншьевъ, явась ко мнѣ вчерашняго чаша, просиль о приняшии его въ службу. “А какъ я бездѣльниковъ къ себѣ не принимаю; по допросу же моему оказалось, “чшо онъ Илья Тереншьевъ обращается “въ пьяншвѣ и воровшвѣ: шого для и “препровождаю его Тереншьева, по надлежашемъ наказаніи, обрашно къ Вашему “Высокородію, купно съ покраденными имъ “у васъ вещами, кои сохранены всѣ въ “цѣлоспи. Оспаюсь съ моимъ почшеніемъ

“всенижайшій слуга

Ермакъ Тимофѣевъ.,,

—Гдѣ же? Гдѣ же челоѡкъ, копорый привезъ Илюшку? — спрашиваешъ Петръ Ивановичь людей своихъ. — “Выщель, су-

дарь. — “Позовите его сюда: надобно ему дасть на калачи., ... Пошли, посмотри-ань и слѣдь проспыль! Между шемь Илья Тереншьевъ обнималъ колѣна своего господина и просиль помилованія.... Да кто это такой доброй человекъ Ермакъ Тимофѣевичъ, копорый прислалъ шебя? — Ашаманъ, сударь!,, — Какой Ашаманъ, Козачей что ли? — “Нѣшъ, сударь, разбойникъ!,, — При сихъ словахъ выпало письмо Ашамана - разбойника изъ рукъ шрепещущаго Петра Ивановича.

Вошъ что узналъ онъ ошъ своего бѣглеца: когда шотъ явился къ Ермаку Тимофѣевичу и слезно просиль его приняшь къ себѣ въ службу; шо Ермакъ Тимофѣевичъ, со всею ашаманскою спрогоспю, приказаль ему говорить всю правду и ошвѣчашъ попорядку на его вопросы. — “Что шы за человекъ?,, — Господской, бапюшка! — “Чьего господина?,, — Петра Ивановича Сысоева. — “Доброй господинъ, или худой . . . говори же, что шы спшалъ, да если солжешъ и я узнаю...—Грѣхъ сказашь, бапюшка, что бы худъ былъ.— “Поиль онъ шебя, кормиль?,,—Поиль и кормиль — “Обуваль и одѣваль?,, — Обуваль

и одѣваль. — “Опъ чего же бѣжалъ ты? Вѣрно самъ былъ дурень? Сказывай!”, — Виновашъ, грѣшный человекъ, испиваль изрѣдка и пошаливаль. — “А сѣкъ тебѣ, баринъ?”, — Ни разу еще, а грозился высѣчь. — “Поспой же, я тебѣ высѣку башожья!”, .. И шакъ высѣкли пьяницу вора и бѣглеца Илюшку, чпо, по словамъ барина его, *куриць негдѣ было клюнуть.*

Петръ Ивановичъ въ попь же самый день разсказаль подробно эшо происшествіе въ Главной Соляной Коншорѣ. Въ числѣ слушапелей былъ и покойный ошець мой, служившій въ то время въ Коншорѣ Подканцеляриспомъ, если еще не Копіиспомъ.

Хопя Ермакъ Тимофѣевичъ и не браль съ креспьянъ болѣе алпына съ дуги; но къ купцамъ и дворянамъ не шакъ былъ снизходиселень. Онъ имѣль двухъ, или прехъ любезныхъ, копорыя любили наряжашься, претовали жемчугу, самоцвѣпныхъ каменьевъ, шшофовъ, парчей, и ш. п. — У кого же было ему все эшо брашъ, какъ не у проѣзжихъ? Ловили его по предписанію Воеводской Провинціальной Кан-

целяри; но никакъ не могли поймашь... и не мудро: когда онъ имѣлъ пребываніе свое въ Коломенской округѣ, по искали его въ по время въ Муромской; а когда былъ близъ Мурома, по въ Коломенской. ЕКАТЕРИНА II, по восшесшвіи своемъ на прешоль, приказала *непрелѣнно* поймашь его — и пошчасъ поймали. Гдѣ же? — Въ банѣ кума его какого-по дворянина, или одноворца. Ермакъ Тимофѣевичъ любилъ попаритьсья. Вошъ приѣзжаешъ онъ по обыкновенію къ куму въ субботу — баня испошена. Ермакъ, раздѣвшисъ въ передбанникѣ, идешъ, какъ и всегда дѣлалъ, въ баню въ полномъ вооруженіи. Лишь шолько захопнулъ онъ за собою дверь, какъ вдругъ опускаешся сверху бревно и запираешъ ее. Двадцашъ, или шридцашъ голосовъ, со двора кричашъ радосшно: *попался молодецъ въ западню!* Подъячій съ приписью, въ непудренномъ парикѣ, чишаешъ громогласно прошивъ окна бани опредѣленіе, или указъ о взятіи Ермака подъ спражу. — “Попробуйше, возьмише!”, говоривъ Ермакъ Тимофѣевичъ, прицѣливаясь въ окно ружьемъ — “не дамся въ руки живой!”, — Такъ мѣ

возьмемъ и мерпваго, говоритъ Подъячій. Ребяша! нечего на него смотрѣшь. Принесише - ка соломы, обложите баню да и зажгише. — Спрусиль неуспрашиваемый Ермакъ и вспунилъ въ переговоры. Въ силу оныхъ выбросиль онъ въ окно рогатину, ружье, пистолешы и киспень. Долго не рѣшался распѣяться съ вѣрнымъ поварищемъ своимъ, булашнымъ ножемъ; но наконецъ и пошъ выбросиль, вздохнувъ тяжело. — “Ну же, брашцы, берите меня, отворите дверь..”, — Нѣтъ, врешь, ушибешь, да уйдешь! ... вылѣзай-ка въ окно. — “Не пролѣзу..”, — Ребяша! зажигай солому! — Зажгли... Полѣзь нехопя Ермакъ Тимофѣевичъ въ окно, приняли его, схватили за бѣлы руки, скрутили веревками и препроводили въ острогъ.

Какъ при допросѣ, такъ и при исповѣди, не повинился онъ ни въ одной душѣ. Ермакъ Тимофѣевичъ грабилъ съ умѣренностію, и всегда ославлялъ ограбленнымъ по крайней мѣрѣ сполько, что бы могли они безъ нужды доѣхать до мѣста. По уваженію всего этого, какъ я слышалъ, въ слѣдствіе особеннаго Высочайшаго повелѣнія, наказанъ онъ былъ, несравненно

легче, нежели прочіе разбойники, отъ копорыхъ въ то время не было почши проѣзда по дорогамъ.

И.

МУХА И СВѢЧА.

Басня.

На изразцахъ Голландской печки
Сидѣли мухи въ темношѣ
И ожидали свѣчки.

Рѣчь шла у нихъ о красошѣ
И дивномъ свойствѣ
Огня и огненныхъ лучей.

Одна изъ эпихъ мухъ, извѣстная въ герой-
спѣвѣ *)
Въ сраженіи съ паукомъ въ кругу его сѣ-
шей,

Сужденію подругъ своихъ дивишся
И говоришь:

“Ну чшо мудренаго, когда огонь горитъ?
И можно ли огня спрашишься,
Когда его ребенокъ не боится?”

Да я, миѣ кажешся, лишь только захочу,
Такъ разомъ погашу преполспую свѣчу!,,
—Ужь какъ шы хваспаешь, сесстрица, передъ
нами!

---

*) Надлежало бы сказать: геройствоиѣ, а не въ ге-
ройствѣ.

Съ огнемъ сраженіе имѣшь
Со всею не шо, что съ пауками :

Вѣдь можно обгорѣшь

Да въ мигъ и умерешь.—

“Такъ вы не вѣрите, сестрицы?...Погодите!

Вошь дайше срокъ . . . свѣчу вне-
сушь...,—

А со свѣчой какъ пушь.

И муха смѣлая летишь къ огню. — “Смоу-
рише,

Жужжишь она, лечу я на огонь!,,

—Не шронь!

Кричашъ ей мухи въ слѣдъ, огонь шутишь
не любишь,

И вѣрно ужъ тебя погубишь!—

Но мухъ эшопъ шумъ лишь силу придаешь.

Свѣча межъ шемъ пылаешь,

А муха надъ огнемъ шуда, сюда лепашъ,

И думаешь: вошь скоро пропадешъ

Твой свѣшь, проклятая свѣча!,, *)

И сгоряча

Прямехонько въ огонь хвасшунья ушприми-
лась...

Свѣча горишь, а муха подъ шоломъ

Безъ крыль, безъ жизни очутилась.

*

И мухъ подѣломъ!

---

*) Сряду два мужескихъ стиха, оканчивающихся на
разныя рѣзмы.

Съ ея ли силой и умомъ
Сраженье зашѣвашь съ огнёмъ?

И. Т.

~~~~~

*Л и р а *).*

Я презиралъ забавы
Въ невинной юности моей.
Шумящія дубравы,
Сребристый подъ окномъ ручей,
Дыханіе зефира—
Вошь что въ прелестной пищивѣ
Замѣной счастья было мнѣ!
Всему виною—Лира!

*

Тамъ, подъ густою шѣнью
Большихъ, развѣсистыхъ дубовъ,
Осшавленный забвенью
Споялъ нашъ безмятежный кровъ.
Подъ нимъ блаженство мира
Вкушалъ неопытный мой духъ;
Но я осшавилъ мирный кругъ!...
Мой соблазнитель—Лира!

*

Унылый звукъ цѣвницы,
Казалось мнѣ, очаровалъ

*) Изъ Машильды — Валшера Скопшта.

Слухъ милыя дѣвицы —
И я любовью воспылалъ ,

*

Мечшая, что Темира
Склонишся ошеѣчашъ на спрасшь.
Кто сердцу юному далъ власшь
Надѣяшся? Кто?—Лира!

*

Но за любовь презрѣнье
Темиры гордой я позналъ;
И сердца заблужденъе
Въ поскѣ ужасной проклиналъ.
Прелесшнаго кумира —
Жестокую—хошѣлъ презрѣшь;
И съ грустью въ сердцѣ умерешъ;
Но жизнь спасла мнѣ—Лира!

*

Война, сей бичъ всемірный,
Родимый край опустошаль;
И тихій кровъ нашъ мирный
Добычей пламени вдругъ спаль.
Я былъ бѣднѣ Ира,
Не зрѣлъ приспанища нигдѣ;
Но покровишелей вездѣ
Доспавила мнѣ—Лира!

*

О Лира! пайной силой
Ты сокращаешь жизни пушь ...
И надъ моею могилой
Свидѣшелемъ безмолвья будь!

Когда изъ струнъ эфира
Коснешся струнъ своихъ Борей:
Ты съ пошухающей зарей
Меня оплачешь, Лира!

И. Т. л. бисбб.

~~~~~

Ей.

Когда здороваясь, или прощаясь съ вами,
Цѣлую ручку я у васъ,
И вы, какъ ангель, разсмѣясь
Своими алыми уснами
Касаетесь щеки моей—
Не помню я себя ошь радости ей! ей!
Чшо чувствую, шого сказашъ вамъ не умѣю,
Но шолько всякой разъ жалѣю,
Зачемъ я не уродъ?
Зачемъ не на щекъ мой рошъ.

1 Августа 1824.

Лардели...

~~~~~

Экспролитъ.

Въ день рожденія Л—В—Б—ой.

“Какъ жарко въ Сеншябръ! Сегодня, вообра-
зеше,
На шермомешрѣ—жарѣ въ крови!,,
—Весьма ешпешвенно!—“Ужели? докажише!,,
—Извольше, нынчѣ: день рожденія Любви!—

11 Сентября 1824.

И. Т.

~~~~~

КРИТИКА.

Мнемозина, собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, издаваемая Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ. Часть II. Москва. Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1824 *).

“Гг. Рецензенты *Мнемозины*, кажутся, не могушь, или не хопяшь понять “настоящаго назначенія оной: привлечь “разнообразіемъ и познакомишь наши “общества, такъ называемаго хорошаго “шона, съ понятіями, которыя нѣсколько “повыше обыкновенныхъ журнальныхъ.,”

Такъ сказано въ IX № *Благонамѣреннаго* на 210 стран. — и мы съ удоволь-

---

*) Подписка на сію книгу принимается въ Москвѣ, въ Театральной Типографіи Г. Похорскаго, соспоющей въ домѣ Каммергера О. О. Кокошкина, у Арбашскихъ ворошь, въ Приходѣ Бориса и Глѣба. Подписная цѣна за всѣ 4 части съ золотымъ обрѣзомъ 30 р., а безъ онаго 25 р. Иногородные приглающъ на пересылку за 4 фунша.

спвіемъ увидѣли, что вторая часть *Млемозины* издана, согласно съ ея назначеніемъ. Въ ней находящіяся статьи, очень дѣльныя, напримѣръ: *О направленіи нашей Поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе*, соч. Г. Кюхельбекера, и *Афоризмы по части современнаго Германскаго Люболюдрія* (Кн. Одоевскаго). — Вошь какъ начинаешся разсужденіе Г. Кюхельбекера: “Рѣшаясь говорить о направленіи нашей Поэзіи въ послѣднее десятилѣтіе, предвижу, что ужо очень не многимъ и многихъ прошивъ себя вооружу., — (Надобно бы прибавить *своимъ приговоромъ*) — Какъ сынъ Ошечества, посшавляю себѣ обязанноспію смѣло высказать испину., — Надобно бы прибавить: или шо, что *мнѣ кажется* испиннымъ.) Эшо всшупленіе показываешъ уже, что Авшоръ намѣренъ сказать что нибудь особенное, новое, несогласное съ общимъ образомъ мыслей. — Темъ лучше! *Du choc des opinions jaillit la verité!* — Авшоръ жалуешся, что Элегіи и Посланія *вытѣснили у насъ* Оду; опредѣляя степени поэшическаго достоинства: *Оды, Посланія и Элегіи*, жалуешся на скуку, чув-

ствуемую при чтеніи послѣднихъ; разсуждаешь о Романтической Поэзіи и говоришь, что всего лучше имѣть Поэзію народную и читаешь Персидскія стихотворенія Фердоуси, Гафиса, Саади, и пр. — Много мыслей новыхъ; но слишкомъ рѣшипельный тонъ, похвалы и обвиненія безъ доказательствъ, напр. будто бы Гораций, Буало и Попъ — *остряки прозаической памяти*; будто бы Парни и Мильвуа — *Пигмеи Французской Словесности*; будто бы Вольтеръ былъ *туждѣ истинной Поэзіи*. — Надобно все это доказать, чтобы повѣрили сей, *смѣло выказанной истинѣ*.

Прочія спашьи *Мнемозины* занимательны... и для дамъ, напр. Письма изъ путешествія Г. Кюхельбекера, Повѣсть *Елладій* — и многія стихотворенія Гг. Пушкина, К. Вяземскаго, Раича, В. Головина, и пр. *Земля безглацевъ*, Повѣсть, какой давно не появлялось на языкѣ Русскомъ — живость разказа, занимательность, ошпрота, веселость, все соединено въ этой прелестной піесѣ Г. Кюхельбекера: жаль, очень жаль, что онъ не окончилъ ее. — Жаль шакже, что въ числѣ

спихопвореній встрѣчаешь какая-то жалобная Пѣсенка: *Суета суетствій*. Вѣрно Гг. Издатели въ суешахъ не обратили на нее *должнаго* вниманія, попому что въ ней, съ позволенія скажешь, нѣтъ живаго сѣиха,

Ошлепающая младость
 Убивающей рукой
 Вырываетъ за собой
 Все живое; скорбь и радость.

Ей! ей! Гг. Издатели на смѣхъ чипапелямъ напечатали эпо. Какъ возможно *отлетающей* младости *убивающей* рукой вырывать за собой? И что же? — *Все живое!* Сохрани насъ, Господи! — Что же все эпо живое? — *Скорбь и радость!* — И какіе сѣихи! *щяя младость . . . щей* рукой!

Мнѣ сказало сердце: "нѣтъ!
 Ты для чувствъ не будешь камень!,"—

Непонятно! Какъ ни разбирайте эши сѣихи — все выдеишь . . . непонятно!

Но пустьъ скоро свѣшь,
 Въ сердцѣ скоро гаснешъ пламень.

Нѣтъ никакой связи въ мысляхъ Господина Поэта! Сердце говоритъ: *ты не будешь камень*... а онъ опвѣчаетъ сердцу, что *свѣтъ скоро погаснетъ* и что въ *сердцѣ скоро гаснетъ пламень*. Рiemы есть — но и полько!

Все проходишь, спынешь кровь:
И падешь шуманъ на вѣжды,
И умчашся всѣ надежды,
Слава, счастье и любовь!

Еслибъ кто нибудь написалъ прозою по, что набросалъ Поэтъ въ свои списки — вышла бы невѣроятная галиманья! И къ чему весь эпопѣй сбродъ на удачу нахвощаныхъ выражений — названъ: *суетою суетствій*? И къ чему суетишься печашать свои суеты?

О Трагедіи: *Ариване*, нельзя сказать еще ничего рѣшишельнаго, прочитавъ одинъ прологъ. Въ заключеніи книги помѣщены при спашьи, копорыя, какъ сказано, *palpitent de l' intérêt du moment*: 1) Опвѣшь Г. С. на его разборъ 1 часши *Мнемозины*. 2) Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекеру о томъ же. 3) Нѣчто въ родѣ опечашки, или опвѣшь *Издашелю Дамскаго Журнала*, съ эпиграфомъ:

... Нѣтъ! всѣ швои издѣвки

Гораздо не годны для сельскія свирѣлки.

Къ книжкѣ приложены ношы — Романсъ: *Ее ужь нѣтъ моей весны*, соч. Кн. Вяземскаго, Музыка Графа Виельгорскаго — и липографированный поршпрешъ *Marius* къ Повѣсти: *Елладій*.

I.

~~~~~

Анекдоты.

I.

Знаменишый Буше (одинъ изъ первыхъ скрипачей въ Европѣ, несмотря на всѣ полки кришиковъ) проѣзжая Лионъ, вышелъ прогуляться по берегу Роны. Тамъ, окруженный сошнсю любопытныхъ, игралъ на негодной скрипкѣ слѣный нищій — и напрасно! Нѣкто не думалъ помочь бѣдняку... Аршисшъ приближается и говоритъ слѣному: “Тебѣ не удаешся, сегодня, дружокъ; дай же мнѣ скрипку, авось я буду счастливѣе.” — Нищій отдаешъ свою скрипку и мѣспо виршуозу, который и начинаешъ играть. Скоро спеклось необыкновенное

множество народа—дивяшся, аплодируешь—но никто не думаетъ положишь что нибудь въ шляпу нищаго. Въ досадѣ на слушателей, непринимавшихъ участія въ его благородномъ подвигѣ, Арписишъ возвращаетъ слѣпому его скрипку, вынимаетъ свой кошелекъ и высыпаетъ изъ него всѣ деньги въ шляпу нищаго... Бросивъ послѣ этого презрительный взглядъ на безчувственную толпу, его окружающую — Арписишъ скрывается. (*Corsaire.*)

2.

Нѣкто пришелъ къ Издашелю одного Англинскаго журнала и вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ. *Незнакомецъ.* Милоспивый Государь! вы помѣстили въ послѣднемъ номерѣ вашего журнала несправедливое извѣстіе. *Издатель.* Не можете быть. *Незн.* Вы напечатали, что *N. N.* былъ подѣ судомъ? *Изд.* Сущая правда! *Незн.* Что его осудили? *Изд.* Точно такъ! *Незн.* И повѣсили? *Изд.* Совершенная истина! *Незн.* Ипакъ имѣю честь доложить вамъ, что я пошѣ самый *N. N.*, о кошоромъ написали вы такую не-

былицу. *Изд.* Возможно ли? *Незн.* Надѣюсь, что вы сознаетесь передъ публикою въ своей ошибкѣ. *Изд.* Нѣтъ, М. Г., ни подѣ какимъ видомъ. *Незн.* Я буду на васъ жаловаться. *Изд.* Какъ вамъ угодно; честный журналистъ никогда не опирается опъ своихъ словъ... Если хотите что я могу оказать вамъ одну только услугу: напечатаю въ журналѣ, что веревка, на кошорой васъ повѣсили, была не очень крѣпка, что она оборвалась, что вы остались живы и невредимо избѣжали висѣлицы. (*Diable Boiteux, Journ. des spectacles.*)

3.

Одинъ молодой человекъ, будучи въ маскарадѣ, въ залѣ большой Парижской оперы, наступилъ нечаянно одной маскѣ на ногу. Незнакомецъ, разсердясь на него за шакую неучпивость, обругалъ его и несмотря ни на какія извиненія, вызвалъ на дуэль. Молодой человекъ согласился, вынулъ изъ бумажника карандашъ и записавъ на пергаментномъ листочкѣ свой адресъ, опдалъ замаскированному съ темъ, что бы онъ на другой день за-

вхаль къ нему на кварширу, ошкуда и опшправляющя оба вмѣстѣ въ Булонскій лѣсъ. Условившись такимъ образомъ, они разошлись и скрылись въ толпѣ. На другой день обиженный ошыскиваетъ домъ по адресу и звонишь у дверей въ колокольчикъ. Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ халацѣ и въ колпакѣ, выходитъ къ нему и спрашиваетъ: “что вамъ угодно?,, — Смѣшнѣйшій вопросъ!—возражаетъ вызыватель: разумѣется, дасть шебѣ хорошій урокъ въ фехшованьи.—“Съ великимъ удовольствіемъ, опшвѣчаетъ пожилой человѣкъ; такъ вы намѣрены со мною драться?,,—Толкувашь нечего, одѣвайся скорѣй и поѣдемъ въ Булонскій лѣсъ—“Когда такъ извольше,,—Пожилой человѣкъ одѣвается, беретъ свою шпагу и опшправляется съ нимъ въ назначенное мѣсто. — Начинаешя дуэль, и пожилой человѣкъ съ первого раза повергаетъ прошивника на землю. — “Я нанесъ вамъ сильную рану, сказалъ пожилой человѣкъ; теперъ позвольше спросишь, зачшо вы меня вызвали?,,—Вопшь хорошо! шы еще спрашиваетъ? Да не шы ли вчера въ маскарадѣ наошпуилъ мнѣ на ногу? — Ошибаетесь,

Милоспивый Государь, около чепырехъ лѣпъ нога моя не была ни въ едномъ маскарадѣ.,—Возможно ли? Такъ эшо не вы, съ кошорымъ я вчера побранился? — “Нѣпъ, М. Г., я училель фехпованья, и вѣрояшно кшо нибудь изъ моихъ учениковъ подшупилъ надъ вами и послалъ васъ ко мнѣ, чшо бы вы взяли у меня первый урокъ въ моемъ искусствѣ. (*Morgenblatt.*)

4.

Одинъ придворный сказалъ своему владѣпельному Герцогу: “Ваша Свѣпелость осчастливили споль много неблагодарныхъ, чшо конечно и меня включиле въ ихъ сообщество., (*Quotidienne.*)

5.

Великій Конде сказалъ однажды: “я знаю, чшо Аббашъ Д’Обиньякъ во всемъ слѣдовалъ правиламъ Аристошеля; но никогда не прощу Аристошелю, чшо онъ далъ поводъ Аббашу писашъ шакія плохія трагедіи., (*Оттуда же.*)

6.

Нѣкшо Д...предложилъ Наполеону вы-

бишь монету, на кошорой бы изображень былъ орель, раздирающій когпями спину леопарда. — “Какъ? возразилъ Наполеонъ, дѣлашь пакую монету въ шо время, когда ни одинъ мой корабль не смѣешь показашься въ морѣ, чшо бы не попашься въ руки Англичанъ! Сохрани Боже! (*Diable boiteux.*)

7.

Одинъ Англичанинъ нанялъ въ Парижѣ цѣлый эпажъ; но помѣспился только въ двухъ комнапахъ. Хозяинъ спросилъ своего постояльца изъ любопытства: конечно, почтенный Лордъ, ожидаете свою фамилію, чшобъ помѣспилъ въ оспальныхъ комнапахъ? — “Напрошивъ, возразилъ Лордъ; я ожидаю изъ Англїи моихъ собакъ, кошорыя, для поправленія своего здоровья, должны прожить во Франціи цѣлое лѣшо. (*Pandore.*)

8.

“Ну чшо ты скажешъ про Цирюльника?,, спросилъ нѣкто Венгерца, не давно приѣхавшаго въ Вѣну. — Про какого цирюльника? возразилъ Венгерецъ? — “Эхъ, брашець! разумѣшся, про *Севильскаго*.,”

—Ну къ чоршу! какое мнѣ дѣло до цирюльниковъ, я самъ брѣюсь. (*Abendzeitung.*)

8.

Одинъ Герцогъ, котораго предки участвовали въ кресповыхъ походахъ, посѣщилъ не давно въ Парижѣ вновь пожалованнаго Графа. Графъ принялъ его въ своей библіюшкѣ, и когда шопъ вошелъ, то онъ стоя у полокъ на маленькой лѣспницѣ, распанавливалъ свои книги. Герцогъ съ вѣжливоспію подходитъ къ Графу и начинаешъ съ нимъ говоритъ. Графъ съ нѣкоторою надмѣнноспію проситъ его не много повременитъ, извиняясь темъ, что долженъ кончить свою работу и разспавитъ оспальныя книги по полкамъ. Проходитъ четверть часа и Графъ слѣзаетъ съ лѣспницы. — “Извинише, Герцогъ! я совсемъ забылъ объ васъ.,—Нѣтъ, ошвѣчалъ Герцогъ; не меня а себя, кажешя, вы забыли. — (*Diable boiteux.*)

10.

Въ Дофинѣ одна молодая дѣвица, подозрѣвая въ непоспоянспвѣ своего любов-

ника, хотѣла испытать его на балѣ во время карнавала. Замаскированная, встрѣчаешся она со своимъ любовникомъ, который видя прелесный спанъ незнакомки, начинаешъ за ней волочиться. Дѣвушка казалась равнодушною къ учтивостямъ измѣнника; счастливецъ начинаешъ съ нею танцовать и наконецъ назначаешъ ей свиданіе въ условленномъ мѣстѣ. Она является; новый Ловеласъ хочешъ воспользоваться своею побѣдою, какъ вдругъ раздраженная любовница срываетъ со своего лица маску, вынимаешъ изъ подъ салапа пару пистолешъ и говоришь ему съ жаромъ: “измѣнникъ! въ шебѣ нѣтъ постоянства; но ежели ешь сколько нибудь мужества, то защищайся!”, Изумленный любовникъ спрусилъ, началъ сзывать людей на помощь и сдѣлался предметомъ посмѣянія. (*Diable boiteux*.)

Г. К—вб.

Выписки изъ новыхъ иностранныхъ журналовъ.

Недавно прибылъ въ Гавръ необыкновенный путешественникъ. Онъ чрезвычайно высокаго роста, но горбашъ и пьетъ одну только воду. Въ 1784 году купилъ его Шведскій купецъ въ Египтѣ у одного Араба, у котораго былъ онъ рабомъ. Путешественникъ 54 лѣтъ отъ роду, объѣхалъ полсвѣта, былъ въ Сѣверной Америкѣ, Испаніи и Англии, и какъ слышно, поѣдетъ въ Кипай. — Кто же энопъ путешественникъ? — Верблюдь!! (Corsaire.)

Въ Швейцаріи есть пословица: *Надобно девять Жидовъ, чтобъ обмануть одного Швейцарца и десять Швейцарцовъ, чтобъ обмануть одного Жида.* (Gesellschafter.)

Одинъ кандитеръ въ Перпиньянѣ сдѣлалъ изъ сахара маленькіе бюспы всѣхъ славнѣйшихъ императоровъ и другихъ

великихъ мужей—Англинскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, и пр. Ишакъ классики нынѣшняго времени могутъ подслащивать кофей свой по произволу: Мольтроумъ, Буало, Лафоншенемъ, а Романшики: Шиллеромъ; Шекспиромъ, Байрономъ, и ш. п. Недавно одинъ Англинскій Лейшенантъ пилъ у эшого кандишера пуншъ и попопилъ въ немъ всѣхъ славныхъ Французскихъ мореходцевъ: Жанъ-Барша, Лаперуза, Тюрвиля, и пр. (*Corsaire.*)

Въ Журналѣ: *Pilote*, было напечатано, что Бельцони ходилъ въ Парижѣ съ предлинною бородою.—“Неправда, возражаетъ другой журналъ, Бельцони брился.,—Нѣшъ, онъ почно былъ съ бородою, опвѣчаетъ *Pilote* въ свое оправданіе, но пряталъ ее всегда въ галспухъ.—(*Freymüthige.*)

Въ Парижъ ежедневно приходятъ изъ окрестносшей 1732 молочницы. Всякая приноситъ около 12 кваршъ молока; слѣдовашельно Парижане выпиваютъ каждый день 20.794 кваршы и платятъ за по молочницамъ отъ 10 до 12 франковъ въ супки. Въ случаѣ нужды молочницы увеличиваютъ количество своего молока $\frac{1}{5}$ долею, подслащивая его водою изъ Сены. (*Diable boiteux.*)

Домъ Вольпера въ Парижѣ продается съ публичнаго шорга. Въ комнашѣ, въ кошорой онъ умеръ, уцѣлѣли до сего времени всѣ мебели и уборы, и ни одна вещь не пронупа съ мѣста. (*Corsaire.*)

Самая ходячая во Франціи монета еспь...*сѣжливостъ*, и ни одинъ Французъ на нее не скупился. (*Journal de Paris.*)

Молодую дѣвицу, кошорую первый разъ вывозяшъ на балъ, можно сравнишь съ молодымъ Офицеромъ, вступающимъ въ службу во время похода. Одно сраженіе для Офицера и одинъ балъ для дѣвицы могутъ болѣе образовашъ ихъ, нежели три, или чешыре года теоріи. (*Corsaire.*)

Въ Даніи сущеснвуешъ теперь мода даватъ опличнѣйшимъ актерамъ имена звѣрей. Первая прагическая Акприса называется у нихъ львицей, герой носорогомъ, и ш. п. (*Gesellchafter.*)

Въ прошивносшь салического закона, женщины дѣлающся у насъ часъ опъ часу власполюбивѣ. Р. Бургиньонъ, Директоръ Театра: *Gaité*, имѣешъ у себя кассиромъ женщину; мѣсто театральнаго спихопворца занимаешъ женщина; балешмейсперь — женщина — и Гжа Жанлисъ

есть пеперь единственная поставщица сюжетовъ для Мелодрамъ. (*Pandore.*)

Исторія говоритъ, что одинъ владѣлецъ, воевавшій въ Индіи, занялъ у прехъ капиталовъ 6 миліоновъ реаловъ и опрѣзавъ у себя одинъ усъ, далъ его въ залогъ заимодавцамъ. Такой заемъ весьма бы понравился нынѣшнимъ модникамъ, у которыхъ длинные усы, а карманы пустые. (*Diable boiteux.*)

На заводѣ Г. Гавоне въ Брисселѣ дѣлаютъ пеперь желѣзные канаты. (*Journal de Bruxelles.*)

На постройку большой Египетской пирамиды потребно было 20 лѣтъ времени и 100.000 работниковъ. Нынѣ исчислено, что съ помощію паровой машины 36.000 человекъ построили бы такую пирамиду въ 18 часовъ. (*Courier des Pays-Bas.*)

Правда, подобно маслу, всегда всплываетъ наверхъ — такъ говоритъ Испанская пословица. (*Drapau blanc.*)

Въ піэсѣ: *Домашняя жизнь Парижанъ*, жена требуетъ отъ мужа 1700 франковъ слѣдующимъ образомъ: “одинъ молодой человекъ, который давно уже волочишься

“за мною, обѣщаль подарить мнѣ 1700
 “франковъ. Если ты, любезный другъ мой,
 “одолжишь меня такою суммою, то я
 “конечно предпочту тебѣ этому моло-
 “дому челоуѣку., (Cour. des Pays-Bas.)

Ишпаліянскіе журналы, превознося по-
 хвалами извѣстную пѣвицу Фодоръ, гово-
 рящъ, что прескъ отъ рукоплесканій ей
 въ шею подобенъ былъ . . . *громоуылъ*
изверженіылъ Везувія. (Journal des Debats.)

Похвала иныхъ газетъ также сомни-
 шельна, какъ и рукоплесканіе толпы на-
 родной, къ которой одинъ древній Ора-
 шоръ возгласилъ: “А! вы звалише меня:
 вѣрно опять сказалъ я какую нибудь глу-
 постъ! (L'Etoile du soir.)

Одинъ Японецъ имѣлъ шерцѣніе при-
 учить нѣсколько десяшковъ блохъ возить
 маленькую бронзовую пушку. Если вос-
 пользуются въ Японіи этою выдумкою и
 спанутъ болѣе и болѣе упражнятсь въ
 запряжкѣ блохъ подъ артиллерію: то Я-
 понская армія сбережетъ большое коли-
 чество сѣна и овса. (Corsaire.)

Почти всѣ великіе мужи имѣли при-
 вязанность къ живошнымъ: Магометъ
 любилъ кошку, Невшонъ собаку, Кромвель

орла, Александръ Македонскій-лошадь. (*Оттуда же.*)

Одинъ Парижскій парикмахеръ, живущій у ворошь С. Дени, поставилъ надъ лавкою своею вывѣску съ изображеніемъ Авессалома, который зацѣпясь волосами, повисъ на деревѣ, и со слѣдующею надписью:

Passans, contemplez le malheur

D'Absalon pendu par la nuque.

Il aurait évité ce malheur

S'il eut porté la perruque *).

(*Berlin. Nachr. v. Voss.*)

Одинъ путешественникъ, приѣхавшій недавно изъ Кипая увѣряешь, что видѣлъ на рѣкѣ Синеи поколѣніе народа, имѣющее головы, подобныя сахарной формѣ. Повивальныя бабки, за нѣсколько сполѣшій предъ симъ, спарались сначала у новорожденныхъ дѣшей обминашь головы, чшобъ сдѣлашь ихъ оспроконечными. Послѣ сего расплодился эшопъ родъ лю-

*) Прохожіе! смощрише, какая бѣда случилась съ Авессаломомъ — повисъ за свои волосы! Онъ избѣжалъ бы эшого несчастья, еслибъ носилъ парикъ.

дей съ сахарными головами и соспавляешъ шеперь особое поколѣніе (*Pandore.*)

Въ *Petites Affiches* было не давно объявлено: “молодой человекъ, хорошо воспитанный, знающій чистать, пишеть, Арифметику, Географію и Испорію, желаетъ опредѣлиться въ конюхи. (*Corsaire.*)

Какой-то изобрѣшательный Парижскій геній разыгрывалъ въ лопшерею всякаго рода плашье. Билешы можно было получашъ не только за деньги, но и на обмѣнъ плашья. Одинъ бѣднякъ промѣнялъ на лопереинный билешъ послѣдній камзолъ свой и выигралъ . . . повѣрише ли? . . . *три тысячи* камзоловъ. (*Pandore.*)

Одинъ бѣднякъ получилъ весьма хорошее мѣсто по службѣ съ условіемъ жениться на опшрашительной дочери своего покровителя. Бѣднякъ, желая имѣшь кусокъ хлѣба, исполнилъ его волю.—“Ну, дружокъ, сказалъ ему одинъ изъ знакомыхъ, ты долженъ молишь Бога за своего шестя: онъ приспособилъ тебя къ хорошему мѣсту, . . .—Конечно, опшвѣчалъ бѣднякъ; онъ далъ мнѣ хорошій кусокъ хлѣба, но самую дурную часшь мяса. (*Gesellschafter.*)

Въ Боспонѣ одинъ молодой, хорошо воспитанный Американецъ, объявилъ въ газетахъ, что намѣренъ жениться на старушкѣ отъ 70 до 80 лѣтъ, безъ всякаго приданого. Вотъ что называется: *у всякаго свой вкусъ!* (*Corsaire.*)

Въ Туринѣ естъ пражиръ подъ выѣскою: *доброй жены*, которая намалева-на безъ головы. (*Gesellschafter.*)

Кто имѣеть самую большую библиошеку?—Богъ рѣки Лепы. (*Оттуда же.*)

Дю Корнешъ, сынъ одного Валансьенскаго ремесленника, родившійся безъ рукъ, нарисовалъ ногою превосходный пейзажъ. Король (Лудовикъ XVIII) наградилъ его пожизненнымъ пенсіономъ въ 1200 франковъ. (*Journal de Paris.*)

Въ Лондонъ привезли недавно живую Сирену. Одна Англинская газета удостовѣряеть, что Сирена дѣйствительно имѣеть очень приятный голосъ. Ипакъ госпожа Капалани нажила себѣ весьма опасную соперницу. (*Pandore.*)

На одномъ Парижскомъ балѣ молодая и прелестная супруга одного чиновника подходилъ къ Министру В. и убѣдительно просилъ его перемѣспить ея мужа

изъ Спрасбурга въ Парижъ. Министръ отвѣчалъ: “къ сожалѣнію, сударыня, я не могу исполнить этого; мужъ вашъ необходимъ на своемъ мѣстѣ и не можетъ бытъ перемѣщенъ въ Парижъ., — Прелестная супруга такъ огорчена была опказомъ Министра, что съ опчаянія пропанцовала безъ отдыха чешыре конпрданса, при вальса и два англеза. (*Journal de Paris.*)

Одинъ древній Философъ сравнивалъ женишбу съ мѣшкомъ, въ кошоромъ между сонни змѣй положенъ угорь. Ипакъ рѣдкому счасливцу удаешся съ перваго раза вытащитъ изъ мѣшка угря. (*Cour. des Pays - Bas.*)

Непобѣдимая армія, говаривалъ Лордъ Тиравли, должна соспоятъ изъ 10,000 голодныхъ Шопландцевъ, такога же числа сыпыхъ Англичанъ и 10 тысячъ Ирландцевъ послѣ впорой бушылки. (*Journal de Paris.*)

Въ одномъ Нѣмецкомъ городкѣ походная Французская труппа объявила, что будешъ играшъ піэсу подъ названіемъ: *La diligence de Lion, attaquée par des voleurs.* Типографшикъ хошѣлъ пояснитъ названіе

піэсы для Нѣмцовъ, и съ помощію лексикона разобравъ эши Французскія слова, перевель ихъ такимъ образомъ: *Der Fleiss des Loewen von Raubern angegriffen* (Прилѣжаніе льва, атакованное разбойниками.) (*Gesellschafter.*)

Говорашъ, будшо въ Парижѣ соспавилось общеспво, занимающеея предохранительными средспвами прошивъ шолцины. Многія дамы записались акціонерами въ это общеспво. Недавно явился въ оное молодой Турка и хопѣлъ купишь цѣлую сонню акцій для опсылки въ Коншанпинополь. Онъ читалъ въ объявленіи, что продаюпся акціи: *assurance contre la graisse*, но не совсемъ понялъ объявленіе и полагалъ, что это: *assurance contre la Gréce.* (*Corsaire.*)

Пупешеспвенникъ Боудишъ замѣчаетъ, что Король Ашаншеевъ долженъ имѣшь непременно 3333 жены, попому что число сіе, по мнѣнію Короля, еспъ миспическое, опъ копораго зависпшь благососпояніе его народа. (*Gesellschafter.*)

“Въ бышность мою въ Лондонѣ—разсказываешъ одинъ извѣспный пупешеспвенникъ — повель меня Г. Шуперъ,

славный актеръ, наблюдавшій обычаи и нравы чернаго народа, въ сѣспный погребъ, куда сходились обыкновенно нищіе. Работница, принявшая насъ, подставила намъ лѣстницу, по кошорой мы спустились, и потчасъ опняла ее, чпобъ не ушли мы безъ плашы. Въ погребѣ нашли мы десяшь чиспыхъ споловъ, съ висѣвшими на длинныхъ цѣпочкахъ ножами и вилками. Намъ подали хорошаго говяжьяго супа, говядины съ горчицей, гороховаго пудинга съ саломъ, два куска хорошаго хлѣба и два спакана пива. Кухарка пошребовала опъ насъ рубашки, чпо бы во время обѣда ихъ выстирать и высушишь. За все эпо, со включеніемъ мышья, заплапили мы два пенса. По суббопамъ бѣлья не моюшь; но вмѣсто того даюшь полфунша жареной говядины съ каршофелемъ. Въ семь погребѣ находились мы въ обществѣ однихъ нищихъ; а какъ мы переодѣшы были въ лахмошья, шо они скоро съ нами познакомились и легко насъ почли за воровъ, или нищихъ изъ околоска. Но какъ изумились мы, увидя веселый и беззаботный родъ жизни эшихъ нищихъ. Сперва всякій счишалъ свою вы-

ручку и особливо слѣпые давали повѣрять свои деньги двумъ зрячимъ, что бы не быль обмануемыми оны своихъ вожапыхъ. Не было изъ нихъ ни одного, копорый бы не собралъ вдвое, или впрое болѣе того, что доспанеть въ день самый прудолубивый ремесленникъ. Попомъ, по окончаніи счеша, всякій пошребоваль себѣ крѣпкаго поршера; копорый пили за здоровье всѣхъ соспрадашельныхъ людей. Тупъ начались шанцы, и весьма забавно было видѣшь, какъ ловко шанцовали не только слѣпые, но даже хромые и калѣки. Попомъ раздавался хоръ опберныхъ нѣсней до пѣхъ поръ, пока оны успалосши и жажды пошребовали пунша изъ поршера и рома. Тогда принялись за газеты и весь вечеръ, до прехъ часовъ, упра провели самымъ веселымъ образомъ въ попойкѣ и полишическихъ сужденіяхъ о Минисперсшвѣ. (*Lesefrüchte.*)

Рембраншова служанка любила много болшашъ со своими подругами, споя у окна. Онъ списаль съ нее поршрешъ и посшавиль на окно. Мимопроходящія знакомки сначала ласково привѣщшвовали ее, а пошомъ бранили, что она, какъ нѣ-

мая, вовсе имъ не ошвѣчаетъ. (*Lesefrüchte.*)

Одинъ лунашикъ въ Лионѣ, прогуливаясь ночью по крышкѣ своего дома, упалъ съ нее и — къ счастью — не на мостовую, но на имперіаль (верхъ) дилижанса. Упромъ лунашикъ проснулся, и, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ себя въ Парижѣ сидящаго въ одной рубашкѣ на крышѣ почтовой кареты. (*Pandore.*)

Въ одной Англинской газетѣ напечатана была слѣдующая шуточка: Капишанъ Г. свашался за дѣвицу Гудсонъ, но ему ошказали. — “Ушѣшься, брашець, сказаць ему прияшель, не первый ты изъ мореходцевъ не доходишь до Гудзонскаго залива.,, (*Оттудаже.*)

Въ Парижской карпинной галлерей недавно былъ выспавленъ поршрешъ книгопродавца, кошорый предспавленъ чишающимъ. Какая эпиграмма на книгопродавцевъ! (*Corsaire.*)

Г. К — вб.

ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ.

Одинъ изъ нашихъ приящелей нашель на улицѣ слѣдующія два письма, и просиль насъ ихъ напечаташь, чшобъ опыскашь особъ, къ кошорымъ были адресованы сіи письма :

Милоспивый Государь!

Я очень богаша, и давно ищю мужа по моему вкусу: помогите мнѣ въ моихъ поискахъ...Мнѣ хочешся, чшобъ мужъ мой имѣль слѣдующія доспоинства: чшобъ онъ былъ *великой теловѣкъ*, чшобъ *дѣла* его были *извѣстны*; чшобъ онъ былъ *кротокъ*, *чувствителенъ*, *любезенъ*; чшобъ былъ *свободнаго, непринужденнаго обращенія*, и любиль домашнюю жизнь.

Эмилиа Д.

Милоспивая Государыня!

Еслибъ вы имѣли удовольспвіе знашь меня, шо давно бы нашли себѣ мужа. Я почно шопъ *человѣкъ*, кошораго вамъ надобно. Вы ищете *великаго* *человѣка*; во мнѣ 2 аршина 15 вершковъ; о моихъ *дѣлахъ* говоряшь во всей нашей улицѣ. Я *кротокъ*, какъ овечка, когда не сердишь;

я любезенъ попому, что всѣ знакомые мои называютъ меня любезнымъ другомъ. Чтожъ касается до чувствительности... о! я не позволю наступить себѣ на ногу! Мое обхожденіе свободно, попому, что я вездѣ какъ дома... Апшесташы господь, у которыхъ я служилъ, покажуъ вамъ, что я способенъ къ домашней жизни..Вы богашы, это неподобно; ипакъ прошу васъ прислать мнѣ денегъ на свадебное платье, и извѣстите меня о днѣ свадьбы, попому что мнѣ давно накучила холостая жизнь. (*Corsaire.*)

СРЕДСТВА РАСПРОСТРАНЯТЬ КРУГЪ СВОИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Безъ всякой пощады бранить прочихъ журналистовъ; замѣчать ихъ малѣйшія ошибки; замѣчать, что они неправильно выдаютъ книжки и не знаютъ совершенно ничего.

Безъ всякой мѣры хвалишь себя; пишешь разъ въ мѣсяць похвалы своему изданію и подъ чужимъ именемъ печатаешь ихъ въ приятельскомъ журналѣ.

Особенно не выпускаешь изъ виду па-

кихъ изданій, копорыя сходны съ собственнымъ изданіемъ: неупомиимо писашь прошивъ пакихъ журналовъ кришкики, саширические разговоры и эпиграммы.

Писашь письма къ приятелю - Журналисту, хвалишь и превозносишь его— съ шемъ уговоромъ однакожь, чшобъ и онъ въ свою очередь написалъ похвалу нашему изданію и между прочимъ побранилъ прочихъ журналистовъ.

Если кшо изъ друзей липшерапоровъ издаешь книгу, писашь прошивъ нее опъ неизвѣснаго кришкики, нарочно для шого, чшобъ было удобнѣе возражашь и блисшашь въ аншикришикахъ.

Какъ о собственныхъ сочиненіяхъ, шакъ и о сочиненіяхъ друзей—липшерапоровъ писашь и говоришь во всѣхъ журналахъ какъ можно болѣе и долѣе, пока Публика не обратишь вниманія на разруганное, или расхваленное сочиненіе.

Къ концу года перехвалишь свои сочиненія и свое изданіе и перебранишь прочіе журналы. Эшо необходимо для иногородныхъ чишашелей.

I.

Книжныя Извѣстія.

I.

Въ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ и магазинахъ, пакже и у меня, принимается подписка на продолженіе собранія Греческихъ классиковъ, имѣющее оппечашьясь въ 1825 году, а именно: на IV Часть Омировой Иліады, и на Трагедіи Софокловы: *Аяксъ неистовый*, *Филоктетъ* и *Электра*. Всѣ сіи книжки на Русскомъ языкѣ, въ цѣвѣшной обершкѣ, спшоятъ 17; съ Гречес. подл. и Рус. перев. 33 рубл. Каждая *порознь*: руб.

<i>Иліады</i>	IV часть;	12;	съ Гр. под.	17	—
<i>Аяксъ</i>	— — — —	3;	— — — —	5	—
<i>Филоктетъ</i>	— — — —	3;	— — — —	5	—
<i>Электра</i>	— — — —	3;	— — — —	5	—

Въ шѣхъ же мѣспахъ продающся оппечашанныя уже книжки сего собранія всѣ вмѣстѣ по слѣдующимъ цѣвнамъ: *Порознь*:

- 1) *Езоповы басни* по 5; съ Греч. под. 10 руб.
- 2) *Гимны Каллимаха* 5; — — — — 10 — —
- 3) *Едипъ Царь* } Тра- 3; — — — — 5 — —
- 4) *Едипъ въ Колон.* } гед. 3; — — — — 5 — —
- 5) *Антигона* } Со- 5; — — — — 5 — —
- 6) *Трахинянки* } фок. 3; — — — — 5 — —
- 7) *Иліады Часть I* — — 12; — — — — 18 — —
- 8) — — — — II — — 12; — — — — 17 — —
- 9) — — — — III, кошорая оппечашаешся

въ концѣ нынѣшняго года 12; — — 17 руб.
Всѣ влѣстѣ по 50; *сб Грет. под* 92 рубли;
 а съ вышеупомянутыми, имѣющими ошпе-
 чашаться въ печеніи 1825 года, на одномъ
Рус. языкѣ 67; *сб Грет. подл.* 125 рублей.
 Жительство мое на Вас. Оспр., въ 11 ли-
 нии, по малому проспекту, въ собшвенномъ
 домѣ, подъ №^о 387.

Дѣйств. С. С. Иванъ Мартыновъ.

II.

На сихъ дняхъ вышли въ свѣшъ слѣ-
 дующія оригинальныя сочиненія:

1) *БУРСАКЪ*, *Малороссійская Повѣсть*,
сочиненіе Василья Нарѣжнаго, въ четырехъ та-
стяхъ. Москва, въ Унив. Тип. въ 8ку. Въ
 первой части 164, во второй 177, въ
 третьей 200 и въ четвертой 208 стран.
 —Прод. въ Москвѣ у Коммиссіонера ИМПЕ-
 РАТОРСКАГО Московскаго Университета
 А. С. Ширяева, а въ С. п. бургѣ, въ библи-
 ошкѣ для чпенія, у Синяго моста, быв-
 шей Г. Плавильщикова, а нынѣ А. Ф. Смир-
 дица. Цѣна за всѣ 4 части въ бум. 15 р.

Самый лучший изъ всѣхъ вышедшихъ до
 сего времени на Русскомъ языкѣ оригиналь-
 ныхъ романовъ, несмотря на многія не-
 брежности въ слогѣ и погрѣшности про-

шивъ вкуса. Любители приятнаго чшенія найдутъ здѣсь весьма занимательныя происшествія и необыкновенныя характеры, мастерски изображенные вѣрнымъ наблюдателемъ. Сверхъ того въ эпозъ, испинно самомъ лучшемъ у насъ и, можно сказать, историческомъ романѣ—изъясимся языкомъ нашихъ романшиковъ — очень много *любопытности и народности*.

2) *НОВЫЯ ПОВѢСТИ ВАСИЛІЯ НАРЪЖНАГО. Въ трехъ частяхъ.*—С. п. бургъ, въ шип. Плавильщикова, въ 12ю долю. Въ первой часши 172, во вшорой 194 и въ шрешей 186 стран.

Веселый рассказъ, занимательность происшествій, свѣжестъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и *новость мѣста* — вошь достоинства повѣстей Г. Нарѣжнаго — повѣстей, кошорыя заняли бы опшичное мѣсто въ Русской библіотекѣ, еслибъ Авшоръ ихъ болѣе спарался о правильности и чистотѣ слога. Особенно занимательны, въ числѣ сихъ новыхъ произведеній Г. Нарѣжнаго, повѣсти: *Запорожецъ* и *Турецкій судъ*. — *Заморскій Принцъ* и *Невѣста подъ замкомъ*, хошя въ другомъ родѣ; но шакже имѣющъ свое достоинство.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. № XVI.

РАЗСУЖДЕНИЕ О ЗВЪЗДНОМЪ НЕБѢ.

Въ природѣ все поучительно: одаренное жизнью и лишенное оной, малое и великое, части и цѣлое. - Все возвѣщаетъ намъ величіе Божіе, все напоминаетъ намъ назначеніе наше и наши обязанности. Все есть гласъ Отца нашего на Небесахъ, Который насъ, дѣшей Своихъ, ведетъ, какъ за руку, показываетъ намъ пворенія свои, и шемъ самымъ возбуждаетъ наше разсужденіе и сопровождаетъ къ мудрости и благополучію. Каждый камень, каждое расшѣніе, каждое живошное, каждый человекъ есть провозвѣстникъ Его мудрости, Его силы и благи Его; есть пушеуказатель къ Тому, Который все создалъ, все содержитъ и всеи управляетъ и въ Которомъ мы всѣ живемъ и дѣйствуемъ. Такъ, все окружающее насъ есть насшавленіе, напоминовеніе, увѣщаніе, ободреніе, утѣшеніе для того, чьи очи зряшъ, уши слышашъ, а сердце чувствуетъ.

Но изъ всѣхъ, видимыхъ нами предме-
 шовъ, ничто полико не возвышаетъ духа
 нашего и полико не поражаетъ и не про-
 никаетъ его размышленіями и чувствіями,
 какъ видъ неба, усѣяннаго звѣздами.
 Кто, при возрѣніи на оное, пребываетъ
 спокойнымъ и безчувственнымъ, не внем-
 леть гласу Творца и Опца Природы, не
 открываетъ слѣдовъ высочайшей мудро-
 сти и въ удивленіи онымъ не перяется:
 шопъ споишь еще на самой нижней
 степеніи человѣческаго и едва опличает-
 ся опъ живописныхъ.

Итакъ, о человѣкъ! внимай гласу
 звѣзднаго Неба; оно взываетъ къ тебѣ:
 “Покланяйся величію и славѣ Божіей., И
 какъ можешь ты не познаешь изъ сихъ
 дѣлъ Вѣчнаго, Безконечнаго, Всемогущаго
 и Премудраго Существа! Какія дѣла! Кто
 можешь обозрѣшь ихъ множество, ихъ
 безчисленный сонмъ; кто можешь измѣ-
 ришь ихъ величину и опдаленіе, описатьъ
 порядокъ ихъ и союзъ, движеніе ихъ, бла-
 годѣшное вліяніе на благополучіе вся-
 каго живущаго и чувствующаго суще-
 ства? — Гдѣ здѣсь начало, гдѣ середина,
 гдѣ конецъ? — Небо окружаетъ тебя

оповсюду, о челоѣкъ! Съ каждой споро-
ны земнаго шара, обипаемаго шобою,
опъ восхожденія до захожденія солнца, съ
полудня до полуночи, предспавляющся взо-
рамъ швоимъ новыя, неизчислимые сонмы
звѣздъ, солнцевъ и міровъ. И увидя уже
очами своими ихъ множеспво, какъ воз-
можешъ шы исчислишь ихъ: со всѣхъ спо-
ронъ шѣсняшся изъ опдаленнѣйшихъ пре-
дѣловъ лучи свѣша неизмѣримыхъ цѣлыхъ
въ глаза швои; вооружи оныя орудіями
искуссшва, и узришь милліоны свѣпящих-
ся шѣль, на коихъ примѣпишь можешъ
шолько блѣдныя пяшна.—Вознесись духомъ
опъ одной звѣзды до другой, опъ одного
солнца къ другому, и разсуждай о звѣзд-
номъ небѣ; но гдѣ переспанеш опкры-
вашъ новое позорище чудесп? — гдѣ най-
дешъ предѣлы шворенію Безконечнаго?
Можесп бышь, сущеспвующъ милліоны
сихъ свѣпящихся шѣль, коихъ лучи опъ
начала шворенія съ непоняшною скоро-
спію предъ глазами швоими протекающъ
и коихъ обратный пупъ, чрезъ шысяще-
лѣшя не совершптся! — Подумай же о
шакпхъ шемныхъ шѣлахъ, копорымъ сіи
служашъ испочниками жизни и свѣша и

копорыхъ, пы, по неизмѣримому ихъ опъ шебя опдаленію, ни проспыми глазами, ни съ помощію орудій, ни опличись, ни оппыскашь не могъ. И какъ пвое солнце швой земный шаръ со всѣми обипапелями освѣщаетъ, согрѣваетъ, оживляетъ и изливаетъ въ каждое живое существо силу и радость: пакъ, можешь быть, и другія безчисленные ихъ множества дѣйствують въ опношеніи своихъ міровъ, установленнымъ опъ Создателя порядкомъ. Въ царствіи Господа, которое есть самая мудрость и любовь, не можешь быть великолѣпія безъ нужды, средствъ безъ цѣли, причины безъ дѣйствія; пать не можешь быть безчувственной, безрадостной, смертной шишины; пать всюду господствуетъ сила и дѣятельность, жизнь и блаженство! Такъ, все неизмѣримое Твореніе Бога исполнено мириадами живыхъ, чувствующихъ, мыслящихъ, способныхъ блаженствовать существъ, которые своего Создателя славятъ и наслаждаясь дарами Его, радуются. Каждое солнце имѣетъ свой кругъ дѣйствія, свои ближайшія и опдаленнѣйшія свѣпида; каждое свѣпило своихъ собспвенныхъ

обитателей, которые изъ открытаго предъ ними источника свѣта вполне почерпають и свѣтъ и жизнь и радость.

И ежели ты, о человѣкъ! сіи въ безконечность просширающіяся системы солнцевъ и міровъ постигнешь достигнешь мыслию и духъ твой возвысишь къ Тому, кто оныя создалъ и содержишь; по колико долженъ быть тебѣ непонятымъ Онъ, Создатель и Отецъ всѣхъ свѣтилъ, Источникъ всякой силы, всякаго движенія-Первая, Вѣчная Причина всѣхъ вещей! — Повергнись предъ Нимъ во прахъ, обожай именуемаго Непостижимымъ, Неизслѣдимымъ, обожай съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Кемъ, чрезъ Кого и для Кого вся сія есть и вѣкъ будетъ. Обожай Всемогущаго, Создавшаго всѣ сіи солнца и свѣтила, которыхъ величины, отдаленія и тяжести ты не можешь постигнуть всеми твоими понятіями о веществе, пространствѣ и вѣсѣ; обожай Содержащаго ихъ въ своей десницѣ и дѣйствующаго во всѣхъ частяхъ ихъ по своему произволу! Обожай Всевысочайшаго, Установившаго ихъ въ такомъ порядкѣ, въ такомъ распояніи одно ошь другаго,

Соединившаго и Взвѣсившаго ихъ пакъ опредѣленно одно съ другимъ, Опредѣлившшаго ихъ движеніе и пушь пакъ, чпо всѣ онѣ къ одной конечной цѣли спремются, всѣ совокупно дѣйспвуютъ и неизмѣняемо въ кругу своего дѣйспвія пребываютъ, всѣ сближаются, не касаясь одно другаго, не уничтожая и не препяшствуя толико сильному своему движенію въ предписанныхъ пусяхъ. Обожай Всеблагаго, Бога любви, Который споль много, споль безконечно много жизни, радости и блаженства произвелъ внѣ Себя, Который взираешь всегда болѣе, нежели съ опеческою любовію, на все Свое безпредѣльное швореніе, и оное въ каждое мгновеніе ока, новымъ изліаніемъ своей живительной, блаженноносной силы исполняешь! Пребудь и ты, о человекъ! исполненъ благоговѣнія, обожанія, если созерцаешь сіе зрѣлище чудесъ швоего Бога! Возчувствуй Его безконечное, неиспышемое величіе, перайся въ удивленіи Его велелѣпію! Возсылай благодареніе, прославленіе и хвалу изъ швоей спѣсненной груди Богу небесному и будь блаженъ въ семь найдоспойнѣйшемъ его швореніи.

Но чувствуй также и свое ничтожество и научайся смирению. Так гласитъ разумъ при созерцаніи звѣзднаго неба. Обуяешь ли шобою гнуснѣйшая изъ всѣхъ человѣческихъ спраспей, суешная гордость, о человѣкъ! поведешь ли она тебѣ къ забвенію ничтожества швоего, или къ предпочтенію себя ближнему швоему, тогда, да, тогда созерцай сіе зрѣлище величія Божескаго. Возри со мною на высоту и опвѣпствуй мнѣ, вопрошаю тебѣ: можешь ли ты сіи звѣзды исчислить? Можешь ли ты каждую изъ нихъ наименовать? Знаешь ли ты силу, которая возвела ихъ шуда и носишь, которая предписала имъ пути ихъ, которая опредѣлила имъ мѣсто, называемое нами восхожденіемъ и захожденіемъ? Знаешь ли ты ихъ видъ, спроеіе и внутреннее свойство? Милліоны міровъ, обращающихся вокругъ милліоновъ искрящихся солнцевъ и безчисленное множество швореній, обитающихъ на сихъ мірахъ? Сколь долго хощя одно изъ сихъ солнцевъ будешь протекашь путь свой, когда прешаешь изливать свѣтъ свой, или потеряешь видъ, когда достигнешь цѣли

своей? Можешь ли ты положить предѣлы могуществу Того, Кіпо сей сонмъ воззвалъ, учредилъ и управляетъ? Можешь ли ты обозрѣшь съ твоей мрачной юдоли весь безмѣрный, свѣпящійся шаръ? Не узришь ли ты въ каждомъ непонятномъ для тебя опдаленіи новыхъ солнцевъ, новыхъ міровъ, подобныхъ тѣмъ, которые ты зришь теперь исчезающими подъ стопами твоими?—И ежели ты все сіе познаешь и почувствуешь свое невѣденіе и величество Божіе постигнешь, устремишь далеко въ высоту простирающіеся взоры твои, на безпредѣльное начало творенія; тогда обрати око твое на жилище твое, на себя самого и сравни землю съ небесами, видимое съ невидимымъ, себя со всемъ, что внѣ тебя сущь! Что такое будетъ шаръ земный, обитаемый тобою, въ сравненіи съ безмѣрнымъ цѣлымъ? Болѣе ли онъ капли, свиснувшей съ края сосуда, болѣе ли пылинки? прильнувшей къ колесницѣ? А ты, что такое ты, въ сравненіи съ земнымъ шаромъ, обитаемымъ тобою? Изчисли, ежели можешь, роды человѣковъ, которые послѣ тебя произойдутъ, съ тѣми, съ коими

бреиіе швое смѣшается нѣкогда! Изчисли всѣхъ живопныхъ, шолпящихся въ сіе мновеніе на земномъ шарѣ, всѣхъ челоѡковъ живущихъ и движущихся на ономъ! Сравни сіи сонмы сущихъ на землѣ съ прочими обитателями міра; и тогда скажи, соспавляешь ли ты значительную и важную часть цѣлаго? Сколь далеко простирается кругъ дѣйствія швоего? Сколь много пяденей обнимаешь ты силою швоею? Чшо бы сдѣлалъ ты великаго, копя бы приобрѣлъ и весьма многое? Ты одну кучу земли, сгнешенную крошомъ, взрываешь другою, или горсть, одну горсть земли увеличиваешь другою и называешь своимъ владѣніемъ! А нѣкогда какое количество праха покроешь ты бреиіемъ своимъ и долго ли простиошь песчаный холмъ, заключишь оное имѣющій? — —О челоѡкъ! не долженъ ли ты самъ себя пошерять во множествѣ шварей земнаго шара? И цѣлый земный шаръ не пошеряется ли въ мысляхъ швоихъ, между величайшими, его окружающими шарами? И ты можешь еще быть гордымъ, мечпашь о своихъ знаніяхъ, силѣ, богатствѣ; думаешь, что все швоему желанію

сообразоваться и себя служишь должно! Ты еще осмѣливаешься думать, что Создатель несправедливо поступает, когда не печется о тебе одномъ исключитель-но. О можешь ли ты здѣсь, при возрѣ-ніи на звѣздное небо, быть гордымъ? — Если можешь, то ты упрямилъ — разсудокъ!

Но намѣреніе мое, о человекъ! не есть, симъ разсужденіемъ, тебя уничи-жишь, или повергнушь въ уныніе. Ты долженъ размышлять ни гордо, ни низко; не долженъ почищать себя болѣе, или менѣе того, что ты есть въ самомъ дѣ-лѣ. Ежели взываетъ къ тебе звѣздное не-бо: *чувствуй ничтожество и научайся смиренію*; то гласишь также: *не забывай достоинства своего и размышляй о немъ въ надлежащей мѣрѣ*. Поиспни, ты долженъ перяшься въ безчисленномъ множествѣ швореній и міровъ, тебя о-кружающихъ. Поиспни, пространство, занимаемое нобою между ними, должно казаться тебе безконечно малымъ; зва-ніе твое, въ сравненіи, весьма незначи-тельнымъ, и вся земная пышность и ве-ликолѣпіе твоихъ жилищъ, твоего одѣ-

янія, своихъ художественныхъ произведеній, дѣшскими игрушками. Поиспий скажешь тебѣ каждый свой взоръ, обращенный на безмѣрное зданіе міра, взоръ, коимъ ты потщишься представить себѣ величину, порядокъ, связь онаго и тѣ повсюду стѣпившіяся препоны и бездонныя пропасти, которыя воспрепятствуютъ тебѣ при каждомъ шагѣ твоихъ изслѣдованій, тѣ скажешь тебѣ, сколь несвѣдуць, сколь слабъ, сколь ограниченъ ты; тѣ не допуская тебѣ усумнишься въ томъ, что ты въ книгѣ Природы, представляемой тебѣ Безконечнымъ, только весьма немногія разсѣяныя черты, только отдѣльные склады читаешь можешь; и что существовать должны и кромѣ тебя также разумныя творенія, превосходящія тебя въ познаніи и проницательности столь же много, а можешь быть еще и болѣе, сколько ты превосходишь новорожденного младенца, будучи при концѣ земнаго твоего пути.

— —Но, уже сіе сознаніе невѣденія твоего и ограниченности твоей, о чловѣкъ! уже сія неупомимая жажда свѣта и познаній, сіе неослабное спа-

раніе распроспранишь кругъ швоего дѣйствія, уже сіе сравненіе себя съ существами высшими, самыя погрѣшноспи на пупи испыпаній, самыя неудачныя изысканія совокупить видимое съ невидимымъ, время съ вѣчноспію, швореніе съ шворцомъ: все сіе скажешь шебѣ, что ты не совсемъ одно брение, что въ шебѣ еспь умшвенная, дѣяшельная сила, весьма возвышающая шебя надъ симъ брениемъ и кошорая еше еспь не все по, чемъ она бышь можешь, и дѣйспвуешь не шакъ еше, какъ могла бы дѣйспвовашь.

Да, чувспвуй при швоемъ ничшожешствѣ величіе свое, при всей ограниченности швоей свое-достоинспво. Только ты одинъ между всѣми обипашелями на земномъ шарѣ можешь очи швои опдѣлять опъ брениа, по коему ты спранспвуешь, обращаешь ихъ къ вышнѣ и усмапривашь безчисленные сонмы міровъ и солнцевъ. Тебя, шолько шебя одного, изъ всѣхъ обипающихъ на земномъ шарѣ, можешь восхищашь сіе великолѣпное, божешвенное зрѣлище. Только шебя одного можешь исполняшь оно, при

семь возрѣніи, размышленіями и чувствованіями, которыя всю свою душу разширяшь, весь свой духъ въ дѣятельность приведешь и которыя гораздо болѣе, гораздо многочисленнѣе, нежели ты можешь ихъ обнять и проникнуть.

Тогда хочя ты и помнишь о томъ, что человекъ, собравъ свой, поoliko слабъ и ограниченъ исчислишь величину, тяжесть, опдаленіе и опношеніе однихъ солнцевъ и міровъ къ другимъ; но знаешь, что онъ исчисляешь ихъ движеніе и измѣряешь круги обращенія ихъ; можешь опредѣлишь въ тысящелѣшія мѣста, кои займутъ они въ безпредѣльномъ пространствѣ; связь, въ которой одни съ другими состоятъ, законы, по которымъ они двигаются и дѣйствуютъ будешь; знаешь, что онъ посредствомъ орудій лучи свѣта опдаленнѣйшихъ небесныхъ шѣлъ, почти совсемъ сокрытыхъ отъ взоровъ его, видимыми себѣ содѣлашь можешь; и что онъ тогда мыслію своею, быспрѣйшею самыхъ лучей свѣта, все, что видишь, можешь обнимать и сколь все сіе ни измѣримо, можешь предспавляшь себѣ какъ непримѣшную, малую часть цѣ-

лаго, какъ пришворь небесъ. И такъ, не долженъ ли ты взыватьъ: “Господи, что такое челоуѣкъ, что ты объ немъ помнишь, что ты его, обипашеля пылинки, такою поняшливостію одариль, что ты его изъ среди мрака, его окружающаго, удоспоиль споль многое зрѣшь и духомъ споль далеко возносишься? „

И ежели ты отъ шворенія къ Творцу возвысишься, мысль швоя содѣлаешся живѣе: Господь, Кошорый создалъ всѣ сіи солнцы и свѣшила, Кошорый движешъ и содержишь все, Кошорый какъ ихъ, шакъ и обипашелей ихъ живишь и радуешъ, Онъ ешь и мой Богъ, мой Творецъ и Вседержитель; Онъ знаешъ, любишь шакже и меня; Онъ жelaешъ шакже и моего счастья! Я вѣдаю, чувшвую, что Онъ со мною, что Онъ все собою исполняешъ! Предъ Нимъ нѣшь ничего малаго, ничего великаго; око Его зришь все, милосшь Его исполняешъ небо и землю! И о семь Богѣ я могу помышлять, съ симъ Богомъ я могу сообщашся, сей Богъ меня радуешъ! Ежели мысль сія спановишся живѣе, о челоуѣкъ! какое сладосное ощущение должно проникнушь

твою внушренность! Можешь ли тогда не признашь достоинства твоего? Почитайшь себя низкимъ и пресмыкающимъ, себя и свое назначеніе?

Какъ? долженъ ли ты заключаешь всѣ желанія, намѣренія, спаранія въ тѣсномъ, живомномъ кругу чувственныхъ занятій и удовольствій? Долженъ ли ты гордишься блестящею пылью, попираемою побою, прилѣпляясь къ оной; силы и время только на то распочаешь, что бы собирать кучи на кучи праха, и послѣ массу сію, съ шолкимъ трудомъ собранную, вычисляешь? Долженъ ли ты честолюбіе твое усшремляешь къ шой цѣли, что бы на песчинкѣ, обшпаемой побою съ собраніями твоими, достигнуть великими трудами мѣста, нѣсколько выше ихъ, и съ онаго смощрѣшь на нихъ съ презрѣніемъ? Такія ли спаранія достойны творенія, обращающаго взоры свои къ небесамъ, занимающаго духъ свой милліонами солнцевъ и міровъ, и могущаго вознесшися къ Создателю оныхъ?

Нѣтъ, ты созданъ въ высшему предназначенію, о человекъ! Предчувшуй, зываешь шебѣ, созерцаніе звѣзднаго не-

ба, предчувствуй будущее швое совершенство и благополучіе, возрадуйся оному наипервѣе и содѣлай себя навсегда достойнымъ онаго. Познай, что копя нынѣ и занимаешь нижайшую степень между швореніями; но желаніе, способность и стараніе возвыситься, ощущаемыя шобою въ груди швоей, не шщепно даны тебѣ Творцомъ. Для чего бы Ему разпросширашь передъ шобою сіе зрѣлище чудесь? Для чего бы Ему, при воззрѣніи швоемъ на все земное и преходящее, на самаго себя, обращаешь тебя къ Себѣ и воспламеняешь въ тебѣ желаніе, которое ничемъ на землѣ существующимъ удовлетворено бышь не можешь? — Нѣшь, Онъ. Истинный, Всеблагій, не можешь тебя обманывать, не допустить тебя предчувствовать такое совершенство, такое благополучіе, котораго бы тебѣ Онъ не предопредѣлилъ даровать! Нѣшь, ты можешь, ты долженъ, отъ одной степени совершенства и благополучія, возходишь до другой; можешь и долженъ дѣлаться все благоразумнѣе, все лучше, все счастливѣе! Сіе ешь воля Создателя и Отца швоего на небесахъ! Сіе гласишь

шебѣ весь неизчислимый сонмъ солнцевъ и міровъ! — Взирай, здѣсь, въ Его безпредѣльномъ Царствѣ, испочники свѣта и познанія, никогда неизсякаемые; изъ нихъ почерпали во всѣ вѣки и никакой созданый умъ никогда не возможесть испощить ихъ! Здѣсь матерія къ вѣчному мышленію, къ непрерывнымъ открытіямъ, но всегда новымъ, къ ощущеніямъ возвышеннѣйшей, благоговѣйной радости! Здѣсь безчисленныя общества благороднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ почишателей Бога, къ которымъ приближаемся, съ которыми мы соединимся, въ соединеніи и обращеніи съ коими возможемъ чувствовашь возвышенное, неизяснимое утѣшеніе и блаженство! Здѣсь безконечныя средства, случаи и побужденія, силы наши упражняшъ, развивашъ оныя совершенно, кругъ дѣйствія нашего разширяшъ, бышъ и содѣлашъя всемъ шемъ, чемъ мы не бываемъ въ настоящемъ и бышъ не можемъ въ будущемъ! Здѣсь показывается каждое удовольствіе, дославляемое намъ разсмашириваніемъ Природы, выраженіемъ силъ нашихъ, благодареніемъ, любовію къ Богу и людямъ, въ тысящекратно великолѣ-

нѣйшихъ видахъ! Здѣсь жилище величайшей, всеполезнѣйшей дѣяпельности, жилище искреннѣйшей, дѣяпельнѣйшей любви, чиснѣйшей Божеской радости! Да, здѣсь можемъ мы переходить жизнью изъ одной вѣчности къ другой; здѣсь можемъ дѣйствовать, возноситься всегда выше, познавать истину всегда болѣе, дѣлать добра болѣе и наслаждаться онымъ; всегда ближе приходимъ къ Божеству и сообществу онаго спановиться всегда блаженнѣе! Здѣсь никакое ожиданіе не можешь почестись великимъ, никакая радость несбыточною, дерзкою! Безконечность Бога и неизмѣримость Его міра открываютъ намъ въ опдаленнѣйшей будущности неизъяснимые виды.

Изъ Цалликофера — А. К. л. к. сб.

КАБИНЕТЪ РѢДКОСТЕЙ.

На дняхъ видѣлся я съ Филалешомъ, моимъ шоварищемъ по школь. — “Ты долженъ быть счастливъ, сказалъ я ему: если я не ошибаюсь, у тебя 50000 ливровъ

дохода. — “У меня есть еще что-то лучше этого., — Не уже ли? — “Я обмѣнила мои деньги на рѣдкости, и мой кабинетъ одинъ изъ первыхъ въ Парижѣ., — Какъ? ты издержалъ сколько денегъ на пуспяки? — “Пуспяки! Послушай, что у меня есть. Напримѣръ, я досталъ мраморъ съ надписью, которая хотя и стерлась, но судя по слѣдамъ нѣкоторыхъ буквъ, должно полагать, что это надпись Эпзурская; слѣдовательно мраморъ древнѣе самаго Рима. Есть у меня два куса порфира, найденные между развалинами Ефезскими; три буквы, снятыя однимъ ученымъ путешественникомъ съ монуменовъ Персепольскихъ; кусокъ Афинской мозаики и монета, похожая на серебряную, безъ всякихъ надписей, найденная въ Коринѣ, и которая, какъ я полагаю, изъ мешалла, гораздо важнѣйшаго золота. У меня есть песокъ съ береговъ Граника, камень изъ моста построеннаго Траяномъ черезъ Дунай; нѣсколько кусочковъ замазки, употребленной при сооруженіи Тарквиніева водопровода; кусокъ дерна, вырѣзаннаго въ поляхъ Фарсальскихъ.

“Я покажу тебѣ сосудъ съ жидкостью, бывшею въ древнія времена въ видѣ льда горъ Кавказскихъ; въ другой вазѣ хранился у меня вещество, бывшее прежде снѣгомъ на вершинѣ Ашласа; въ третьемъ кубкѣ вода съ Тихаго моря. Есть у меня змѣя, убишая на великой спѣнѣ Кипайской; птица муха, которую носила въ серьгахъ одна Американская Принцесса; чучела обезьяны, воспишанной во дворцѣ Великаго Могола; ленца, принадлежавшая первой любимицѣ Турецкаго Султана, и сабля Чингисъ Хана.,,

“У меня есть: при рода червей, еще неизвѣстныхъ натуралистамъ; локонъ волосъ Александра Македонскаго; брыжки Христины, Шведской Королевы; усь ея Каммеръ-гера Мональдеки; мѣховая шапка Собіескаго и сапогъ Густава Адольфа.,,

“Вопь, мой другъ, богатство, которымъ я могу похвастать передъ просвѣщенною Публикою., — Осмалось ли чтонибудь тебѣ на прожипокъ?—“Немного!., — Такъ продай же свой кабинетъ, и если тебѣ дадутъ за него полторы тысячи франковъ, отдай съ Богомъ. — “Какъ?.,

— Да, если не продашь, то через два года ты умрешь съ голода.

(Corsaire.)

~~~~~

РАЗСЪЯННЫЙ.

Есть много родовъ разсѣянности, и я увѣренъ, что мой разсѣянный не похожъ на Лабрюйерова разсѣяннаго. Я думаю, что его развлеченіе происходитъ иногда отъ робости, иногда отъ задумчивости, иногда отъ неувѣренности въ самомъ себѣ — неувѣренности, которая заставляеть его говорить про себя: “меня просятъ слушать съ вниманіемъ; а я, можетъ быть, не пойму того, о чемъ станутъ разсказывать.” — Между тѣмъ разговоръ начался, и онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ понять ничего, не слышавши начала. Еслижъ, по окончаніи разсказаннаго, его спросятъ: ну, чтожъ вы объ этомъ думаете? — мой чудакъ смущается, усмѣхается и отвѣчаетъ: “это очень забавно!”, или: “это удивительно!”, — хотя во всемъ разсказанномъ не было ничего забавнаго и удивительнаго: говорили о прошломъ происшествіи и хотѣли знать

его мнѣніе, не болѣе; но что прикажете дѣлать съ эшимъ Дюрвалемъ? Онъ вѣчно ошвѣчаешъ не впопадъ... Хошипели съизнова начашъ свой разсказъ? ... Не прудишесь! пошому что Дюрваль покраснѣлъ, а онъ спыдмшся краснѣтъ опъ бездѣлицы... и во все время вашего разсказа онъ будешъ думашъ только о томъ, какъ бы ему оправишся и не дашъ замѣшищъ своего смущенія.

Дюрваль разсѣянъ, пошому что робокъ — и вошъ шому доказашельство. Ему нужно было видѣшся съ однимъ вельможею... Вельможа принялъ его очень благосклонно и велѣлъ побывашъ у себя на дняхъ. — “Въ кошоромъ часу?,, Въ при часа. — “Пополудни?,, — Безъ сомнѣнія пополудни; я еще никого не принималъ въ при часа ушра. — Дюрваль не слышишъ ничего далѣе; бѣжишъ изъ комнаты, спрыгиваешъ съ крыльца... “Что теперь подумаешъ обо мнѣ эшопъ человекъ? ... думаешъ про себя Дюрваль. — Можно ли сказашъ шакую глупосшь? Бѣдный Дюрваль!,,

“Вы не увидише меня болѣе никогда!,, сказаль однажды Дюрваль въ одномъ домѣ;

тдѣ онъ бывалъ непремѣнно каждый день. “Какая неблагодарность! Какая измѣна! Все кончено! Проспите!,, — На другой день Дюрваль идешь къ своему другу разсказать объ этой ссорѣ. Входишь на лѣспницу, звонишь. — Какъ, сударь? Это вы! — Дюрваль съ изумленіемъ опспускаешь: онъ передъ тою особою, съ копрою не хошѣлъ болѣе видѣться. — “Да, это я, опспичаешь онъ: я виновать и пришель за прощеніемъ.,, — Не вѣрьте ему, чипашели! Дюрваль не виновать, онъ совершенно правъ; но разсѣянность сбила его съ дороги.

“Какой несносный жарь!,, говорил однажды Дюрваль, проходя черезъ мостъ. Дюрваль хочешь снять шляпу съ головы своей — шляпы явтъ. Чшо дѣлашь? Съ досады бросаешь онъ въ рѣку свою палку. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему незнакомый и схватываетъ его. — “Нѣтъ, молодой человекъ, нѣтъ! я не допущу тебя до самоубійства.,, Дюрваль хочешь изяснишься, спарается высвободиться изъ объащій услужливаго незнакомца ... кругомъ собираешь множество народа; узнаюшь причину шума, нанимаюшь извощика, прече-

буютъ опъ Дюрваля, чптобъ онъ объявилъ о мѣспѣ своего жительствова и опвозяшъ его на кварширу. На другой день печальное происшествіе описано уже въ газетахъ, и спашья заключена сими словами: “несмотря на всѣ поиски, до сихъ поръ нашли только одну палку., — Надѣюсь, пошому что шляпа оставалась на кварширѣ Дюрваля.

Все ли? Нѣтъ еще: я знаю про него множество анекдотовъ; но пора кончить.

(*Corsaire.*)

~~~~~

ЛЮБЛЮ И НЕ ЛЮБЛЮ.

Люблю пѣвицу, имѣющую хорошій голосъ, и актрису искусную: не люблю актрису, которая распѣваетъ, и пѣвицу, которая не поетъ.

Люблю лишпературное собраніе, въ которомъ шланшъ находить себѣ приютъ; не люблю посредственности въ лишпературномъ собраніи.

Люблю безпристрастнаго Журналиста; не люблю Журналиста, который продаетъ себя.

Люблю мороженое лѣпомъ, баваруазъ

зимою; не люблю пого, который дуешь
шепломъ и холодомъ, кричишь въ одну и
ту же минушу: “Да здравствуетъ бѣлое!
Да здравствуетъ черное!

Люблю благонамѣренную кришику; не
люблю грубыхъ личностей нѣкоторыхъ
Ариспарховъ.

Люблю, чшобъ говорили то, что ду-
маюшь; не люблю, если говорятъ то, че-
го не думаюшь.

(*Corsaire.*)

~~~~~

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ.

Юлія печальна ... вздыхаетъ ... она въ
опчаяніи ... Не огорчилъ ли ее мужъ ея?
— Какъ будто она думаетъ о своемъ му-
жѣ!—Или ея шаль не шакъ богата, какъ
шаль ея знакомой? Не занемогъ ли ея
попугай? Не забывали ли ее на прошломъ
балѣ? — Нѣтъ, съ нею случилась другая
бѣда! Юлія нашла въ головѣ своей сѣдый
волосъ! — Сѣдый волосъ! А ей нѣтъ еще
и 29 лѣтъ! ... Напрасно горничная ея кля-
нется, чшо волосъ свѣпморусый...“Нѣтъ,
нѣтъ! — говоритъ Юлія — онъ сѣдой, я
въ шомъ увѣрена. На 29 году сѣдые воло-

сы! ... Это ужасно, убійственно! ... Ипакъ я уже спара! ... Въ какое время живемъ мы! Вѣрно есть что нибудь вредное для волосъ въ Парижскомъ воздухѣ! ... Однако Гжа Вальмоншъ уже 45 лѣтъ, а ея волосы черны, какъ смоль! ... Можешь быть, она ихъ подкрашиваетъ ... Какъ несчастна я!.,

Флорвиль, со своей стороны, замѣпилъ, что онъ начинаетъ сѣдѣть — и Флорвиль, желая быть вѣчно юнымъ, приказалъ своему Каммердинеру испробовать сѣдые волосы; но опъ частаго выдергиванія на головѣ его не осмѣется и десяпка волосъ. А Флорвиль шерпѣтъ не можешь париковъ, потому что, по его словамъ, они спарѣюшъ лице. Онъ бѣгаетъ по всѣмъ парикмахерамъ и благовоннымъ магазинамъ; спрашиваетъ помады для рощенія волосъ, Макассарскаго масла, эссенцій предохраняющихъ волоса опъ сѣдины — и все напрасно!

Но Флорвиль ушѣшилъ, увидя, что молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, также имѣлъ сѣдые волосы. Юлія перестала грустить, узнавъ, что юная Изора принуждена носить чепецъ.

Итакъ сѣдины приходятъ безвременно! Ушѣшимся! Печаль нерѣдко перемѣняешь цвѣтъ волосъ; шруды, безпокойства, болѣзни убѣляютъ голову прежде времени.

“Но сѣдые волосы не почтеннѣе ли всего разъ черныхъ и русскихъ?,, Понимаю — вы хотите, что бы васъ не сколько почитали, сколько любили. Но вспомните, что Анакреона любили, когда ему было уже шестидесятъ лѣтъ, и что Нина покоряла сердца въ восемьдесятъ. Не цвѣтъ волосъ привлекаешь сердца; будьте вѣжливы, услужливы, любезны, и будьте увѣрены, что не замѣтятъ вашихъ сѣдыхъ волосъ.

(Journal de Francfort.)

~~~~~

НАРЯДЫ.

Нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ не заботящаяся менѣе о выборѣ платья, какъ въ Парижѣ, и нигдѣ не найдется такого рабскаго повиновенія модамъ, какъ въ Парижѣ. Всякому предославлена полная свобода въ выборѣ платья и нарядовъ:

щеголь 1789 года можешь спашь подлѣ франша 1824 года, не опасаясь нѣвыгоднаго сравненія. Взгляните на шолпы гуляющихъ въ садахъ Пале-Рояля и Тюльери, или разсмотрише каждого порознь: истинно смѣшны только пѣ, копорые *хотятъ* бытъ смѣшными — и не глашьями обращающъ на себя общее вниманіе замѣченные мужчины и женщины, но своими спранносшями.

Кричащъ, и не совсемъ справедливо, о разироспранившейся роскоши; и въ книгахъ и на шеащрѣ осмѣивающъ людей, копорые наряжающъ въ неприличное для нихъ плащье; говорящъ, что всѣ сословія смѣшались, что скоро не будетъ никакого общесства пошому, что всякая женщина носить шаль и всякой мужчина въ черномъ фракѣ... И это зло? Споищъ только заговорить съ купчихою, какъ бы она ни была наряжена, и вы узнаете, что она шакое; только послушайте эпого модника, одѣшаго по журналу, и вы опгадаете, что онъ поршной, или изъ серебрянаго ряда.

Высокое дворянство боится смѣшенія съ *народомъ* и людьми средняго со-

споянія, но чѣмъ выбраться изъ толпы, пусть оно прибѣгаетъ не къ порпнымъ.

Трудно и почти не возможно ускользнуть отъ взоровъ любопытныхъ наблюдателей. Какъ вы ни наряжайтесь, но если вашъ наружный блескъ не поддержанъ испинно благородными средствами, приятнымъ и вѣжливымъ разговоромъ, непринужденнымъ обхожденіемъ, пошчасъ вспомнятъ басенку объ ослѣ, во львиной кожѣ. Чѣмъ ни говорите, а пословица справедлива: *по платью встрѣтаютъ, по уму провожаютъ*.

Что можете быть забавнѣе толпы гуляющихъ въ воскресные и праздничные дни? Десять хорошенькихъ шляпокъ, надѣтыхъ со вкусомъ, двадцать плащейъ, которыхъ цѣна сошлѣтсѣе оспальному наряду, а сколько несчастныхъ шляпъ съ грязными перьями, сколько пестрошны въ выборѣ цвѣтовъ! И какъ смѣшны эти закушанные въ свои наряды женщины, которыхъ, кажешся, сами удивляются, какимъ образомъ на нихъ очутились и шали и жемчуги! Жалко сморѣшь на иную бѣдняжку, которая изнемогаетъ подъ шяжеспію заимствованнаго и новаго для нея наряда!

А между мужчинами: посмоприте на эпошь кружокъ молодыхъ повѣсь; они совершенно опреклись опъ самихъ себя и не заботятся о мнѣніи прочихъ. Они шупь не для себя: они хопяшь, чшобъ проходящіе занимались не ими, а ихъ сершукими, шляпами . . . Они кажешся, не иное что, какъ движущіяся куклы, которыхъ разсылаешъ Мода показываешъ плашья новаго покроя.

Сколько людей, которые носятъ плашье, не по нихъ сшитое! Сколько другихъ, которые хопяшь блиснать своимъ богатствомъ! И какъ всѣ гордящся *своими* поршными! Черный фракъ Англинскаго сукна, презрѣнно улыбаешся, вспрѣпшясь съ фракомъ коричневымъ... а эпо пестрое соединеніе большихъ и маленькихъ, покорныхъ и надменныхъ заимодавцевъ и должниковъ, дураковъ и умныхъ, одѣтыхъ по большой часшп несообразно со своимъ состояніемъ и значеніемъ въ свѣшѣ ... всѣ суешяшся, ходяпъ взадь и впередъ, полкающяся, шѣснющяся и судяшъ другъ о другѣ по виду и пошпуни и по плашью, въ которое наряжены. (*Journal de Francfort.*)

Г О Р Е В Ъ .

Г. Горевъ никогда не смѣется, а ему уже 58 лѣтъ! Его удовольствіе мучить всѣхъ своими печальными предчувствіями и несчастными предсказаніями. Болѣе всего онъ жалуется на несправедливостъ, которую оказываютъ заслуженнымъ людямъ. Встрѣчается ли онъ съ молодымъ Офицеромъ, который любитъ свое ремесло—онъ начинаетъ рассказывать о многихъ храбрыхъ, оптимънныхъ воинахъ, достойныхъ начальствовать арміями ... и которые соспарѣлись въ Оберъ-Офицерскихъ чинахъ. Увидитъ ли онъ духовную особу, извѣстную своими достоинствами,—“не ожидайте ничего хорошаго, говорите ему Горевъ, много, много что васъ сдѣлаютъ Игуменомъ.”—Спрячтѣму пвердитъ онъ о достойныхъ, отличнаго ума людяхъ, которыми никогда не доставались важныя дѣла. Наконецъ — онъ скажетъ однажды Доктору: “какъ, вы все еще ходите пѣшкомъ? А посмотрите, сколько невѣждъ и педантовъ скачутъ въ каресахъ! Я говорилъ вамъ, помните ли, семь лѣтъ тому назадъ, что вамъ не бу-

дешь удачи. Теперь мнѣ вѣрише? Знайте, что и всегда будетъ то же; и несмотря на вашу лапынь, на всѣ ваши познанія, вы останешесь бѣднякомъ!,,

Въ продолженіи своей жизни Горевъ помѣшалъ пятнадцать авторамъ вспунить на драматическое поприще; принудилъ двадцать пять купцовъ оставить выгодную торговлю, описавъ имъ всѣ ужасы неминуемаго банкротства; онъ разстроилъ тридцать свадебъ своими предсказаніями, и уморилъ семнадцать женщинъ, которыя боялись, по его рассказамъ, привить себѣ оспу. Цѣлый день онъ ничего другаго не дѣлаешь, какъ вздыхаешь и жалуешься въ какомъ бы обществѣ ему не случилось быть. Онъ швердитъ, что жизнь человѣческая есть величайшее несчастіе, а смерть единственное благо, котораго желать должно.

Чтобъ утѣшишь бѣдное человѣчество скажемъ, что Горевъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ, хорошо кушаетъ—пьетъ очень исправно... и кажешься не совсемъ еще рѣшился оставить сію юдоль плача и вздыханій. Съ какою же

цѣлю проговѣдуешь Горевъ? Что заспавляешь его горевать? — Зависшь!

(*Corsaire.*)

~~~~~

ПРИЗНАКИ РОМАНТИЗМА.

Часто прогуливаться въ Пале-рояль, подлѣ книжной лавки Ладвока; вздыхать, и оспанавливаться время опъ времени передъ колоннами эшой лавки, бредить во снѣ озерами, шуманами, собаками, лучшими мышами, кинжалами, и вскрикивать: *a! a!* или: *ту! ту!* или вмѣспѣ выговаривать эли слова: *a! ту!*

Обливаться слезами, увидя муху въ паушинѣ — и разпрогиваться, при звукахъ паспущьяго рожка. Не примѣчать дождя... но принимая его за освѣжающаго генія, который является жаждущей землѣ.

Не стричь волосъ, и приспально сморѣшь на небо, когда идешь по улицѣ, не занимаясь карешами и прохожими; наконецъ вздыхать по крайней мѣрѣ прираза въ минушу. (*Corsaire.*)

~~~~~

КОГДА.

Когда нѣшь денегъ , тогда дѣлають
глупости, чшобъ ихъ имѣшь.

Когда имѣють деньги, дѣлають глу-
пости, желая имѣшь ихъ еще болѣе.

Когда увидяшь въ кандиперской лав-
кѣ миловидную хозяйку, шо входяшь въ
лавку.

Когда миловидная хозяйка подаетъ
шоколашь, сваренный на кисломъ молокѣ,
или угощаетъ сладкою водкою, вмѣсто
ликера—шогда бѣгутъ изъ ея лавки.

Когда слышашъ , что человекъ раз-
сказываетъ о своихъ благородныхъ по-
сшупкахъ, шо принимають его за чесп-
наго человека .

Когда ввѣряюшся эшому чеспнѣйше-
му человеку, шогда узнають, что онъ по-
сшупаетъ не шакъ, какъ говоритъ.

Когда вшпрѣчаюшся съ прекрасною
вдовою, шо говоряшь, что ей не болѣе 36
лѣшь.

Когда эшу прекрасную вдову видяшь
у нее дома, а въ коробочкахъ ея бѣлѣй-
шіе зубы, бѣлизну и румянецъ, шо гово-
ряшь, что ей 55 лѣшь.

Когда я взялся за перо, оно было хорошо; пеперь оно никуда негодится, пакъ какъ и моя шапья! (*Corsaire.*)

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ .

Вѣжливый и хорошо воспитанный человекъ имѣеть множество удовольствій, неизвѣстныхъ невѣждамъ: онъ можетъ разговаривать съ каршиною, и изъ спатуи сдѣлать себѣ приятнаго поварища. Частю онъ болѣе наслаждается полями, чемъ владѣлецъ ихъ; все что видишь, дѣлаешь какъ бы его собственностію: пустыни, скалы, и самыя дикія мѣста въ природѣ передъ нимъ улыбаются. Такимъ образомъ онъ видишь эпоху міръ, пакъ сказашъ, въ другомъ свѣтѣ, и открываетъ въ немъ безчисленное множество прелестей, сокрытыхъ отъ большей части людей. (*Аддиссонъ.*)

Приятнѣйшее время въ жизни человеческой есть безъ сомнѣнія то, которое мы проводимъ, почувствовавъ истинную любовь, и желая ее раздѣлить съ предметомъ любви нашей. (*Аддиссонъ.*)

Супружество распроспраняешъ кругъ нашего счаспїя и бѣдствїя; женишьба по любви прїяшна; женишьба по расчешамъ спокойна; женишьба, въ кошорой соединено и шо и другое, счасплива, Такое супружество имѣешъ всѣ прелеспи дружбы, всѣ наслажденїя для чувспвь и разума; словомъ, всѣ удовольспвїя жизни. (Аддиссонъ.)

Соедините всѣ несчаспїя, случившіяся на свѣшѣ, разсмотримше каждое опдѣльно, и вы увидите, что изъ спа девѣносно девѣшь произошли опъ шого, что человекъ хочешъ имѣшь десяшь комнашь вмѣспо одной, великолѣпный домъ вмѣспо хижины, пиръ вмѣспо обѣда, и шакъ далѣе. Эша прогрессїя ужасна! Еслибъ каждый довольспвовался необходимымъ, эшопъ свѣшѣ былъ бы жилищемъ блаженспва. (Аве. Лафонтенъ.)

Недовольно шого, что мы хотимъ чшобъ другїе были добродѣшельны, но чшобъ они были добродѣшельны по нашему образу мыслей: добродѣшель, кошорая намъ не нравїтся, дѣлаешся порокомъ въ глазахъ нашихъ. (Онъ же).

К Л Е В Е Т Н И К И .

Во всѣ времена зависть преслѣдовала дарованія; и нѣтъ гениа, который бы не имѣлъ своего Зоила. Самъ Мольеръ, сей великій писатель, сей высprenній гений, единственный, побѣдившій всѣхъ своихъ соперниковъ, Мольеръ, который не имѣеть еще истиннаго соперника, а можеть бытъ и никогда имѣшь не будетъ — Мольеръ нашель множество клеветниковъ, завистниковъ, и въ его время осмѣлились напечатать слѣдующіе стихи прошивъ него:

Moliere plait aussi; son genie est folâtre;
 Il a quelques talens pour les jeux du Théâtre;
 Et pour en bien parler, c'est un bouffon plaisant
 Qui divertit le monde en le contrefaisant.
 Ses grimaces souvent causent quelques surprises;
 Toutes ses pièces sont d'agréables sottises.
 Il est mauvais poëte et bon comédien;
 Il fait rire et de vrai c'est tout ce qu'il fait bien.
 Molière à son bonheur doit tous ses avantages;
 C'est son bonheur qui fait le prix de ses ouvrages;
 Un si fumeux succès ne lui fut jamais dû,
 Et s'il a reussi, c'est qu'on l'a défendu. *)

*) Мольеръ также нравился своими

Послѣ эпихъ спрѣль низкой зависти кпо изъ авшоровъ можешь спаспись ошь крипики? Прадонъ не хуже эпого опдѣлалъ Буало; Аббашъ Фейди, жалкій шворецъ Телемакомахія, ушверждалъ, что Фенелонъ ничего незначущій писапель; Лафоншена называли площаднымъ писапелемъ и дурнымъ сказочникомъ (*sale auteur, mauvais conteur*). Чего не употреблили, чшобъ возвысиль Прадона и унизиль Расина? Корнель шакже не избѣгнулъ спрѣль зависти...и чшо всего досаднѣе, шо самъ Расинъ спарался его уяз-

проказами; нельзя ушверждать, что бы онъ вовсе не имѣль дарованія для театральнаго искусства; и сказашъ правду: это площадный шупъ, который смѣшилъ людей, передразнивая ихъ. Шупки его не всегда плоски; но всѣ его Комедіи не иное чшо какъ забавныя шалоспи. Онъ худой спишворецъ и хорошій актеръ, масперъ смѣшилъ и испинно ничего болѣе! Счастію своему обязанъ Мольеръ всѣми своими преимуществами; счастье соспавляешъ все достоинство его сочиненій; никогда не имѣль бы онъ шакихъ успѣховъ, есмбъ ему не покровишельспвовали.

вить въ своей Комедіи *Просители* (*Les Plaideurs*), которая безъ сомнѣнія есть слабѣйшее его швореніе.

Зависть никого не щадитъ; всего хуже то, что она находить иногда множество союзниковъ, попому что предметъ ея гоненія оскорбляетъ тщеславіе большей части людей; унижая его, зависть льститъ самолюбію и спрашямъ нашимъ. (*Corsaire*).

ИСТОРИЯ ПЕРА.

Сколько разъ учась моя была дошпойна зависти! О Судьба! въ чьихъ рукахъ ты не заспавляла бышь меня!.. Меня и ласкали и уважали и хвалили и благодарили. Прошло счастливое время!... Оспалась одна шолько шѣнь моя! Я лишилось шого прекраснаго наряда, копорымъ украсила меня природа, и меня шакъ часпо рѣзали, что едва, едва могу говорить. Но все проходитъ, все исчезаетъ, и я, ничшожное, могло ли ожидать славы продолжительной?

Молоденькая дѣвушка изъ моднаго

магазина, купила меня первая, и часто упопреляла меня, сочиняя разныя записочки и назначая свиданія ... но все это выражала она въ двухъ строкахъ, и никогда не чинила меня ... Нѣжное письмецо всегда хорошо написано.

Изъ ея рукъ, я попалась въ руки дѣловаго человѣка. Какая жестокая перемѣна! Я работала безъ отдыха по 9 часовъ въ сутки; когдажъ я успавало..чикъ! ударъ ножичкомъ по концу моему ... и я опять пускаюсь бѣгать по бумагѣ. Надобно было спрадать и молчать! Все бы упѣшнѣе было, еслибъ я спрадало описывая чтонибудь дряпное ... а не опредѣленія, выписки, записки, отношенія! Я было невольнымъ орудіемъ. Что дѣлать! Случай привелъ къ дѣловому человѣку молодого Поэша, и въ то время, когда шопъ споялъ спиною, юный помощецъ Музы схватилъ меня, чтобъ написать два спишка; потомъ въ разсѣяніи, или по привычкѣ, онъ спряталъ меня въ карманъ. Я воображало, что у автора мнѣ будетъ пропастъ работы, и обманулось. Онъ болѣе чиналъ, писалъ же очень мало. Часто бралъ онъ меня, и садился у своего пись-

меннаго спола; подкладываль подь меня деснь чистой бумаги; попомь смопрѣль на меня, попираль свой лобь, задумывался, и по прошестіи полчаса бросаль въ шпорону со словами: *до завтра! сегоднѣ что-то нѣтъ мыслей!*

Хорошенькая Акприса унесла меня отъ Гоэпа, и у нее я забыло праздноспь. Надобно было опвѣчашь Милорду, писашь къ Графу, назначашь и опказывашь свиданія, иногда ... въ шу самую минушу, когда она держала меня, кшо нибудь пихонько подкрадывался къ ней и цѣловаль ручку, управлявшую мною, попомь вырывали меня и писали мною пламенные стихи на глазки моей владѣпельницы. Счастливое время! Я служило тогда любви и наслажденію! И самыя спраспныя выраженія, нѣжнѣйшія кляшвы не споили мнѣ ничего—моя госпожа писала ихъ съ такою легкостію! Но она уѣхала въ Германію, и я доспалось по наслѣдспву кухаркѣ. Какое паденіе! Я писало нѣжные стихи, пламенную прозу ... а шеперь должно записывашь расходь, цѣну овощей, говядины, и мыла! .. и шо безь соблюденія Ореографіи. Какой спыдь на староспш

дней моихъ! Чувствую что недолго переживу мое несчастіе : каждый день я болѣе и болѣе изпробляюсь...я въ пренебреженіи . . . заброшено въ уголокъ кухоннаго спола . . . Кухонный споль! тогда какъ я блистало въ бронзовыхъ и фарфоровыхъ чернильницахъ ! Sic transit gloria mundi. (*Journal des dames de Francfort.*)

О НАСЛАЖДЕНІЯХЪ ВЪ ЖИЗНИ.

Всякій живетъ посвоему ; всякій посвоему наслаждается жизнью.

Есть люди, копорые шянушя и изъ всѣхъ силъ ползуть къ цѣли , у копорой видяшъ знашныхъ и богашыхъ.

Есть люди, копорые, сказавъ одинъ разъ: *всею не имѣть! до всею не дослужиться*, живушъ изъ хлѣба насущнаго.

Есть люди, копорые не знающъ, какъ имъ бытъ въ эпош жизни, и живушъ со дня на день.

Есть люди, копорымъ никогда не приходила мысль спросить себя: *для чего мы живемъ? Какъ мы живемъ?*

Есть люди, которые живутъ надеждою на будущее.

Есть люди, которые живутъ въ прошедшемъ.

Есть и еще нѣсколько соршовъ людей, живущихъ въ эпомъ свѣпѣ посвоему.

Всѣ живутъ, ш. е. дышашъ, ходяшъ, сидяшъ, спяшъ, пьюшъ, ѣдяшъ—и всѣ наслаждаются жизнью—воѣ; и хопя не всегда, но имѣюшъ счастливыя недѣли, дни, часы, минушы и секунды. Оспавляя знапныхъ и богашыхъ, взглянем-ше на бѣдняковъ, ползущихъ къ цѣли, у которой видяшъ они знапныхъ и богашыхъ.

Боже мой! какая шягоспная, мучительная жизнь! Они опказываюшъ себѣ во всемъ; для нихъ нѣшъ праздниковъ и удовольспвй: они вѣчно въ хлопотахъ! Или за письменнымъ споломъ сидяшъ опъ ушра до ночи; или безъ опдыха скачуть изъ края въ край, изъ города въ городъ, изъ передней въ переднюю. Являюпся они иногда и на званныхъ обѣдахъ, и шо именно на шакихъ, гдѣ надѣяшся увидѣшъ своего начальника, или какого нибудь вельможу, или что нибудь подобное.

Они не живутъ дома: домашніе не знаютъ гдѣ они. Утромъ и ночью только видятъ ихъ дѣти и жена.. Кажется это не жизнь, а непрерывная мука..но сколько охотниковъ до этой муки!... Впрочемъ и такіе люди имѣютъ радости и наслажденія.

Теперь взглянем-те на людей, копорые живутъ изъ хлѣба насущнаго.. Маленькій чинъ, маленькое мѣсто, маленькая квартирка, маленькое жалованье — много дѣшей, много работы, много заботъ—есть долги.. Вотъ что имѣетъ человекъ, живущій изъ хлѣба насущнаго. Онъ, кажется, забылъ, что есть богачи, что можно жить безъ нужды... такъ непрерывныя заботы приучили его къ равнодушію! Онъ знаетъ только свою должность—рынокъ, гдѣ закупаетъ провизию для семьи своей и свою квартиру, гдѣ онъ—также посвоему наслаждается жизнью. Напримѣръ, по испеченіи года, ему выдають денежное награжденіе. Какое благополучіе! Онъ и жена его, съ веселыми лицами, рассчитываютъ, что имъ необходимо къ празднику: надобны обновы себѣ и дѣтямъ, надобенъ маленькій

запасъ жизненныхъ потребностей.. все разчислено—все куплено!... Онъ веселѣе смоприть вокругъ себя; дѣпи и жена, въ новыхъ плашьяхъ, кажутся приятнѣе; сверхъ того у него остаются еще деньги. Онъ идетъ съ женою въ театръ, видишь поже, что видяшь богачи и вельможи, и наслаждается приятными часами. На сердцѣ его легко—онъ доволенъ...

А люди, которые не знаютъ, какъ имъ бытъ въ этой жизни и живутъ со дня на день? Ихъ множество! Обезпеченные въ своемъ содержаніи, незнакомые со спрастями, кошорья мучають большую половину человеческого рода, они совершенно спокойны, и для нихъ все наслаждение!...Какъ прошелъ день, они не заботятся; что будетъ завтра, о томъ и не думаютъ! Они помнятъ и знаютъ только одно: "что надобно весело проводить жизнь свою.,,

Но люди, которымъ никогда не приходило на мысль спросить себя: "для чего я живу? Какъ я живу?,, Ихъ—милліоны! и они, можеть бытъ, имѣютъ болѣе счастливыхъ дней въ своей жизни, чемъ всѣ философы, древніе и новѣйшіе.

Люди, которые живутъ надеждою, также счастливы—потому что надѣясь есть уже наслажденіе.. Не правда ли? Но люди, которые живутъ въ прошедшемъ? И они наслаждаются...воспоминаніями! Они узнали цѣну эпохъ жизни, узнали всю ничтожность замысловъ человеческихъ, они понесли всѣ возможные ушрашы..но они имѣли и радостные дни; имѣли друга, имѣли подругу; они видали края отдаленные, чувствовали поску по родинѣ...а все это наслажденіе! Настоящее мертво для нихъ — на будущее смотрятъ они равнодушно — и наслаждаются прошедшимъ! И оно воскрешаетъ ихъ сердца и занимаетъ умъ.

Есть еще люди, которые живутъ на свѣпѣ *для разныхъ порученій*. Такой человекъ привыкъ съ ребячества, чтобы его посылали туда и сюда; чтобы имъ разпоряжали, и онъ вырастаетъ съ драгоценною привычкою къ повиновенію и съ вопросомъ: *что прикажете?* Для него важнѣйшее дѣло въ жизни; ходитъ изъ дома въ домъ съ предложеніями услугъ; малѣйшее порученіе для него священная обязанность..Все прочее для него — по-

спороннее, и все прочее онъ дѣлаешь опъ скуки, или недоспашка работы. Онъ ѣспъ, когда случится; онъ женился по комиссиі; онъ содержишь жену и дѣшей —пошному что жена и дѣши заспавляющъ его хлопощать. И онъ наслаждаешся жизнию?—И очень! Съ какимъ удовольствіемъ, по возвращеніи домой снимаешь онъ съ себя пыльное плашье—и начинаешъ рассказывать, гдѣ былъ, что сдѣлалъ! Его благодарили, его хвалили—наслажденіе! И онъ весело бросается въ постель, или на лавку, и спитъ крѣпко!

И курьеръ, который скачешъ изъ одного опдаленнаго мѣспа въ другое; и мужъ, котораго бешъ жена; и буточникъ, въ своей караульнѣ; и все и всѣ наслаждающіяся жизнию; слѣдовательно...эшошь міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ!

I. *)

*) Mille remerciements! *Изд.*

НЕГОДНЫЙ ТОВАРЪ.

Сказка.

Дубининъ нашъ, Купецъ, весь вѣкъ свой
продаваль

Пеньку да сало,

И цѣлый миллионъ ошъ нихъ напорговаль—
А все ему казалось мало!

То правда, что онъ скупъ:

Гроша дашь бѣдному жалѣшь;

Да ужъ за шо и глупъ:

Двухъ счестъ порядкомъ не умѣешь!

И несмотря на шо вездѣ ему успѣхъ;

Во всемъ примѣчено Судьбы къ нему при-
спрасъе;

Дубининъ нашъ живешь средь радостей, у-
спѣхъ —

Ужъ подлинно что дуракамъ лишь счастье!

Но дѣло не о томъ.

Чемъ болѣе Дубининъ разживался,

Темъ менѣе ему доходъ его казался.

Вошъ таково-шо бышь скупцомъ да и глуп-
цомъ!

Но жадностью его самъ дьяволъ восхищался.

Завидно спало Сашанѣ,

(Весь адъ шому дивился)

Что не въ мучительномъ огнѣ

Дубининъ находился—

И дьяволъ ухищрился—

Предсхаль къ Дубинину и говоритъ ему:

“Послушай, братья! къ богашству швое-
 ему
 Я въ десять разъ богашства же при-
 бавлю,
 И сверхъ того шакихъ вещей тебѣ доставлю,
 Какихъ до сей поры
 Не сыщутъ въ Азіи Калифскіе дворы—
 Я облечу моря и сушу:
 Опдай лишь ты свою мнѣ душу.
 —Нѣшъ, нѣшъ, опецъ мой Сашана!
 (Замѣшьте Сашаны дуракъ не испугался,
 Хошь прежде съ нимъ не знался—
 И чшожь пому виной?—Сварливая жена!)
 Нѣшъ, нѣшъ, рогашый благодѣшель!
 Иуда вошъ тебѣ свидѣшель,
 На эшо я никакъ не соглашусь:
 Бышь у тебя въ когшяхъ—плохая мнѣ на-
 града!
 Я лучше удавлюсь,
 Чемъ захочу кипѣшь въ швоей смолѣ средь
 ада. —
 Дубининъ хошь купецъ, но шуть не разсчи-
 шаль,
 Чшо съ пеплибъ онъ къ чершямъ пряме-
 конько попалъ.
 Да дураку я все прощаю!
 “Посшой же — дьяволъ говоритъ—
 Я уговоръ свой сокращаю:
 Возьми ты опъ меня для счастья эшопъ
 видъ.

Съ нимъ десяшь лѣшь шебѣ прожить я позволю,

И счастье опть шебя лица не опшрашишь.

Какими хочешь шы вещами

Наполни свой анбаръ,

И если съ десятию годами

Не спустишь съ рукъ весь свой
шоваръ

И не получишь опть продажи

Большіе барыши:

Тогда не надобно совсемъ швоей души!., —

Сказаль—и сдѣлавшись чернѣй Голландской
сажи,

Исчезъ.

Задумался нашъ бѣдный Крезъ!

Богашымъ Крезомъ бышь Дубинину хопш-
лось;

Желанье эшо въ немъ мгновенно возгорѣлось.

Но вѣчно мучишься въ аду, на самомъ днѣ..

Проклятый адъ! .. Идетъ Дубининъ мой къ
женѣ

И сапанинское несешъ рукописанье.

Федоръ Власьевнѣ своей онъ объявилъ

Приятно - страшное желанье,

Которымъ Сашана почши его прельсшилъ.

“Ахъ, Карпъ Ильичъ! она, подумавъ, восклицаетъ —

Да эшо кладъ!., —

А Карпъ Ильичъ шому и радъ!

И на другой же день условье заключаешъ

Съ лукавымъ Сашаной. —
 Съ шѣхъ поръ у нашего купца ужъ шоргъ иной:
 Бывало онъ чрезъ плушни и обманы
 На рубль бралъ два рубля, не болѣе, въ
 карманы;
 Теперь берешъ онъ пяшь;
 И сверхъ того какой шоваръ бы ни слу-
 чился,
 Здоровый ли, гвиллой, успѣешъ весь продашь,
 Ну шакъ, чшо всякъ шому дивился.
 Не даромъ думали, чшо съ чершомъ онъ
 сдружился. —
 Но десяць лѣтъ прошло: срокъ спрашный
 наспупалъ,
 И Карпъ Ильичъ ужъ чемъ ни шорговалъ,
 Все съ рукъ идешъ какъ наповалъ,
 Да шакъ, чшо даже всѣ Безсмыслова шво-
 ренья,
 Сколь худы ни были они,
 Раскуплены въ чешыре дни.
 За радосшью насшали дни мученья —
 Грусшишь богачъ-купецъ!
 Такъ Крезы наконецъ
 И въ кучахъ золоша не видяшь ушѣшенья!—
 Федора Власьевна замѣшила печаль
 Супруга своего—и первый разъ шущъ сроду
 Супругъ мужа спшало жаль. —
 “Ахъ, Карпъ Ильичъ! не кинься въ
 воду!”

А вѣдь у насъ рѣка,

Ты знаешь, глубока!...

Какъ шы нахмурился! И наяву ужъ грѣзишь!
Да эдакъ, башька мой, шы на спѣну полѣ-
зешь!

И стоишь ли шого прокляшый Сашана?

Не будь же я Дубинина жена,
Коль не сыщу шакой шоваръ дрянной, ужа-
сной,

Который и въ сто лѣшь
Не шолько здѣсь, въ міру — въ аду съ рукъ
не сойдешь!,,
— Да гдѣжь шакой шоваръ? — вскричалъ
вдругъ велегласно
Дубининъ нашъ —

Я поскачу за нимъ... скорѣ экипажъ! —
“Не шоропись, мой другъ, шоваръ вблизи
хранишься!,,
— Ахъ, мамушка! избавь отъ бѣды — а я,
швой рабъ,
До гроба за тебя гошовъ Творцу молишься.—
И вошь чрезъ часъ жена ввела къ нему семь
бабъ,

Товаръ ужъ подлинно примѣрный!
На злобныхъ лицахъ ихъ пылалъ неимовѣр-
ный

И адскій пламень всѣхъ спрасшей,
Спарухи всѣ онѣ, безъ зубъ и безъ когшей;
Но ужъ за шо люшѣй
Звѣрей
И даже самыхъ змѣй.

“Вошь, Карпъ Ильичъ, швое опъ Сашаны
спасенье!

Сей часъ вези ихъ продавашь!,,

Не нужно было повшорашъ

Дубинину приказъ: Дубининъ въ восхищенъ

И прыгалъ и пыхшълъ,

И съ цѣлымъ адомъ самъ сшрѣлоу полешълъ.

И вошь онъ въ Коренной уже съ своимъ
поваромъ,

Но чшожь? Злыхъ бабъ никшо въ ней не
берешъ и даромъ!

Недѣли деъ шамъ жилъ безъ полка нашъ
купецъ,

И съ фуріями наконецъ

На ярманку къ Макарію пустился.

Приѣхалъ онъ шуда, и лишъ расположился

По скорости какъ могъ,

Вдругъ вельно ему опяшь собрашья,

И съ ярмонки съ шакимъ сокровицемъ у-
брашья.

Дубининъ радъ шому, и шопчасъ со всѣхъ
ногъ

Скорѣй ошшуда вонъ—и ну вездѣ кашашья.

Обѣздилъ всѣ почши въ Россіи города;

Но къ бабушкамъ его шикшо и шикогда

Не прицѣнялся.

Вошь съ ними наконецъ на Кяхшу онъ под-
нялся,

Чшобъ промѣняшь злыхъ бабъ на собошь, иль
бобра;

Но шамъ ему кричашь: “шакого здѣсь добра

И безъ тебя довольно!

У насъ своихъ бабъ некуда дѣвашь,

А ты еще ихъ вздумалъ продавашь!

Сшупай ошсюда добровольно —

Не по достанется тебѣ!, —

Покорствую своей споль счастливой судьбѣ,

Дубининъ нашъ домой съ весельемъ возвра-

тился

И дьяволь за его душой ужъ не явился.

Дубининъ Крезомъ спалъ, и хошь умошь

былъ слабъ;

Но за мильоны онъ благословлялъ злыхъ бабъ.

И. Т ... об.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ГЕРОЙ.

Трешьягодня одинъ чудакъ

Съ Кавказа возвратился.

“Ну, говорилъ онъ мнѣ, я славно прока-
тился!

Чего желалъ, все вышло почно шакъ.

А пушешешивіе! а новоспи! ... признайся,

Чшо эшо не легко, мой другъ, приобрѣшашь!

Ишпорію народовъ смѣлыхъ знашь,

Ихъ видѣшь, съ ними жишь . . . но ты не
удивляйся

Я не боюся никого!...

Булашь не измѣнишь герою! ...

Но за секретъ шебъ опкрою,
 Чшо драгься для меня ужаснѣе всего.,,

*

Такъ это для меня не ново!
 Кто сохраниль геройскій духъ,
 Тому хощя легко крошитъ людей, какъ пухъ;
 Но драгься для него конечно не здорово!

Москва.

13. 33.

~~~~~

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

(Посвящается Т. В. А...ой.)

Таня милая, жестокая!
 Для чего перзашь несчастнаго?
 Ни улыбки на устахъ твоихъ,
 Ни привѣта въ голубыхъ очахъ!
 Цѣлый день смошрю на милую:
 Ясенъ день въ глазахъ счастливаго —
 Для меня же пучи грозныя
 Запмѣваюшь солнце красное!
 Солнце красное не ясно мнѣ!
 Какъ спрѣла блестящей молніи,
 Огнь очей твоихъ прелестная,
 Перелился въ сердце юноши!
 Рана шаякая закрылася;
 Но шоска и боль жестокая
 Не даюшь покоя бѣдному!

Ахъ! какая боль ужасная,
 Боль вовѣкъ неизлѣчимая!
 Ахъ! ошдай мнѣ сердце прежнее!
 Молви слово, слово доброе;
 Подари улыбкой ангельской;
 Возврати мнѣ радость прежнюю,
 Возврати невозвратимую —
 Жизнь безпечную, спокойную!

Николай Скородумовъ.

Ночь на рѣкѣ.

Романсѣ.

Въ мглѣ шумана, по рѣкѣ;
 Плылъ я съ милой въ челнокѣ.
 Берегъ изъ виду перялся —
 Зеленѣлъ и ошдалялся.

Пѣсни шумныя гребцовъ,
 Смѣлись съ говоромъ валовъ;
 Гулъ ошъ весель раздавался,
 Плылъ челнокъ и колыхался.

Вдалекѣ шуманъ рѣдѣлъ,
 Въ небѣ Сиріусъ блещѣлъ;
 Близко милой, очарованъ —
 Я сидѣлъ любовью скованъ.

Вдругъ причалилъ мой челнокъ:
 Вижу берегъ и лѣсокъ,
 На прелестномъ островкѣ,
 Разшился вдалекѣ.

Какъ надежда наша лжива!
 Какъ любовь нешерпѣлива!
 Кличу...щещино!...милой нѣшъ!
 Эхо горь—одинъ ошвѣшъ!

Я надѣялся...любилъ!
 Милой нѣшъ и слѣдъ простыль!
 Съль задумчивъ, одинокъ
 Я опяшь на свой челнокъ!

И съ унылою душой
 Плыль, оставленный, домой;
 Тихо было на рѣкѣ;
 Пусто, грустно въ челнокѣ!

Николай Скородумовъ.

т т т т т

Къ умирающему.

Тебяль, о смершный! успрацаешъ
 Мяшежныхъ дней швоихъ конецъ?
 Туда, гдѣ доблешъ обрѣшаешъ
 Неувядаемый вѣнецъ,

Гдѣ вдругъ шебя обнимешь радость
 Съ улыбкой ангельско—живой,
 И въ духъ швой выпсреннюю сладость
 Прольешь небесною спруей —
 Туда, къ надзвѣздному чертогу,
 Изъ праха возлешипъ душа
 Къ Предвѣчному Опцу и Богу,
 Ошрадой чистою дыша.

В Тил.о.

~~~~~

К Р И Т И К А .

Бурсакъ, Мѣлороссійская Повѣсть, сочиненіе Василья Нарѣжнаго, въ четырёхъ частяхъ. Москва, въ Университетской типографіи. 1824 въ малую 8ку. Въ первой части 164, во второй 177, въ третьей 200 и въ четвертой 208 стран.

Русскій оригинальный романъ есть необыкновенное явленіе въ нашей Словесности, несмотря на то, что у насъ около полупторы тысячи романовъ, по кашалогамъ нашихъ книгопродавцевъ; большая часть переводы; Русскихъ же оригинальныхъ...едва наберется сто романовъ; и шѣ, за небольшимъ исключеніемъ, можно причислить къ самымъ пло-

химъ переводамъ..Жалѣшь о томъ бесполезно! Утѣшимся надеждою на будущее: *можетъ быть* и у насъ появився свои Фильдинги, Лафоншены и Скошпы—а до того предлагаемъ любителямъ чтенія новый романъ Г. Нарѣжнаго: *Бурсакъ*. Онъ прилично займетъ ихъ въ часы досуга—и можешь бышь займетъ болѣе, чемъ Шотландскія Повѣсти Валпера Скошпа, попому что родное и свое всегда болѣе возбуждаешъ наше любопытство, вниманіе и участіе, нежели чужое.

Чтобъ возбудить болѣе любопытства, мы не скажемъ о содержаніи *Бурсака*; но ручаемся, что многіе прочтуть его съ удовольствіемъ и охотно простятъ нѣкоторыя погрѣшности въ слогѣ, не весьма щадительно обработанномъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ описаны превосходно—особливо характеръ Гешмана. Всего любопытнѣе въ этой повѣсти мѣсто происшествія: Малороссія, обычаи Малороссійскіе, Гешманскій дворъ, Шляхетство, Сѣчь Запорожская и пр. описаны превосходно.

Г. Нарѣжный извѣстенъ уже въ Липшерамурѣ своими Славянскими Повѣстями

ми и Романами: *Русскій Жилбазъ* и *Аристіонъ. Бурсакъ*, безъ всякаго сомнѣнія превосходишь первые два романа какъ слогомъ, такъ и содержаніемъ своимъ. Вошь два опривка, копорые лучше покажущъ нашимъ чипашелямъ достоинство эпои книги.

“Мы поворошили коней съ дороги. — Крестьянинъ, копорый былъ опъ насъ саженьяхъ въ двацати, кинулъ свой плугъ и воловъ, опромешью бросился къ шелегъ и скрылся за нею. Я хопъль спросишь у своего спущника, чего сей мужикъ испугался; но онъ, усмѣхнувшись сказалъ: “я догадываюсь, что эпо шляхшичь.,, Минущу спущя послѣдовало превращеніе. Изъ за-шелъги показался и шель прямо на насъ мужчина, въ синемъ поношенномъ жупанѣ; длинная сабля волоклась за нимъ. Довольно издали онъ снялъ шапку, поклонился съ ласковою улыбкою и вскричалъ: добро пожаловашъ господа кавалеры! Сердечно жалѣю, что замокъ мой не близко отсюда, а время насшаецъ полдничашъ. Во время полуденнаго зноя я не много уснулъ, а бездѣльники мои поданные воспользовались симъ случаемъ и разбрелись до одного. Впрочемъ, господа, если вы чувствуете позывъ на ѣду, то милосши прошу пожаловашъ къ моей брич-

дѣ. Тамъ найдете вы свиное сало, мягче и вкуснѣе всякаго масла, довольное число *преизящныхъ* луковиць, величиною съ ролую рѣпу, и хлѣбъ, какого лучше не ѣспѣи самъ Гешманъ. Король *), распросивъ его о ближней деревнѣ, и узнавъ, что онъ не обманываешся, опустилъ въ карманъ рѣпку и вынулъ два злыхъ, сказавъ съ великою важностію: “Господинъ кавалеръ! просимъ извинишь, что мы у тебя поддичашъ не будемъ, ибо спѣшимъ къ мѣспу гдѣ насъ ожидающъ; однакожь ты предсшавъ, что мы поѣли швоего хлѣба-соли, и въ знакъ памяши прими сію малоспѣ..”, Тутъ опустилъ онъ свои злые въ шапку новаго знаконца, а сей, поклонясь учтливо, сказалъ: инъ прощайше, господа кавалеры! Деньги же *сіи* я опдамъ первому прохожему, кошорый пособишь мнѣ сѣспѣи на иноходца. То-шо доброй конь! Ни у кого изъ сосѣднихъ дворянъ нѣшъ подобнаго.—Онъ положилъ деньги въ карманъ, и съ великою важностію пошелъ къ своей бричкѣ, а мы далѣ поѣхали..”

“Что за оборощень! вскричалъ я, не могши удержашъся отъ смѣха.—Эшопъ бѣднѣкъ, опшѣчалъ Король, зараженъ язвою, ко-

*) Собственное имя, прозваніе. *Прим. Изд.*

торая изъ Польши перелилась въ Малорос-
сію, и великое множество крещьянъ ли-
шила разсудка. Обрабашываніе опеческихъ
полей показалось имъ низкимъ *понятіемъ*.
Съ ущербомъ большей части имущества,
каждой изъ *таковыхъ* безумцовъ доспалъ
себѣ какія - по свидѣтельству на дворян-
ское достоинство и ходилъ при саблѣ; но
какъ шерпѣшь голодъ никому не хочешся,
то они, хотя съ отвращеніемъ, должны
обрабашивать свои нивы, не пропуская од-
накожь случая выказывать мнимое свое
благородство. Пробывъ въ полѣ, или въ лѣ-
су цѣлую недѣлю, занимаясь паханьемъ зем-
ли, или рубкою дровъ, въ воскресный день
шаковой дворянинъ являешся въ церкви при
саблѣ, съ закрученными усами; куришель-
ная шрубка и мѣшокъ съ табакомъ запл-
кнуты за поясъ, и онъ вышупаешъ какъ
вельможа., (Ч. I, стран. 160—163.)

И вопль другой опривокъ, весьма за-
нимательный по нѣкоторымъ подроб-
ностямъ о Гешманской власни и дворѣ
его.

“Пришедъ въ соборную церковь, мы
увидѣли чрезмѣрное спеченіе народа. Вели-
колѣпіе блиспало со всѣхъ сторонъ. Успа-
вивъ Неониллу среди женщинъ (*), я по-

*) Въ Малороссіи и до сего времени

спарался найши себѣ мѣсто поближе къ тому, гдѣ спановишся глава народа. Оно успано было богашымъ ковромъ и осѣняемо свержу покровомъ малиноваго бархата съ золошою бахрамою и шакими же киспями. Вскорѣ суешливость духовенства и народа возвѣстили прибыше Великаго Гешмана. Молчаніе распростерлось повсемѣстное.—Сначала показалось около полудюжины шѣлохранишелей, одѣшыхъ въ богашые черкески; они *послѣдцелы* были важными чиновниками въ блестящемъ убранствѣ, за коими шеспвовалъ державный старецъ. *Стопы* его были медленны, величіе блиспало во взорахъ, возвышенный ростъ и *стройная* осанка опличали его ошъ всѣхъ прочихъ. Шеспвие заключалось запнѣйшими гражданами Башурина и другихъ городовъ Малороссіи. Когда Гешманъ проходилъ мимо меня, я почпительпо преклонилъ голову и пошупилъ глаза въ землю; однакожъ сіе положеніе не мѣшало мнѣ примѣшпшь, что Никодимъ кинулъ на меня благосклонный взоръ и сдѣлалъ легкое пошрясеніе головою.—Во время священнодѣйствія хопя я усердно молился Господу Богу, бла-

большеею частію сохраняется обычай, что бы въ церквахъ женщины спояли ошъ мужчинъ опдѣльно. *Прим. Сог.*

годаря Его за всѣ блага, споль нечаянно и незаслуженно на меня изліянныя, однако сіе не мѣшало мнѣ почти безпрестанно смощрѣшь на Гешмана и ловить каждый изъ его взоровъ. По окончаніи Богослуженія, онъ вышелъ изъ храма шемъ же порядкомъ, какъ и вошелъ. Я вмѣшался въ толпу его провождающихъ и послѣдовалъ за нимъ до крыльца церковнаго. Тупъ подвели ему богатоубраннаго коня; онъ сѣлъ, и окруженный шѣлохранишелями, медленно возвращался въ свои палаты при пушечномъ громѣ и колокольномъ звонѣ. О, какъ наружное великолѣпіе и блескъ умножаютъ въ насъ благоговѣніе къ Державнымъ Особамъ! Какая разница между Гешманомъ, окруженнымъ своими шѣлохранишелями, сопровождаемымъ знашнѣйшими лицами и безчисленнымъ множествомъ народа, и Консуломъ Переяславской Бурсы посреде своего Сената, окруженномъ Ликшорами и Целерами, хотя и послѣдняго власшь довольно значительна на своемъ мѣстѣ!., (Ч. III. стран. 5—7.)

“Гешманъ, съ приближеннѣйшими своими удалился во внутренніе покои, а я оштался въ огромной комнашѣ, гдѣ множество знашнихъ людей, Малороссіянъ, Черноморцевъ и Поляковъ, въ блестящихъ одеждахъ, взадъ и впередъ разгуливали. Иные

были веселы и молили всякой вздоръ; другіе задумчивы и неохотно отвѣчали на дѣлаемые вопросы; шрепши попарно, или по три и чешыре человекъ, опошедъ въ уголь, шепшались между собою; чешвершые — казавшіеся совсемъ безъ нрава и занятія — похаживали важно по комнатамъ, смошрѣлись въ зеркала, закручивали усы, полуобнажали сабли, и явно всѣмъ *разказ вали*, какихъ трудовъ спойло имъ изученіе искусства битья на поединкахъ; за то и сдѣлались они совершенными наѣздниками. — Между шемъ придворные служители набрали большой споль и успавили *оный* водками, винами и разными кушаньями, какихъ прежде я и не видывалъ. Все многолюдство обратилось къ сему привлекашельному предмету—да, правду сказашь, и время такое было. Одинъ я, не смѣя даже шевельнушься, и подавно не осмѣливался приближишься къ цѣли общаго оболъщенія, а споялъ у окна, какъ на горячихъ угольяхъ., (спр. 10—11.)

Довольно! Повшоримъ еще разъ, что эпошъ романъ можно прочеспъ съ удовольствіемъ, даже съ нѣкоторою пользою; пошому что онъ даетъ намъ многія понятія о древнихъ обычаяхъ Малороссіи.

Жаль, что слогъ не вездѣ довольно обработанъ *).

Продается въ библиотекѣ для тенія у Синяго моста, бывшей Плавильщикова, а нынѣ А. Ф. Смирдина, по 15 р. экз.

*) Жаль, что въ простомъ разсказѣ и разговорѣ встрѣчаются здѣсь нерѣдко слова неупотребительныя въ обыкновенной рѣчи и даже приказныя, напримѣръ: *опыя, кои, дабы, ибо, поелику, таковой* и проч.; жаль, что авторъ съ излишнею подробностію описываетъ мѣлочи, недоспойныя вниманія просвѣщенныхъ читателей — непрерывно появляющіяся на сцену суеи, чарки, вишневка и пѣнникъ. Нельзя также оспаривать безъ замѣчанія, что всѣ лица въ этомъ романѣ имѣютъ необыкновенныя имена: *Сарвилъ, Даллатъ, Авдонъ, Муконъ, Мелитонъ, Күфій, Уврикій, Истүкарій, Урнассіанъ, Мелетина, Неонилла, Трифена, Киріена* — даже названія селеній весьма странны: село *Глуццо*, село *Швитково*, сельцо *Мигуны*, и т. п. Прил. Изд.

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ.

Теперь не любящъ аллегорій въ живописи. Изъ всѣхъ картинъ этого рода, выставленныхъ въ Парижѣ, удостоилась вниманія только одна, представляющая Амура и Психею.—Внутренности церквей и поршрешовъ, вопъ чего шребующъ, нынѣ опъ живописцевъ. (*Journal des dames et des modes de Paris.*)

Многіе спараюшя предспавишъ въ мысляхъ своихъ черты Авшора по сочиненіямъ его. — Мы просимъ господъ *Идеалистовъ* взглянушъ на поршрешъ Авшора *Сицилійскихъ ветерень*. Они безъ сомнѣнія воображаюшъ найши на лицѣ его что-шо вдохновенное, выразишельное...густыя баккенбарды, и ш. п.—Но со всемъ не шо найдущъ въ поршрешѣ и весьма похожемъ Г. Делавиня...Они увидяшъ челоуѣка задумчиваго, блѣдовашаго и слабаго сложенія. (*Оттуда же.*)

Гжа Р...не можетъ разспашься со своею собачкою.. а съ собаками нельзя гуляшъ по заламъ, гдѣ выставлены картины...Что же дѣлать? Гжа Р...пишетъ съ себя поршрешъ и со своей собачки, и выставляешъ его. Такимъ образомъ, несмотря на запреще-

ніе, она не разлучна со своимъ вѣрнымъ другомъ. (*Оттуда же.*)

Роскошь проникла даже въ молочныя лавки: полки замѣнены мраморными сполками; сливки хранятся въ большихъ фарфоровыхъ вазахъ — а масло въ великолѣпныхъ хрустальныхъ чашахъ. (*Оттуда же.*)

Спросили въ шушку Гжу М... сколько бы понадобилось леншъ, что бы обшлянуть весь земный шаръ. — “Не знаю, ошвѣчала она, но сѹдя по счепу моей модной порговки, думаю, что я одна издержу сполько леншъ, что можно прошнянуть ими цѣпь отъ Парижа до границы. (*Оттуда же.*)

Молоденькая женщина, черезъ при дни послѣ свадьбы, подкралась тихонько къ своему мужу, съ намѣреніемъ поцѣловать его. Онъ нашель, что это прошивно благопристойности! Оскорбясь такимъ неожиданнымъ замѣчаніемъ, ошвѣчала она: “извинише, я думала, что это не вы!”, (*Journal de Francfort.*)

Выставка въ Парижѣ была въ нынѣшнемъ году многочисленнѣе всѣхъ прежде бывшихъ. Считающъ 2180 каршинъ, рисунковъ, эшамповъ, литографій и скульптурныхъ произведеній; 782 аршиста участвовали въ сей выставкѣ, именно: живописцевъ 601, въ помъ числѣ 81 дама, скульпшоровъ 54, граверовъ 92, литогра-

фовъ 23, архисекшоровъ 11. (*Оттуда же.*)

Одинъ ученый физиологъ удосповѣряешъ, что онъ нашелъ въ ошрыпомъ недавно окаменѣломъ человѣческомъ шлѣ несомнѣнные признаки Романшика: плоскій лобъ, длинныя уши и остроконечную голову. (*Corsaire.*)

Еврейская Словесность не опсшааетъ отъ прочихъ. Недавно появились двѣ Еврейскія оды въ честь Приццовъ и Еврейская эпишалама на свадьбу Барона Рошшильда. (*Etoile.*)

Какой-то проказникъ сдѣлалъ недавно предложеніе, что бы наложить на дурные стихи пошлину. Онъ исчислилъ, что полагая самую умѣренную пеню за всякій негодный стихъ, получится ежегодно: въ Парижѣ 1.000.000, франкъ., въ Лангедокѣ 200.000, въ Провансѣ 500.000, въ прочихъ провинціяхъ 500.000, всего до 200.000. (*Pandore.*)

~~~~~

Извѣстія о бѣдныхъ.

1.

Баронесса де Лангладъ, урожденная Давыдова, живешъ въ Калугѣ съ двумя дочерьми въ крайней бѣдности. Спашая ея дочь въ падучей болезни, меньшая 15 лѣтъ.

Мужъ ея въ 1815 году уѣхалъ по домашнимъ обспояшельспвамъ во Францію, въ свою опчизну, и уже шеспый годъ, какъ нѣшь объ немъ никакого извѣспія. Гореспъ о немъ и совершенная нищеса, въ коей находишься несчастная Баронесса де Лангладъ разспроили ея здоровье, что доверщаеспъ несчастіе беспомощныхъ дочерей ея. Вся надежда ихъ на помощь сострадашельныхъ душъ: онѣ шолько могушь поддержашъ и продлишь бѣдспвенное ихъ сущеспваніе.

С. Б.

2.

Въ домѣ Г. Гунарополо, что у синяго мосша, въ кварширѣ подъ № 70, живеспъ несчастный семидесяшилѣспній спарець, Пелопонезскій уроженецъ Адамъ Васильевъ. Болѣе пятнадцати лѣшь имѣлъ онѣ пребываніе въ Молдавіи, гдѣ занимаясь шорговлею, приобрѣлъ себѣ весьма значительное соспояніе и дѣлалъ изъ онаго пособіе жеспъ своей и дѣшямъ, оставшимся по несчастію на родинѣ; но при вступленіи въ Яссы Турокъ лишился всего своего имущеспва и едва успѣлъ спасши самаго себя. Въ справедливосши всего онаго упомянушый Грекъ Васильевъ имѣеспъ письменное удосповѣреніе опъ многихъ духовныхъ особъ

и прочихъ единоплеменцевъ, данное ему въ Бессарабіи 14 Марта 1822 года и засвидѣтельствованное въ минувшемъ мѣсяцѣ Сентябрѣ въ Азіатскомъ Департаментѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Изнемогая давно уже душою и плѣомъ, престарѣлый и дряхлый Грекъ Васильевъ дошелъ наконецъ теперь до того, что не имѣеть почти дневнаго пропитанія. Въ семъ несносномъ положеніи поддерживаешь его одна только надежда на Бога и на состраданіе благошворительныхъ друзей челоувѣчества.

*****

О новой книгѣ

Въ книжномъ Магазицѣ Придворныхъ Книгопродавцевъ Сенпѣ-Флорана и Гауера у Казанскаго моста надъ Милюшиными лавками, поступила въ продажу вновь вышедшая книга подъ заглавіемъ: *Добродѣтельный, или изображение Парижскихъ привовѣ и обыквоѣ, въ началѣ XIX столѣтія*, переводъ съ Французскаго С. де Шаплема. С. Петербургъ, 1824, въ Военной Типографіи Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Содержаніе сей книги заключается въ слѣдующихъ частяхъ: I, Вступленіе. II, Госпіталь Антенской улицы. III, Письменная почта. IV, День нищаго. V, Честные люди. VI, Рабочій домъ Св. Лазаря. VII, Рѣдкая

честность. VIII. Двое новорожденныхъ. IX, Еще одинъ честный человекъ. X. Парижская церковь. XI, Необходимость знать, съ кемъ говорить. XII, Домъ призрѣнія слѣпыхъ, XIII, Казармы. XIV, Именины и крепь. XV, Мѣщанской балъ. XVI, Всенощная. XVII, Вешошникъ. XVIII, Покровишель. XIX, Госпинница. XX, Ростовщики. XXI, Заемная Коншора. XXII, Посѣщеніе Принца. XXIII, Базанкурской Замокъ, или шюрьма Гражданской Гвардіи. XXIV, Надгробные камни. XXV, Общество Благошворительности. XXVI, Праздникъ Спасителя. XXVII, Домъ здравія.

Переводчикъ извѣстенъ уже Публикѣ съ хорошей стороны по изданной имъ книгѣ: Лондонскій Пустынный. Остаеся сказать, что настоящее изданіе, отличаясь лучшими лиферами и бумагою, украшено превосходно выгравированною Г. Академикомъ Ческимъ картинкою. Цѣна въ цвѣтной оберткѣ здѣсь въ С. Пешербургѣ 6, а съ пересылкою въ другіе города 7 рублей.

Тамъ же можно получать оспальные экземпляры книги: *Лондонскій Пустынный*, или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія. Въ двухъ томахъ, съ гравированными картинками. Цѣна здѣсь въ С. Пешербургѣ 12, а съ пересылкою въ другіе города 14 руб.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XVII и XVIII.

ЖУРНАЛЪ ПРЕБЫВАНІЯ РОССІЙСКАГО ЦАРЯ ПЕТРА I ВЪ ПАРИЖѢ.

Если бы великое предпріятіе сего Государя, образовавъ народъ свой, могло совершиться въ одно царствованіе, по вѣроятію достигнулъ бы онъ цѣли своей. Пётръ I имѣлъ необыкновенный геній и твердый характеръ—качества великихъ людей! Въ царствованіе свое успѣлъ онъ заставить Россію войти въ общую политическую систему Европы: но она не могла еще гордиться произведеніями наукъ и художествъ; еще не находили именъ Русскихъ въ спискѣ ученыхъ, составлявшихъ С. Петербургскую Академію. Сіе общество, хотя и состояло изъ иностранцевъ съ отличными достоинствами, не имѣло однакожь споль гордаго девиза, какъ Парижское, и ограничивалось гораздо скромнѣйшимъ и болѣе приличнымъ слабости человеческой, именно: *paulatim, мало помалу.*

Всѣмъ извѣстно пылокое желаніе Петра I положить основаніе храму наукъ въ своемъ Государствѣ. Онъ не жалѣлъ ни издержекъ, ни собственннхъ трудовъ, объѣхалъ всю сѣверную Европу, вездѣ учился, дабы послѣ учить своихъ подданныхъ и даже прудился самъ съ масперовыми въ Амстердамѣ.

Царь давно хотѣлъ видѣть Францію. О семъ желаніи своемъ объявлялъ онъ Людовику XIV въ послѣдніе годы его царствованія; но Король, будучи удрученъ лѣшами и болѣзнями, и видя, что по разстройству финансовъ, не можешь онъ выказать прежнее величіе своего двора, спарался отклонить Царя самымъ благоприличнымъ образомъ отъ его намѣренія.

Но спустя нѣкоторое время послѣ смерти Людовика XIV (1715 Сентября 1го) Царь поручилъ Посланнику своему въ Парижѣ Князю Куракину объявить Французскому Двору, что онъ желаетъ видѣть юнаго Короля (Людовика XV, которому тогда было не болѣе 5 лѣтъ) и что онъ скоро придетъ.

Герцогъ Орлеанскій, бывшій во время малолѣтства Короля Регентомъ, охотно

желалъ бы также отказаться отъ принятія такого гостя, опасаясь, что пребываніе его въ Парижѣ потребуетъ множество издержекъ; но его безпокоило болѣе обращеніе Царя, которое, полагая оны, могло быть очень щекотливо для Двора. При томъ же дружелюбныя сношенія Франціи съ Петромъ I, не соотвѣтствовали въ то время планамъ Герцога, находившагося въ особенной связи съ Англическимъ Королемъ Георгомъ, которымъ Царь былъ очень недоволенъ. Несмотря однакожь на то Регентъ отправилъ Маркиза Неля (de Nesle) и дворянина Либоа съ экипажами, ожидать Царя въ Дункеркѣ, принявъ его на твердую землю, производивъ содержаніе во время пути и отдавая ему вездѣ почести равныя Королю. Маршалъ де Тессе (de Tessé) выѣхалъ къ нему на встрѣчу до Бомона (Beaumont) и сопровождалъ его до Парижа, въ который оны прибылъ 7 Маія (1717).

Царю отведены были покои Королевы въ Луврскомъ Дворцѣ, великолѣпно меблированные. Оны нашелъ изъ прекрасными, но просилъ опвесити ему какой нибудь частный домъ, и въ ту же минушу

сѣлъ въ карешу. Его привезли въ домъ Ледигіера, недалеко опъ арсенала. Хопя мебели и здѣсь были весьма богаты, но онъ согласился оспашься видя, что спорить въ семь случаѣ было бы напрасно. Онъ велѣлъ достать свою дорожную поспель и разложишь ее въ особой комна-тѣ. Берпону, одному изъ Гофмейсперовъ Королевскаго двора, поручено было пригошовляшь для Царя споль за обѣдомъ и ужиномъ на сорокъ особъ, не считая служиселей его. Де Тессе управлялъ домомъ и долженъ былъ повсюду спрощать Царя съ опрядомъ Гвардіи.

Сей Государь былъ роспомъ великъ, хорошо сложенъ, лицомъ смугль, большіе глаза его блиспали живоспю; взоръ про-ницашельный, иногда дикій, особливо когда въ лицѣ его дѣлались судороги, копорья совершенно измѣняли его физіономію; но если онъ хощѣлъ обласкашь, то видъ его спановилсъ пріятнымъ, хопя и примѣчалась въ немъ какая-то Сармашская величавоспъ. Его скорья и быспрря движенія ясно выказывали неукропимоспъ характера и сильное волненіе спраспей. Никакое приличіе не оспанавливало дѣй-

спвій его души; во всемъ было видно желаніе казаться повелишелемъ. Привыкнувъ къ самовластію, не шерпѣль онъ противорѣчія и мало уважалъ общошпельствами, временемъ и мѣспомъ. Когда безпокоиши его присуществующіе, онъ поспѣшно оставлялъ ихъ и шель, куда влекло его любопытство; если экипажъ не былъ гошовъ, шо онъ садился въ первую карешу, которая попадалась ему. Однажды сѣлъ онъ въ карешу супруги Маршала Машиніона, которая приѣхала его видѣшь и приказала везши себя въ Булонь. Маршалъ Де Тессе и Гвардіа догоняли его какъ могли. Два, или при подобныхъ случая, принудили въ послѣдствіи держашъ для него въ гошовности особую карешу.

Хотя и мало занимался онъ приличіями; но были случаи, въ которые не пренебрегалъ ими и спарался показашъ свое достоинство и опличіе передъ другими. Вотъ нѣкоторые чершы.

Какъ ни велико было нешерпѣніе его видѣшь все примѣчательное въ городѣ, но онъ не хотѣлъ выѣхашъ изъ дома прежде перваго Королевскаго посѣщенія. На другой день прибышя Царя, Регеншъ былъ

у него. Царь вышелъ изъ кабинета, подошелъ къ Регенту, обнялъ его и попомъ показавъ рукою дверь кабинета, шопчасъ оборотился, пошелъ первый, за нимъ Регентъ, а попомъ Князь Куракинъ, который служилъ имъ переводчикомъ. Въ комнатѣ было двое кресель; Царь сѣлъ первый, Князь Куракинъ стоялъ. Послѣ разговора, продолжавшагося не болѣе полчаса, Царь вспалъ и проводилъ Регента до того мѣста, гдѣ его встрѣшилъ. Регентъ низко поклонился, а Царь легко кивнулъ головою.

Въ понедѣльникъ 10 Маія юный Король приѣхалъ къ Царю, который встрѣтилъ его на дворѣ. Оба они шли рядомъ, Король по правой сторонѣ. Царь предложилъ ему первыя кресла. Посидѣвъ нѣкоторое время, Царь вспалъ, взялъ Короля на руки, поцѣловалъ его нѣсколько разъ съ примѣтною нѣжностію. Ласки сіи не удивили Короля, и онъ предался имъ опъ всего сердца. Оба Государя, выходя, сохраняли пошъ же церемоніаль. Царь подаль Королю руку, и проводилъ его до кареты. Онъ соблюдалъ вездѣ равенство, и если позволялъ иногда себѣ съ намѣ-

реніемъ нѣкоторое преимущество по старшинству лишь своихъ, но старался прикрыть это ласками и доказательствомъ любви къ дияшпи, котораго бралъ на руки.

На другой день, 11 числа, Царь опдалъ Королю визитъ. Онъ былъ встрѣченъ у выхода изъ кареты. Какъ скоро онъ увидѣлъ Короля у подъѣзда Тюллерійскаго дворца, то побѣжалъ къ нему, взялъ его на руки и донесъ до внутреннихъ покоевъ. Все происходило повчерашнему, только Король у себя уступалъ правую сторону Царю.

Послѣ посѣщенія, Царь поѣхалъ прогуливаться по Парижу; входилъ въ лавки, мастерскія, фабрики, останавливаясь вездѣ, гдѣ что нибудь возбуждало его вниманіе. Разспрашивалъ черезъ Князя Куракина работающихъ и показывалъ во всякомъ случаѣ свои познанія и опытность. Предметы вкуса и изящности мало его занимали; но все полезное касательно мореплаванія, торговли и разныхъ художествъ обращало на себя особенное его вниманіе. Онъ едва взглянулъ на алмазы въ коронѣ, которые старались ему вы-

казашь, но удивлялся работамъ Гобелина, былъ два раза на обсерваторіи, любовался ботаническимъ садомъ, разсматривалъ механическіе кабинеты и бесѣдовалъ съ масперовыми, спроеившими мосты.

Можно судить, что сей Государь, съ такими правилами, не обращалъ вниманія на наряды. Суконное платье, широкій поясъ, за которымъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, недоходившій до шеи, рубашка безъ манжетъ, вошь обыкновенное его одѣяніе. Однажды онъ заказалъ себѣ парикъ. Масперъ сдѣлалъ ему его по послѣдней модѣ, то есть длинный и кудреватый. Царь обрѣзалъ его кругомъ ножницами, что бы примѣнить къ старымъ своимъ парикамъ.

Мать Регента (Elisabeth Charlotte de Bavière), Герцогини: Берри и Орлеанская, послѣ посѣщенія сдѣланнаго Царемъ Королю, ожидали его къ себѣ; но какъ съ этомъ ничего говорено не было, то каждая послала къ Царю своего Шпалмейстера засвидѣтельствовать почтеніе. Царь посѣтилъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онъ здѣсь наименованы, и былъ принятъ какъ Король.

Въ пошъ же день, Регеншъ приѣхаль къ нему и повезъ его въ Оперу: въ главной ложѣ сидѣли они рядомъ. Въ половинѣ предспавленія Царь спросиль пива; Регеншъ приказаль пошчасъ принести, вспаль подаль ему кружку на подносѣ и попомъ салфешку. Царь выпиль, не вспавая, опдалъ кружку и салфешку Регеншу и поблагодариль его улыбкою и наклоненіемъ головы. Въ четверпомъ дѣисвіи Оперы вышелъ онъ изъ театра и поѣхаль домой ужинашь.

Онъ обѣдаль всегда въ 11 часовъ, а ужиналь въ 8. Издержки на споль его проспирались до 1800 ливровъ ежедневно. Съ перваго дня приказаль онъ, чшобъ за споломъ не было ничего роскошнаго; но любиль ѣспъ много и каждое блюдо зациваль виномъ, а дессертшъ ликерами.

Царь посѣщиль и Регенша, но никого болѣе изъ Королевской фамилии, кромѣ шрехъ Герцогинь, о кошорыхъ упомянушо выше.

Ему сказали, чшо нѣкошорые изъ Принцевъ крови желяюшь посѣспить его, но съ шемъ, чшобъ онъ обѣщаль бышь шослѣ у нихъ. Онъ опшвергнулъ сіе услов-

ное посѣщеніе, и болѣе объ этомъ не говорили.

Праздники, зрѣлища мало веселили его; но все, опъ чего могъ онъ научиться, чрезвычайно его занимало. Въ шотъ самый день, когда ПЕТРЪ I былъ въ Оперѣ, провелъ онъ цѣлое утро въ галлерей плановъ, съ Маршаломъ Виллярсомъ и многими Генералами. Маршалъ въ день Сошесшвія Св. Духа, 16 Маія, сопровождалъ его въ домъ инвалидовъ. Царь хопѣлъ все видѣть. Пришедши въ столовую, спросилъ у солдашъ кружку вина, выпилъ за ихъ здоровье, назвавъ ихъ поварищами и пошрепавъ по плечу ближайшихъ къ нему. Между зрительницами замѣпилъ онъ супругу Маршала Виллярса. Спросивъ объ ней, онъ подошелъ и сдѣлалъ ей весьма лестное привѣшсшвіе. Въ пятницу Маршалъ д' Ешре (d' Estrées) пригласилъ его къ обѣду въ загородный свой домъ, находившійся въ Иссѣ.—Всего болѣе понравились Царю морскія карпы и планы, кошорые Маршалъ ему показывалъ.

Проѣзжая Тюльери 24 числа Царь заѣхалъ къ Маршалу Виллероа, куда прибылъ и Король, какъ будшо случайно. Церемо-

ніала никакого не было, и Царь предался всѣмъ воспоргамъ своей нѣжності. Въ шопъ же вечеръ онъ поѣхалъ въ Версаль и провель тамъ шри дни, осмашривая дворець, звѣринецъ, Трианонъ, Марли, и проч.

30 ч. Маія поѣхалъ онъ обѣдашь за городъ въ petit bourg къ Герцогу д'Аншеню, копорый повезъ его въ Фоншенебло. Графъ Тулузскій на другой день забавлялъ Царя охопою. По возвращеніи своемъ обѣдалъ онъ одинъ со своими любимцами на оспровѣ d' Etang.

Во шпорникъ, 1 Іюня, Царь приѣхалъ по Сенѣ на гондолѣ въ Парижъ, и ошановилса у вдовшвующей Принцессы Конши. Проходившисъ по садамъ, сѣлъ онъ опяшь въ гондолу, проѣхалъ всѣ мосшы и вышель на берегъ у Конференціи. 3 числа поѣхалъ снова осмашривашъ въ подробности Версаль, Марли и Трианонъ. 11 ч. былъ въ Сеншъ - Сирѣ въ классахъ, видѣлъ заняшія шамошнихъ воспитанницъ, и пошомъ пошель къ Гжѣ Меншенонъ, копорая предвидѣвъ шакое посѣщеніе, легла въ постель, задернувъ занавѣсы и опусшивъ шшоры у оконъ. Царь

вошелъ въ комнату, опдернулъ занавѣсы, поднялъ шторы, посмотрѣлъ на нее приспально и вышелъ, не сдѣлавъ ей никакого привѣтствія *). Такое странное пощеніе не могло не удивить Гжу Меншенонъ.

Въ тотъ день, когда Царь былъ въ Сорбонѣ, оказалъ онъ болѣе уваженія къ спашуѣ Кардинала Ришелье, нежели къ Меншенонъ. Обративъ взоръ на гробницу Кардинала и простерши руки къ изображенію его, онъ вскричалъ: “охопно опдалъ бы я половину моего царства такому человѣку, какъ ты, что бы онъ только помогъ мнѣ управлять другою **).

Царь поѣхалъ обѣдать 15 числа къ Герцогу д’ Антеню. Герцогиня Орлеанская также приѣхала туда со своими дочерьми, чтобъ увидѣть Царя въ послѣдній разъ.

*) Не помню, гдѣ въ анекдотахъ читалъ я, будто ПЕТРЪ I, спросилъ съ участіемъ Гжу Меншенонъ: чемъ она больна? — Спаросію, отвѣчала та. *Прим. Изд. Благ.*

**) Если и сказалъ это ПЕТРЪ, то развѣ въ шутку. Были при Немъ люди не хуже Ришелье. *Прим. Изд.*

Герцогъ д' Аншень, желая удовлетворить ихъ любопытству, предложилъ Государю прогуляться въ саду, и провель его мимо комнашь, гдѣ Принцессы и ихъ приближенныя сидѣли у оконъ. Герцогъ предупредилъ Царя, что здѣсь находилась Герцогиня, и что она желаетъ его видѣть. Онъ не отвѣчалъ ни слова, не спросилъ даже, которая изъ нихъ Герцогиня, шелъ тихо, посмотрѣлъ на всѣхъ, привѣтствовалъ ихъ наклоненіемъ головы и прошелъ далѣе.

Царь, войдя въ споловую, весьма пораженъ былъ, увидѣвъ подъ балдахиномъ поршреть Царицы, который Герцогъ д' Аншень имѣлъ случай достать. Это ему очень понравилось, и онъ сказалъ, что одни только Французы могутъ быть такъ любезны.

16 ч. осматривалъ Королевскій дворець. Великолѣпіе мундировъ, казалось, ему не нравилось. Не дождавшисъ конца, онъ скоро вышелъ и поѣхалъ въ С. Уанъ (S. Ouen), гдѣ ужиналъ съ Герцогомъ д' Ешре.

Царь удобно изъяснялся на Лашинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; полагающъ,

что могъ бы онъ также хорошо говорить и на Французскомъ; но что только для поддержанія важности употреблялъ Переводчика.

18 ч. Регентъ сдѣлалъ ему послѣднее посѣщеніе. Царь ѣздилъ прощаться къ Королю, который на другой день самъ къ нему приѣхалъ. При семъ случаѣ не было никакой церемоніи, а Царь столь же дружелюбно и ласково обошелся съ Королемъ, какъ и прежде.

Въ этотъ же день Царь присутствовалъ въ Совѣтѣ (*tribune de la grande chambre*), гдѣ слушали одно дѣло. Генераль Адвокатъ Ламоаньонъ (*Lamoignon*), разсуждая вкратцѣ о немъ, упомянулъ также о чести, сдѣланной Царемъ въ этотъ день Совѣту. Послѣ обѣда Царь былъ въ собраніи Академіи художествъ и потомъ въ Академіи изящныхъ наукъ, которой члены на сей случай были приглашены экстраординарно. Когда онъ сѣлъ, то попросилъ сѣсть и Академиковъ.

Между прочимъ присутствовалъ онъ и при выбиваніи медалей. Царь, разсмотрѣвъ со вниманіемъ устройство и силу машины, присоединился къ работникамъ,

что бы привести ее въ дѣйствіе. Но ничто не могло сравниться съ его удивленіемъ, когда онъ увидѣлъ на одной медали свое изображеніе, которое по сходству было совершеннѣе всѣхъ прежнихъ. Другою стороною медали также былъ очень доволенъ; на ней изображена была Слава, парящая отъ Сѣвера къ Югу, съ сими словами Виргилія: *Vires acquirit eundo*.

Царь принялъ отъ Короля обои Гобелина; но отказался отъ шпаги, осыпанной алмазами. Роздалъ многимъ золотыя и серебряныя медали, означающія его подвиги, и свои поршрешы, украшенные алмазами, Маршаламъ д'Енпре, де Тессе, Герцогамъ д' Анпеню и Берпону. Къ сему послѣднему чувствовалъ онъ особенную привязанность и просилъ Регенша отправить его Посланникомъ въ Россію. Царь роздалъ 60,000 ливровъ людямъ, служившимъ ему. — Онъ изъявилъ желаніе заключить съ Франціею союзъ дружбы; но какъ это не соотвѣтствовало планамъ Регенша, то отвѣчали ему только пустыми увѣреніями въ приверженности, которыя не имѣли никакихъ слѣдствій.

Царь выѣхалъ изъ Парижа 20 Іюня и отправился въ Спа, гдѣ ожидала его Царица. Онъ распался съ Франціею съ особенною чувствительностію и замѣнилъ, что съ соболѣзнованіемъ предвидишь скорую гибель ея отъ роскоши. Изъ записокъ Маршала де Тессе извлечены слѣдующія союзныя, которыя Царь предлагалъ Двору Французскому и отвѣтъ на оныя.

Предложенія Царя.

Взаимная дружба между народами. Будетъ заключенъ оборонительный союзъ, коимъ Царь и Король Прусскій обезпечивать стануть пракшаны Баденскій и Упрекшскій, а Франція съ своей стороны спарашься будетъ обезпечивать завоеванія, сдѣланныя Царемъ въ Швеціи, коюрой не доспавлять помощи ни деньгами, ни войсками посредспвенно, или непосредспвенно.

Отвѣтъ Маршала де Тессе.

Охотно заключили бы мы союзъ дружбы; но не можемъ и не хотимъ опмѣнять пракшановъ, заключенныхъ съ нашими союзниками, къ числу коихъ принадлежишь и Швеція. Все, что можемъ щеперь сдѣлать, соспояшь будетъ въ

обѣщаніи не заключаешь новаго прахша. Къ тому же невозможно обезпечить завоеванія, и что все подверженное измѣненію, ошь успѣховъ оружія никогда не можешь бышь обезпечено.

С. ф..тб.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРАВЛЕНІЕ ЛЮДОВИКА XVIII.

Франція удержала опасное стремленіе къ преобладанію на твердой землѣ, когда Высокіе Союзники, блистательными успѣхами оружія своего, опяшь возвели Бурбоновъ на древній пресполь предковъ ихъ. Но буйство и нечесніе, порожденныя Революціею, еще шайлись въ нѣдрѣ ея, еще угрожали новымъ пошрясеніемъ. Въ сихъ смутныхъ обспояшельстввахъ, Людовикъ XVIII послѣдовалъ направленію, данному Священнымъ Союзомъ твердой землѣ Европы—направленію, необходимому для сохраненія въ оной спокойствія. При всемъ томъ, правленіе его не могло ушвердиться безъ внутрешней борьбы и введенія нѣкоторыхъ постановленій, приличныхъ государству самодержавному. Съ другой стороны, шакъ называемые сво-

Бодномыслящіе всячески спарались сему воспрепятствовать и удержавъ новый порядокъ вещей. Министерства перемѣнялись согласно съ господствующимъ образомъ мыслей, и партіи въ Палатахъ упорно защищали свои мнѣнія. Хотя успѣхъ казался иногда сомнительнымъ на нѣсколько мгновеній; но окончательное рѣшеніе всегда было по желанію Короля. Союзные Государы, созывая Конгрессы, и и почтя оныя собственнымъ присутствіемъ, придавали новыя силы прежнимъ государственнымъ постановленіямъ, и мудрыми опредѣленіями своими поражали, какъ громомъ, всякое преступное покушеніе враговъ всеобщаго спокойствія. Съ быспрымъ низпроверженіемъ революціонныхъ правительствъ въ Королевствѣ Неаполитанскомъ и Пиемонтѣ водворилась и во Франціи совершенная тишина, и заговоры, составляемые крамольниками внутри оной, всегда были открываемы и обращались въ собственную ихъ гибель.

Постоянство, съ каковымъ Людовикъ

XVIII отвергаль неумѣренныя требова-
 нія спараго дворянства, и прозорливость,
 съ каковою усматриваль происки при-
 ближенныхъ своихъ, клонившіеся къ нару-
 шенію народныхъ правъ, превыше всякой
 похвалы. Вспомнимъ, что онъ получилъ
 въ управленіе народъ, его отвергнувшій
 и поспулавшій съ нимъ неприязненно—
 народъ, обогрившій руки священной кро-
 вію возлюбленнаго брата его. Вспомнимъ,
 что окружавшее его дворянство, раздѣ-
 лавшее съ нимъ изгнаніе, скорби, поше-
 ри и надежду и оказавшее ему непоколе-
 бимую преданность, имѣло неоспоримое
 право, по возшествіи его на престоль,
 требовать удовлетворенія за многочис-
 ленныя оскорбленія, имъ претерпѣнныя,
 и просить вознагражденій, соотвѣствующихъ
 потерянному имъ имуществу.
 Вспомнимъ, что нѣкоторыя глубокомы-
 сленныя полишники почипали возведеніе
 Бурбоновъ сопряженнымъ съ большими
 потрясеніями, нежели самая Революція.
 По преодоленіи всѣхъ сихъ затрудненій,
 не заслуживаетъ-ли благодарнаго воспо-
 минанія попомства Государь, умѣвшій
 согласишь разныя партіи, удовлетворишь

справедливымъ требованіямъ поспрадав-шихъ ошь Революціи, предупредишь внуш-ренніе раздоры и отвратишь всякое не-успройсво? Сей благоприятный обо-рошь надлежитъ единспвенно приписатьъ необыкновенной мудрости и швердымъ поступкамъ Людовика XVIII. Конечно Ми-ниспры ему въ помъ содѣисповали. Но ошь кого зависѣль выборъ Миниспровъ? Испинно нелегко было разрѣшитъ зада-чу управлянь преобразованною Франціею ко всеобщему удовольствію разномысля-щихъ паршій. При всемъ помъ сія шруд-ная задача рѣшена какъ нельзя лучше по тогдашнимъ обспоятельствамъ. Ишакъ опредѣленіе Высокихъ Союзниковъ, что бы во Франціи царспвоваль законный Государь, послужило къ ея благу.

Людовикъ XVIII дѣлалъ благоразумныя распоряженія не только по многочислен-нымъ опраслямъ внутренняго управле-нія, но умѣль и во виѣшнихъ сношеніяхъ сохранишь достоинство Франціи. Пове-деніе его, относительно Испаніи, испол-нено благородства и великодушія. Успѣхъ приняныхъ имъ мѣрь превзошелъ самое ожиданіе. Герцогъ Ангулемскій, возвратив-

шій Фердинанду VII законныя права его, совершилъ сіе важное дѣло съ шемъ снизхожденіемъ и пощадою, каковыхъ можно только ожидать ошъ предпріянія, внушеннаго необходимостію, а не честолюбіемъ, или спраспію къ завоеваніямъ. Пожашые имъ лавры споиди немного крови, но утвердили безопасносшь его опечесства. Торжество его шемъ славнѣе, чшо онъ повсюду являлъ опыты челоувколюбія къ побѣжденнымъ. Посупки и объявленія Министра Графа Виллеля опличались правотою, искренностію и опкровенностію, качесствами шоль рѣдкими въ государственнот полишкѣ. Французское правительсство удовольсствовалося умѣреннымъ пребываніемъ ошъ Испаніи 42 миліоновъ франковъ въ вознагражденіе за военныя издержки, и шемъ доказало свѣпу, чшо оно предпріяло сію брань не для собсвенной выгоды, но для блага Европы. Ишакъ мы видимъ изъ сего крашкаго начертанія, чшо правленіе покойнаго Людовика XVIII преисполнено было мудросши и крепосши, могущихъ снискашь ему уваженіе и самыхъ непріяшелей.

П. Яковлевъ.

ДЛЯ ЧЕГО?

Для чего деньги поже, что поварь?

Для чего купецъ, спокойно сидящій въ своей лавочкѣ, имѣеть болѣе выгоды, чемъ трудолюбивый фабриканшъ, снабжающій пого своимъ издѣлемъ?

Для чего неизобрѣнуть какогонибудь механическаго средства, которое бы не допускало кабриолеты носиться съ шакою быспрошою?

Для чего не мешуть Парижскія улицы два раза въ день?

Для чего человекъ не спавить еггитъ послѣ всѣхъ своихъ поступковъ?

Для чего, на монументахъ нашихъ, Лапинскія надписи?

Для чего не соорудяшь монумента Аббашу Лепе?

Для чего покровишели не снимають мѣрокъ съ покровишельствуемыхъ ими людей? Поршные благоразумиѣ ихъ, потому что шють плашье по мѣркѣ.

Для чего дамы любяшь пѣшушій бой?

Для чего дамы носять поддѣльные волосы, поддѣльные зубы, поддѣльныя...и проч.

Для чего женщины дѣлають съ нами все что хотяль?

Для чего молодые Французы, споль же храбрые какъ и Спаршанцы, не имѣють, подобно имъ, уваженія къ спарикамъ?

Можно бы до безконечности размножить это дльего...но дльего?

(*Corsaire.*)

НѢКОТОРЫЕ ПРЕДРАЗСУДКИ.

Думашь, что послѣ Тальмы не будетъ уже великихъ Трагическихъ Актеровъ; а послѣ дѣвицы Марсь хорошей Комической Актрисы.

Воображашь, что музыка Синьора Россини есть наилучшая музыка въ свѣтѣ.

Говоришь, что освѣщеніе газомъ подорветъ свѣчные заводы и лавки.

Вѣришь, что вещь, купленная въ Пале-роялѣ неподобна, пошому только что за нее заплачено несравненно дороже, чего она стоить.

Сомнѣваешься въ кокетствѣ Парижскихъ дамъ и крошости ихъ мужей.

Думашь, что населеніе возрастаетъ съ числомъ спроющихся домовъ.

Лавку книгопродавца Ладвока счи-
тають храмомъ Генія и Вкуса.

Думають, что всѣ новыя піэсы новы,
и что всѣ старыя образцовыя шворенія
нашихъ великихъ Поэшовъ стары. (*Journal de Francfort.*)

ПРАВСТВЕННЫЯ АЛЛЕГОРИИ АРАБСКАГО
ПИСАТЕЛЯ АЗЗ-ЭДДИНА ЕЛМОКАДДЕЗИ *).

Est profecto libellus cum
pulcherri marum imaginum
copiâ, tum orationis nitore ac
venustate absolutissimus.

William Jones.

Введеніе.

Во имя Всемилоспиваго Бога.

Хвала Богу, коего опдаленіе естъ
приближеніе, коего приближеніе естъ
опдаленіе! Величіе его не можешь бышь

---

*) Изъ сочиненій Елмокаддези, недавно
переведенныхъ съ Арабскаго на Французскій
языкъ славнымъ Ориеншалисшомъ Г. Гар-
сень де Тасси.

описано ни легкимъ, ни важнымъ слогомъ, высокой святости Его нѣпъ числа и предѣловъ! Хвала Богу, изведшему весь мѣръ изъ ничтожества; напечатлѣвшему на всякомъ швореніи слѣды премудрости, доказывающіе быніе Творца, и одарившему человека разумомъ, для различенія противоположныхъ вещей! Внушеніемъ сего Всемогущаго Бога человекъ приобрѣлъ свои познанія и научился различать справедливое отъ ложнаго, и истину отъ заблужденій.

Тотъ, кто съ чистымъ и правымъ намѣреніемъ погрузился въ важныя размышленія, легко пойметъ, что всѣ швари находятяся въ рукахъ Провидѣнія, которое осуждаетъ однихъ на несчастіе, а другимъ даетъ блаженство, осыпая ихъ своими благодѣянїями и драгоценнѣйшими дарами — и никто не въ силахъ остановить дѣйствія благости Всемогущаго, или дать то, въ чемъ онъ отказывается *).

Если бы око разума швоего свободно было отъ всякой примѣси; если бы зер-

---

*) Философія Магомешанъ.

цало совѣсти своею было чисто, и если бы ты приложилъ внимательное ухо свое: по каждое существо изъяснило бы тебѣ, чего недоспаешь по его желаніямъ, и сколь мучительно терпѣшь сей недоспашокъ. Послушай зефира, который въ листьяхъ роищеть на слезы облаковъ, коихъ движеніе подобно морскому приливу и отливу — зефира, который спонешь при нѣжной улыбкѣ молніи, сопровождаемой спрашнымъ хохотомъ грома.

Посмотри на весну: она идетъ усладить тебя приближеніемъ своихъ розъ; идетъ возвѣстить тебѣ, что суровый холодъ, предшествовавшій ей, уже исчезъ. Она приближается къ тебѣ; лютая зима удаляется, и разноцвѣтная одежда покрываетъ нагошу полей.

Египетская ива колебаніемъ своихъ вѣтвей жалуется тебѣ; маргаритка представляетъ тебѣ цѣлое войско цвѣповъ, въ коихъ царствуютъ пріятнѣйшее разнообразіе: они развѣвають предъ тобою свои знамена, украшенныя ихъ счастьемъ; нарциссъ поднимается на стеблѣ своемъ, и какъ будто проситъ тебя; анемонъ въ разорванной одеждѣ поражаетъ розовыя

ланишы свои, какъ будто поперявши свою возлюбленную; гранать выражаешь спраданіе ошь сильного пламени, возженнаго мучительнымъ презрѣніемъ и удаленіемъ его подруги; соловей, качаясь на вѣшкѣ, поешь нѣжно и шомно, какъ бы лаская струны лиры.

Созерцашель, исполненный душевной признашельности къ излипымъ на него обильнымъ щедрошамъ, научаешь входить во глубину премудроспи, и познаешь, что Богъ ни одного существа не произвелъ безъ полезной цѣли. Всякое швореніе занимаешь точно назначенное себѣ мѣсто; никогда не удаляешься ошь предписаннаго пути, и исповѣдуешь истину обѣшовъ и прещеній Господнихъ: наконецъ нѣшь ни одного существа, которое бы не приносило дани хваленія Всевышнему. —Присоединяю слабый голосъ свой къ единомудушному лику существъ, и прошу Всемогущаго Бога ободришь мои усилія и восхитишь мой геній. Благословляю и привѣшпвую Пророка его, которому благоволилъ онъ отккрышь славу свою и вознесши выше небесныхъ круговъ во время знаменишой ночи. Да почиваешь

милосердіе и благодать Божія на семь избранномъ, на его наперсникахъ и потомкахъ *).

Исполненный такими мыслями, я бросилъ на вселенную взоръ почтнѣйшаго вниманія, и озаренный свѣспильникомъ пронцапельности и благословеніемъ неба, увидѣлъ, что всѣ шворенія возвѣщають бытіе Творца, и что нѣ изъ нихъ, кои не могутъ выражать своихъ чувспвованій словами, упошребляють нѣмый языкъ своимъ исполковашелемъ. И такъ я внимашельно разсмапривалъ картину природы; глубоко проникалъ въ иносказанія, предспавляемые намъ еспественными предметами — и убѣжденъ, что все дѣйсшвилельно одарено способностію выражаться либо чувспственнымъ, либо духовнымъ образомъ; но я узналъ еще болѣе—узналъ, что нѣмый языкъ гораздо краснорѣчивѣе словеснаго, и что въ немъ гораздо болѣе истины, нежели въ какой нибудь рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, съ говорящимъ можно или соглашашься въ справедливости его мыслей, или опро-

---

*) Богословіе Магомешанъ.

вергать слова его; но изобразительный языкъ совершенно основывается на истинѣ и подлинной извѣстности. Да и самое существо, выражающееся такимъ образомъ, не къ шѣмъ ли однимъ обращается, которые имѣющъ сверхъ естественныя чувствованія; между шемъ какъ сообщающій мысли свои посредствомъ словъ, говоритъ только съ шѣми, кои находящя въ простомъ обыкновенномъ разположеніи.

Въ семь сочиненіи изъясняющя различныя иносказанія, предсавленныя моему размышленію живошными, распѣніями и даже неорудными шѣлами: я перескажу здѣсь и шо, что слышалъ отъ уединеннаго дрозда о его спокойствіи и о прогулкахъ его по полямъ. О если бы въ этой книгѣ люди умные и способные нашли полезныя уроки; глубокомысленныя и разсудительныя—воспоминаніе о своихъ обязанностяхъ: и наконецъ всѣ вообще — назидательныя наставленія! Тотъ, кто проникнетъ въ разумъ моихъ сужденій и пойметъ иносказанія мои, съ удовольствіемъ читашъ будешъ мою книгу; но кому покажущя онѣ спран-

ны, пошь не можешъ наслаждашься ею.

Не знаю, какая мысль однажды возбудила во мнѣ желаніе—созерцать произведенія рукъ Превѣчнаго и то, что Божественная Премудрость, всегда достигающая предположенной цѣли, сотворила для пользы. Съ такимъ намѣреніемъ я удалился въ обширный садъ; нѣжная зелень, склоняемая игривымъ дыханіемъ зефира, разстилалась коврами; цѣлебное благовоніе разливалось изъ чашекъ цвѣтоносныхъ; густыя вершины деревъ колебались съ ропотомъ; вѣтви качались отъ дуновенія весенняго вѣтра; соловей спональ нѣжно и въ жалобныхъ пѣсняхъ швердилъ о любви своей. Здѣсь извивался ручей въ нѣдрахъ зеленого луга; шамъ низвергался водопадъ разнообразными полосами; вдали на бархатной муравѣ блискали свѣжіе, золотистые цвѣты; со всѣхъ сторонъ предъставлялись прелестные и живописные виды, на коихъ взоръ покоился. При такомъ зрѣлищѣ я сказалъ себѣ: можешъ ли бытъ какое либо убѣжище усладительнѣе сего и приятнѣе для уединенія? Ахъ! почему нѣшь со

мною искренняго и любезнаго друга, съ коимъ могъ бы я опкровенно бесѣдовать? Но въ эту самую минушу послышались мнѣ слова нѣмаго, гадашельнаго языка природы: “Можешь ли ты найши друга вѣрнѣе меня? Можешь ли ожидать опъ кого либо краснорѣчивѣе моихъ опвѣновъ? Все, тебя окружающее, говоришь языкомъ изобразительнымъ: положеніе и образъ существованія каждой твари выражающъ ближайшую цѣль ея. Употреби всѣ свои силы понять сіе иносказательное вѣщаніе, если ты способенъ разумѣшь оное.,”

Вотъ дышетъ упренный зефиръ цѣлебными испареніями; наполняющими воздухъ. Какъ любовникъ, поперявшій предметъ страстной души своей, онъ издаетъ иногда печальные и жалобные стоны; иногда, какъ будто нашедши богиню своего сердца, орошается драгоценнѣйшими благовоеніями. Облака, распространяющіе прохладительныя волны свои; единообразное воркованіе голубя, прешептаніе вѣтки, его поддерживающей; сумракъ упренняго разсвѣта; вѣтчикъ зла-

поцвѣта, сильно колеблющійся оупь приближенія черной пучи, опягченной молніею и громомъ; весна, копорая въ сопровожденіи розы — своей наперсницы, приводитъ споль восхищительную для природы переменъ; все существующее и опредѣленное къ пользѣ швоей, о человекъ нечувствительный къ благоспши Творца! все, точно все прославляешъ благодаренія Господа, исповѣдуешъ его бышіе, благодаритъ его и благословляешъ; испинно изъ каждой вещи можно извлечь доказательство единства его.

Аллегорія I.

Зефиръ.

Оупь споновъ зефира пошчасъ возбуждилось мое вниманіе; желая ознаменовать свое дыханіе помнымъ услажденіемъ, казалось, произносилъ онъ своими выразительными вздохами сіи слова: “Какъ вѣрный посланникъ влюбленныхъ, я приношу на своихъ крыльяхъ горячіе вздохи страдающаго любовью мучительной —

приношу къ тому предмету, который одинъ можеть изцѣлить спрадальца. Съ точностію передаю вѣренныя мнѣ шайны: извѣстія мои совершенно шакovy, какъ я ихъ слышала. Вспрѣчая пупешенника, дышу нѣжнѣе и пріяпнѣе; ласкаю его, шучу и дружелюбно играю. Однакожь обхожденіе мое сообразно съ его сердцемъ; если онъ добръ, услаждаю его пріяпнѣйшимъ дыханіемъ; но если онъ золь, мучу его несноснымъ вѣпромъ. Легкое мое благоуханіе даепъ здравіе слабому и шихій, спокойный сонъ въ жаркій полдень. Если опъ споновъ моихъ шумяшъ лиспья; шо влюбленный не можеть удержашъ своихъ вздохovy: слыша мой ропощъ, и онъ шепчетъ милой подругѣ о своей гореспи. Нѣжностъ и пріяпностъ соеавляющъ существо мое: шолько шощъ умѣетъ оцѣнить меня, кто наслаждается благодѣяніями Господа.,,

“Не моему ли живопворному дыханію одолженъ воздухъ усладительною чистотою? Не думай, что бы перемѣнчивостъ, замѣчаемая шобою въ моихъ свойствахъ, была слѣдствіемъ пустой прихоши; нѣшъ: для швоей пользы, для швоей

же выгоды, мое дыханіе слѣдуетъ временамъ года въ ихъ различныхъ перемѣнахъ. Весною дышу я съ сѣвера, оплодотворяю распѣнія и ночь равняю со днемъ. Лѣтомъ несется дыханіе мое отъ Востока, благоприяшесивуетъ развитію плодовъ, и сообщаетъ деревьямъ совершеннѣйшій степенъ красоты. Осенью вѣю съ полудня; тогда всѣ плоды образуются, спѣютъ и достигаютъ до совершенной зрѣлости. Зимой, наконецъ, дую отъ западныхъ странъ; освобождаю деревья отъ тягости плодовъ и высушиваю листья, не повреждая вѣтвей. Я способствую созрѣванію плодовъ, покрываю цвѣты блестящими красками, на ручейки налагаю серебряныя цѣпи, свѣваю на деревья плодотворную пыль; милой подругъ приношу вздохи сердца, его возпламененнаго; и благоуханіе изъ устъ моихъ возвѣщаетъ влюбленному страннику, что онъ уже близко жилища своей возлюбленной. „

О! сколь восхищительна вѣсть, которую Зефиръ принесъ слуху моему о красотѣ сего величественнаго жилища! Дружелюбно разпроспранилъ онъ вокругъ меня цѣлебное благоуханіе, коимъ былъ

преисполненъ и упоилъ меня сладчайшимъ благовоніемъ. Когда первые вздохи снѣдающей меня любви излились изъ пламенной груди моей; зефиръ, казалось, благопріятствовалъ имъ своимъ умирающимъ дыханіемъ. Упреннѣй въперокъ, живошворный, прохладительный, могъ бы утолить жажду страсти моей; но пропекая во время ночи чрезъ сіи зеленыя кущи, чрезъ сіи возвышенные холмы, и наипаннѣй бальзамическими испареніями, кои возносятся опъ жилища моей возлюбленной, онъ еще болѣе раздулъ пожирающій меня пламень любви и оправданія. Упоенный воспоргомъ, я не могъ придти въ самага себя, ни собрать силъ своего разума. Внимая гласу зефира, я слышалъ шайну, кошорой соперники мои угадашь не въ сосноянніи; я поспигъ то, чего они не поспигли. Я узналъ обипель сладчайшаго упоенія, гдѣ обожаемая мною возлюбленная дозволяла смотрѣшь на восхишительный блескъ красоты своей; никакое покрывало не похищало здѣсь ея предестей, и вѣрнымъ обожашелямъ своимъ она показывала свѣплое лице, неприступное для жадныхъ взоровъ.

БАРТФЕЛЬДСКІЯ ЦѢЛЕБНЫЯ ВОДЫ *).

11 Маія 1810.

Я ночеваль въ шпакширѣ бѣлаго коня, гдѣ османавливаюцца всѣ приѣзжіе. Рано по утру явился посланный опъ нашего Коммиссара показати мнѣ назначенную кварширу; но я просиль его опвестъ меня къ градскому Лѣкарю, съ которымъ нужно было посоветованься на счетъ моего лѣченія минеральными водами. Лѣкаръ, узнавъ о причинѣ моего посѣщенія, принялъ меня съ радостію, благодариль за честь, за довѣренность, и казалось расчищываль въ умѣ, сколько гильденовъ можеть получить опъ меня; но я ошибся, пошому чію судиль по наружности, а *наружность иногда обманлива бываетъ*. Прежде всего почель онъ

---

*) Изъ новой и ненапечатанной еще книги: *Путешествіе отъ Тріеста до С. п. бурга*, кошорая безъ сомнѣнія споль же благосклонно принята будеть просвѣщенною Публикою, какъ и прежняя шого же самаго Сочинителя и Путешестведника; ш. е. *Записки Морскаго Офицера*.

нужнымъ предспавишь мнѣ свою жену, дочь; попомъ предложиль чашку кофе, а послѣ того завпракъ и водку. Съ шрудомъ объяснялся онъ пославянски; я выходиль изъ шерпѣнія. Упопрѣбивъ болѣе получаса на похвалу своего кофе и пи-роговъ, осмопрѣвъ мои раны и дружески ударивъ меня по рукѣ, говорливый мой врачъ сказалъ: “поѣзжайте, не медлите ни минушы. Опшѣчаю головою, что вы будете здоровы; вы полько слабы, а для раненыхъ нѣшь во всемъ свѣшѣ споль полезныхъ водъ, какъ здѣшнія. Я дамъ вамъ записку къ лѣкарю, служащему при баняхъ. Онъ обязанъ руководспвовашь васъ въ лѣченіи, и послѣ шрехъ ваннь, вы увидите, что я говорю правду.”—Я сунуль руку въ карманъ; но добродушный Лѣкаръ, опгадавъ мое намѣреніе, продолжалъ: “не безпокойшесь; Богъ опкрыль здѣсь для всѣхъ универсальное лѣкарспво и нашему брапу грѣшно безъ шрудовъ брашь съ больныхъ деньги.”

Пока искали и запрягали лошадей, я обошель кругомъ городъ. Онъ шакже не великъ, какъ и Эперіесь, обнесень спѣною, мѣспами развалившеюся, имѣеть боль-

шой, неправильно выстроенный форшпашъ съ церковью для единовѣрцовъ нашихъ Славянъ. Я забылъ сказать, что отъ Мискольца до границъ Польши деревни и города большею частію населены выходцами изъ древняго нашего Великаго Княжества Галицкаго; языкъ употребляемый крестьянами хопя и много испорченъ, но мы понимали его какъ Русское нарѣчіе. Ручей Брезинца, текущій мимо сѣльнъ, украшается мѣльницею, а въ городѣ достойна замѣчанія древняя готическая церковь, построенная первымъ Венгерскимъ Королемъ Стефаномъ. Не удалось мнѣ осмоирѣшь ее; но Офицеры, копорые въ ней были, сказывали, что кромѣ спашуи Короля, весьма грубой работы, и древнихъ образовъ и надписей, не нашли они нишъ ничего заслуживающаго особеннаго вниманія.

Минеральныя воды находящіяся въ пяти верснахъ отъ города. Поворопя съ большой дороги влѣво, вскорѣ увидѣли мы красивыя строенія въ новомъ вкусѣ. Какое прелестное и уединенное мѣсто! Дорога, ведущая къ банямъ, обсажена пѣниспыми липами; два хребта довольно

высокихъ горъ, поросшихъ опъ вершинъ до подошвъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, стѣсняющъ оную съ обѣихъ споронъ, пакъ чшо, казалось, мы въѣхали въ узкій заливъ, котораго оконечность украшена зданіями, гдѣ больные выздоравливають, не примѣчая даже того, чшо они лѣчаться.

Въ углу долины, окруженной горами и осѣненной мрачнымъ лѣсомъ, минеральная вода бѣетъ сильнымъ ключемъ изъ подошвы одного холма, на поверхности котораго видны куски желѣзной руды. Опъ изобилія сего мешалла земля имѣетъ красноватый цвѣтъ. Помощію трубъ минеральная вода проведена въ пять бассейновъ. Въ первыхъ трехъ вода мутна, красна; въ послѣднихъ же двухъ копя и наполнена цѣлебными частями мешалла, но чиста и прозрачна, какъ колодезная. Изъ первыхъ трехъ берутъ воду и нагревають для ваннь; изъ послѣднихъ употребляютъ только для питья. На правой сторонѣ, близъ перваго бассейна, построено длинное, деревянное зданіе съ ваннами и каминами для больныхъ; далѣе прекрасный каменный домъ клуба, а за нимъ еще

нѣсколько домовъ, принадлежащихъ Графу Гидершпейну. Противъ бань, на лѣвой сторонѣ, огромное зданіе съ круглою залою, гдѣ даются балы, а въ дурное время пользующіеся находятъ убѣжище; на сей сторонѣ построены два спектакля и театр, принадлежащій городу. Домъ Князя Чершорижскаго отличаетъ своею простотою и красивою архитектурою; его же издвигеніемъ колодезь очищенной воды обдѣланъ мраморомъ, обнесенъ колоннами и покрытъ куполомъ. Позади сей линіи домовъ, въ густомъ сосновомъ борѣ, просѣчена прямая аллея и множество кривыхъ дорожекъ, ея пересѣкающихъ; для отдохновенія подѣланы скамейки и бесѣдки; словомъ: лѣсъ обращенъ въ Англинскій садъ, гдѣ и въ полдневный зной можно найти прохладу. Публичныя зданія принадлежатъ правительству, которое отдаетъ ихъ въ наемъ за умѣренную плату, и содержитъ оныя всегда въ исправности. Коронный Лѣкаръ, нѣсколько чиновниковъ и рота инвалидовъ служатъ больнымъ безъ платы и наблюдаютъ за порядкомъ и чистотою.

Городъ, за покупку своихъ домовъ, по-

лучаешь значительные доходы, также как и помещикъ, копорому принадлежишь земля.

Болѣ семидесяти лѣтъ пользовались сими водами одни только жители Баршфельда. Долго оставалось въ неизвѣстности это сокровище и не прежде 1770 года цѣлебность здѣшнихъ водъ доказана опытами, а въ 1790 году Императоръ Иосифъ II, какъ попечительный отецъ своихъ подданныхъ, повелѣлъ построить необходимыя зданія для помѣщенія больныхъ, и слава водъ скоро разпространилась. Предполагается построить еще нѣсколько зданій, новыя бани и галерею для прогулки. Я видѣлъ планы, утвержденныя Императоромъ Францомъ, и Указъ его, коимъ, по причинѣ наступившей войны, съ сожалѣнiемъ приказалъ онъ остановишь сіи работы. Впрочемъ и теперь есть для больныхъ все нужное, а для помѣщенія всѣхъ привѣжающихъ сюда надобно построить цѣлый городъ, что со временемъ конечно и будетъ.

Въ первыхъ числахъ Юня начинается сѣздъ. Иногда болѣе 4000 сѣмействъ изъ Россійской Польши Галиціи, и Венгріи при-

ѣзжаютъ сюда для препровожденія времени. Въ это время въ шакомъ многолюдствѣ болѣные спановяпся непримѣшны, и какъ бы исчезающъ; уединенная пишина нарушается шумными кликами веселости, все принимается другой видъ, пышня превращается въ многолюдный городъ, и балы, концерты, театры, маскарады, сельскіе праздники безпрестанно смѣняются одни другими. Всѣ ищутъ удовольствія и жалуются на усомленіе ошъ нихъ. Проворные Жиды, съ поддѣльнымъ золошомъ, и Француженки, съ модными поварами, стараются уловить пщеславіе женщинъ; искусные игроки разкладываютъ на столахъ соблазнительные милліоны флориновъ, а неопытный, молодой наслѣдникъ ставитъ на одну каршу и навѣрное проигрываетъ соспояніе, собранное многолѣпними трудами ошца, или предковъ. Вообще богатое дворянство старается перещеголять другъ друга распочительностью, и въ два, при мѣсяца, проживаетъ здѣсь годовые доходы.

Лѣкаръ, служащій при баняхъ, совсемъ не похожъ на городского. Онъ прочелъ записку и не сказавъ ни слова, привелъ

меня въ комнапу къ раненному Авспрійскому Офицеру, кошорый обрадовался мнѣ какъ поварищу, показаль ногу и поропся говориль: “вопъ видите, пуля шупъ (показывая подь колѣномъ) разорвала сухую жилу, ногу свело, я поперяль надежду когда либо бросишь коешыль; но по приѣздѣ сюда, послѣ 18 ваннь, *вотъ видите*, нога выпрямилась, и я съ неперпѣніемъ ожидаю минұшы, когда могу вышупишь на своихъ на двоихъ. *Вотъ видите*, какъ это хорошо; оспаньшесь со мною; и вы, *вотъ видите*, шакже будеше съ рукою, какъ я съ ногою; а до того времени, какъ выздоровѣемъ, я буду служишь вамъ моими руками, а вы мнѣ своими ногами. *Вотъ видите* — продолжалъ добрый вешеранъ, поширая себѣ лобъ, я зарапортовался опъ радости, и хотѣль шолько сказаць, что мнѣ было бы прияшно раздѣлишь съ вами скуку. *Вотъ видите*, хотѣль было сказаць: *удовольствіе*; не правда ли, топ cher? *Вотъ видите*, я уже называю васъ моимъ любезнымъ, и мнѣ хочешся, *вотъ видите*, назвашъ васъ другомъ. *Вотъ видите* . . . “Я спѣшилъ прервашъ выразишельное его: *вотъ видите*, ласко-

вымъ и дружескимъ пожапіемъ руки. Прощоша выраженій ручалась мнѣ за испину; мнѣ уже наскучило видѣшь пальцы свои всегда въ одномъ положеніи и въ продолженіи шрехъ лѣшь носить руку на перевязкѣ, почно какъ бы она была чужая, или вылишая изъ свинцу. Лишь шолько увѣрился я въ возможности возврашшь пошеряняую руку, шо и рѣшилсь ошпахсья до выздоровленія, и пославъ слугу въ городъ за экипажемъ, просиль Лѣкаря снабдишь меня наспавленіемъ и дашь мнѣ комнашу. Врачъ улыбнулся, удариль при раза въ ладоши, свиснулъ, и вдругъ явился предъ нимъ работникъ, кошорому онъ лаконически сказалъ: “ключи, книгу!”, и пропянувъ руку, примолвилъ съ важностію: “ванну № 1.,,

Работникъ скоро возвратился съ шяжелюю связкою ключей и съ полспою книгою. Молчаливый Эскулапъ мѣрными шагами пошель къ другому концу коридора; я просиль его ошвестъ мнѣ комнашу поближе къ Авспрійскому Офицеру. Лѣкаръ ошпановился, пошрясь головой, и снова пошель, ошпановился, выбраль ключъ подъ № 22, ошперъ дверь,

ключь опдалъ мнѣ, попомъ махнуль рукою, вскричавъ: *ванну!* — работникъ выскочилъ вонъ, Лѣкаръ съ шаинспвеннымъ видомъ притворилъ дверь, осмопрѣль крѣпко ли закрышы окны, бросилъ шляпу на споль, поворошилъ спуль къ свѣшу, сдѣлалъ знакъ, чпо бы я снялъ мундиръ и спокойно началъ вынимашъ изъ гошовальни и разкладывашъ блестящіе ножи, кривыя ножницы, зонпъ и ланцешъ. Ужаснувшисъ такихъ пригошовленій, съ рѣшишельносцію сказалъ я ему: “помилуйше, господинъ Докпоръ! я совсемъ не расположенъ позволишь вамъ рѣзашъ мое шѣло., Тихое мановеніе руки и оприцашельное попрясеніе головою испребило напрасный мой спрахъ. Осмопрѣвъ рану, Докпоръ поставилъ въ книгѣ нумерь 22 и просилъ написашъ проциву онаго порусски мой чинъ и фамилію; попомъ самъ означилъ полашинѣ названіе моей болѣзни, слѣдующую для меня порцію и подаль мнѣ печашное насшавленіе, какъ держашъ себя въ продолженіи лѣченія; а въ заключеніе проговорилъ длинную рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ, изъ кошорой ни слова я не понималъ. Наконецъ съ покло-

номъ подалъ мнѣ картонный билетъ съ № 22 и сдѣлавъ ручку, какъ дѣлають малымъ дѣтямъ, вышла вонъ.

Такое спроее и холодное обхожденіе, обнадеживало меня въ томъ, что Лѣкаръ знаетъ свое дѣло и что мнѣ можно на него положиться. Оспавшись одинъ я окинулъ взоромъ назначенную мнѣ комнату и сказала себѣ: “довольно хорошо!”, но осмотрѣвшись, увидѣлъ, что все зданіе наскоро сколочено изъ досокъ и кругомъ дуешь сквозной вѣтръ. “Это плохо! подумалъ я, но можно помочь, обивъ у кровати спѣну ковромъ. Другая деревянная кровать будетъ служить мнѣ вмѣсто дивана...Спаль и чепыре спула!..О! это славно! Я могу расположиться здѣсь очень покойно., Спроееніе раздѣлено по длинѣ коридоромъ, на улицу расположены жилые покои, прошиву ихъ ванны, наполненныя согрѣшою помощію желобовъ минеральной водою. Два выхода находящяся по краямъ и шрепій въ срединѣ, опъ чего въ коридорѣ всегда свисшишь сквозной вѣтръ.

Коляска изъ города возврапилась и ванна была гошова. Докпоръ, съ засучен-

ными рукавами, вошелъ и попросилъ меня раздѣться; между шемъ съ помощію пермометра установилъ степень жара воды, копорой шеплоша поспешенно уменьшалась до степени шеплоты парнаго молока, и приказалъ мнѣ сидѣть полчаса, прибавляя каждый разъ по при минушъ, а послѣ шешой ванны, въ копорой сидѣть должно ровно часъ, убавлять по 5 минушъ. Опъ двѣнадцатой ванны снова прибавлять до часа. Такимъ образомъ шешьдесятъ соспавяпъ полный курсъ. Послѣ сего надобно пяшъ, или шешъ дней опдохнушъ, и если кшо пожелаешъ возобновишъ пользование ваннами, шо начинашъ и продолжашъ прежнимъ порядкомъ.

Баршфелдскія минеральныя воды жельзнаго свойсшва, съ малою примѣсью сѣры, столь дѣйствительны, что ихъ предпочишаюшъ всѣмъ другимъ шого же свойсшва водамъ. Посему слабымъ упошреблять ихъ должно съ осторожностію. Цвѣшъ воды красновашый, запахъ прошивной, дѣйствіе удивительно скорое. Въ первый разъ я не могъ выдержашъ болѣе 15 минушъ. При малѣйшемъ дви-

женіи давило грудь, какъ бы на оную положена была тяжесть, дыханіе останавливалось, все шло сжало и покрыло какою-то ржавчиною, опъ копорой испортилось употребляемое бѣлье. При второй ваннѣ дѣйствіе еще было сильнѣе, кровь во всей лѣвой рукѣ пришла въ движеніе; мнѣ казалось, что у меня на каждомъ мѣстѣ бьется жила; во впулкахъ же ранъ движется часовый маятникъ, копорый при каждомъ ударѣ увеличиваетъ біеніе сердца. Опъ давленія воды на грудь, я едва могъ дышать; почувствовавъ, что у меня въ глазахъ шемнѣло, выскочилъ я вонъ, и къ удивленію примѣшилъ, что больная рука покрыва была пузырьками, мгновенно изчезавшими и наполнявшимися, пока не спекла съ руки вода. По мѣрѣ, какъ дѣйствіе руки слабѣло, рука начала разгибаться, пальцы шевелились; послѣ шести ваннъ я уже безъ шруда и съ удовольствіемъ просиживалъ назначенное время: шло сдѣлалось гибче, шеры крѣче и цвѣтъ лица свѣжѣе.

На другой день началъ я пить воду, разумѣется неочищенную, сначала съ виномъ, потомъ съ молокомъ. Первые

при дня съ великимъ отвращеніемъ на-
силу могъ выпивать по шести спака-
новъ поушру и ввечеру; попомъ пиль
по двѣнадцати, а наконецъ шакъ при-
выкъ, чшо пиль ее проспо безъ всякой
примѣси и безъ всякой мѣры. Вода, смѣ-
шанная съ нѣсколькими каплями вина,
кипитъ какъ Шампанское; бьетъ въ
верхъ иглами и спановишся споль спир-
шовашою, чшо я съ прехъ спакановъ
всегда чувспвоваль себя въ польпьяна; но
сіе вредитъ груди и располагаетъ къ
простудѣ, весьма опасной въ продолже-
ніи лѣченія. Докторъ приказаль мнѣ пишь
воду съ козьимъ молокомъ; ибо шакое
смѣшеніе излѣчаетъ даже чахопныхъ. Сіе
пишье шакъ припорно, чшо я безъ поз-
воленія началъ пишь съ виномъ и про-
спую воду, за чшо и былъ наказанъ, какъ
обьясню послѣ. Вообще, сколько бы кшо
во время жаровъ опъ жажды ни выпиль
сей цѣлишельной воды, она не дѣлаешъ
никакой пяхеспи въ желудкѣ; напро-
пивъ сперва очищаетъ, попомъ укрѣп-
ляетъ оный шакъ, чшо я всякой день, по-
добно приливу и опливу, правильно и въ
извѣспный часъ, при видѣ накрышаго

спола, чувствоваль чрезвычайный аппетишь и ѣль, можно сказаць, за шрехъ, безъ всякаго вреда. Вода, при легкой діетѣ и при порядочномъ движеніи, производишь удивительныя дѣйствія. Не говоря уже о себѣ самомъ, я видѣль совершенно разслабленныхъ спарцевъ, послѣ нѣсколькихъ дней лѣченія бодро и весело прогуливающихся и славящихъ Бога. Тушь не нужно никакихъ лѣкарствъ, развѣ только шѣмъ, копорые любяшь выпишь и объѣдашь. Жаль, что сіи невоздержные люди, возвращаясь съ водъ еще болѣе больными, нежели приѣхали на оныя, лишаютъ цѣлишельность здѣшнихъ водъ, заслуженной ими славы. Способъ лѣченія шакъ облегченъ, что даже не нужно пособіе врача; припомъ правительство сдѣлало шоль благоразумное распоряженіе, что больному, снабженному Докпорскимъ билетомъ, не дадутъ шого, что ему вредно. Однаждѣ вздумалось мнѣ пошребовать жареныхъ грибовъ; содержашель шракшира опказаль подѣ предлогомъ, будто всѣ вышли. Вскорѣ примѣшилъ я обманъ, пошому что другимъ безпрестанно подавали жареные грибы. Я спросиль

пракпирщика, какъ смѣлъ онъ обманывать меня?—“Милоспивый Государь! опвѣчалъ пракпирщикъ, напрасно изволише гнѣвашся: я не смѣю дасть вамъ того, что запрещено Докпоромъ, живущему въ 22 номерѣ., Это меня успокоило и обрадовало. Больные обязаны наблюдать предписанный порядокъ: когда пить воду, когда обѣдать и ложиться спать; всему назначено время. День проходишь въ занятіяхъ приятныхъ, и мнѣ кажется, не столько воды, сколько порядокъ въ жизни и совершенная свобода въ обращеніи возстановляетъ здоровье. Вотъ какъ здѣсь проводятъ время: встають въ пять часовъ; въ шесть, по звону колокола, больные собираются къ колодезю и начинаютъ пить воду; въ два часа надобно окончить определенную Докпоромъ мѣру. Въ продолженіи сего времени никто не долженъ сидѣть, но ходитъ безпрестанно, дабы движеніемъ помогать дѣйствію воды; однакожь должно остерегаться, что бы скорою ходьбою не утомишь себя. Въ осьмомъ часу всѣ собираются въ круглую залу, гдѣ каждому подаютъ порцію кофе, а слабымъ грудью жид-

кїи шоколадъ. Ошдохнувъ часъ, идутъ въ ванну; послѣ того часа два оспаюся каждый въ своей комнашѣ, и многіе, по совѣшу врача, ложатся въ это время въ постель. Въ полдень опять собираюся въ залу; въ часъ идутъ въ пракширъ, гдѣ больные помѣщаются въ особыхъ комна-тахъ, и имъ, какъ я сказалъ выше, пода-ютъ блюда, предписанныя Докторомъ. Съ больными обращаюся здѣсь, какъ съ дѣшми; не говоряшъ имъ: *это и это вамъ вредно*; но проспо не дадушъ ниче-го, запрещеннаго врачомъ. Для всѣхъ поль-зующихся діета почти одинакова, а по-тому пракширные служители не мо-гутъ ошибиться и скоро привыкаюшъ къ лицамъ. Никшо изъ слугъ и работниковъ при ваннахъ не смѣешъ просить у боль-ныхъ за шруды и на водку, и никшо не беспокоитъ ихъ до выздоровленія ника-кими счетами. Комната съ двумя ван-нами въ день спшитъ флоринъ (80 копѣ-екъ); обѣдъ и ужинъ два съ половиною флорина; завтракъ и полбутылки вина, или пива, еще флоринъ, или полшора. Цѣ-на весьма умѣренная, почти ничтожная; но здоровые, которые приѣзжаютъ сюда веселишся, плашатъ вшрое.

Послѣ обѣда, въ чешыре часа, шемъ же самымъ порядкомъ начинаюшъ пить воду и прогуливашся; послѣ берущъ ванну и ложащся спать въ 9 часовъ. Ужинъ подается легкой; совѣтуюшъ совсемъ не ужинать, или по крайней мѣрѣ не прежде двухъ часовъ послѣ ужина ложиться въ постель. Для утоленія жажды, пьюшъ минеральную воду; а все соленое, кислое, копченое, рыбу, молоко, масляное кушанье, всякіе свѣжіе овощи и ягоды спрото запрещаются: ибо оныя весьма вредны для шѣхъ, копорые употребляютъ воду. Даже по окончаніи курса лѣченія надобно наблюдать ту же діету въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ.

Мнѣ очень понравилась здѣшняя жизнь: знакомства дѣлаюшся, пакъ сказать, при первой встрѣчѣ, и продолжаюшся шемъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ обращеніи избѣгаюшъ всякой принужденности. На другой день я былъ уже со всѣми знакомъ; болѣе всѣхъ ласкались ко мнѣ раненные Австрійскіе Офицеры, особенно мой добрый сосѣдъ Кнаппшохъ, Капитанъ пѣхотнаго Симпшена полка: онъ совершенно завладѣлъ мною съ самаго по-

го дня, какъ началъ съ помощію коспыля прогуливаться — и какъ важно опирался онъ о свой коспыль! Теперь немного еще пользующихся, потому что обыкновенно съѣзжаются къ водамъ въ Іюнь мѣсяцъ; но общество уже столько велико, что не прудно найти по себѣ поварища, съ которымъ можно приятно проводить время. Разговоръ почти никогда не прерывается и, кажется, самый спраждащій, согбенный недугами, забываешь въ веселомъ кругу, свою болѣзнь. Въ такомъ множествѣ людей, съѣхавшихся съ разныхъ споронъ, можно найти всякаго состоянія. Духовные, свѣтскіе, военные, ученые и просполудины, всѣ смѣшаны въ одной полѣ, и никто не кичится своимъ званіемъ и родомъ. Въ числѣ моихъ знакомыхъ были люди, которые участвовали во всѣхъ бипвахъ, опустошавшихъ Европу въ печеніи послѣднихъ 20 лѣтъ — во всѣхъ мирныхъ пракшахъ, которыми Наполеонъ усыплялъ кабинеты, что бы сыскалъ новый предлогъ къ войнѣ. Здѣсь я слышалъ такпическія и политическія разсужденія, происки дворовъ, поведеніе Миниспровъ и Генераловъ, и могъ сообра-

лишь всё ошибки, копорья едва не погубили Австрійскую Монархію . Здѣсь я удосповѣрился на опытъ въ справедливости слѣдующаго достопамятнаго изрѣченія: “все искусство наблюдателя заключается въ двухъ правилахъ: *слушать разговоръ богатыхъ и заставлять говорить бѣдныхъ.*”, Держась сихъ правилъ, охотно заводилъ я разговоръ со старымъ инвалидомъ, съ миловидною разнощицею цвѣшовъ, съ купцомъ и прудолюбивымъ поселяниномъ. Нерѣдко, послѣ занимательной бесѣды съ ними, обвинялъ я слѣпую Форшуну, что она, при раздачѣ наградъ своихъ, часто бываетъ несправедлива .

Съ удивленіемъ замѣчалъ я, что дамы не шакъ скоро знакомятся, какъ кавалеры . Едва вновь приѣзжее сѣмейство явится на прогулку, кавалеры вмѣшаюся въ толпу и пошчасъ найдутъ себѣ знакомыхъ; попрошивъ пого дамы оспаюся однѣ, какъ сироты, и принуждены выдерживать нескромные взоры мужчинъ и украдчивые, сапирическіе взгляды особъ своего пола, въ копорыхъ обидное любопытство , соединенное съ пренебрежительною улыбкою , кажешся, говоришь:

“Ничего нѣтъ хорошаго! Какъ одѣшныя
 “молчаливы! Конечно пошому, что боят-
 “ся обнаружитъ недоспашокъ ума и лю-
 “безносши!., — Дня два, или при, приѣз-
 жія не начинаютъ еще говорить со сво-
 ими сосѣдками, а между темъ окружаешь
 уже ихъ ласкапельная толпа молодыхъ
 щеголей; но мало помалу и онѣ знакомят-
 ся, дружатся и общими силами старающ-
 ся кружитъ головы вертопрахамъ: однѣ
 для препровожденія времени; другія для
 того, что бы не ошашься праздными,
 или не показаться слишкомъ спругими
 и гордыми. Многія дѣлаютъ это изъ од-
 ного шщеславія, стараясь блеснуть сво-
 ими нарядами и любезносшію; но онѣ-то
 чаще всего попадаются въ собственныя
 сѣпи. Матери сѣмействъ приѣзжаютъ
 сюда съ шюю цѣлю, что бы въ шумномъ
 кругу распочительныхъ богачей, сыскашь
 хорошую паршію взрослымъ дочерямъ. Ба-
 лы, маскарады, спектакли, прогулки и
 образъ жизни, соединяющій вмѣстѣ вы-
 годы городской съ деревенскою, способ-
 ствуешь къ тому какъ нельзя болѣе.

Я приѣхалъ сюда лѣчишься, а не для
 разсѣянносши, и пошому не искалъ ко-

ропскаго знакомства въ блестящихъ обществвахъ дамъ. Кромѣ моего сосѣда Капитана Кнапшпоха и Епископа Графа Бриджидо, роднаго брата бывшаго Губернатора въ Триестѣ, никого я не посѣщаль и имѣль причины бытъ шемъ довольнымъ. Бесѣда почтеннаго и умнаго Епископа хопя сосшавляла совершенную прошивоположность съ бесѣдою просподушнаго воина; но я предпочишаль первую послѣдней, хопя съ равнымъ удовольствіемъ проводиль время съ шемъ и съ другимъ. Епископу уже за семьдесятъ лѣтъ; но какъ онъ проживаетъ здѣсь обыкновенно мѣсяца по два: шо, кажется, не старѣе пятидесяти; онъ добръ, довольно крѣпокъ и имѣетъ еще краску въ лицѣ. Сей почтенный спарець шакъ просподѣвается, шакъ снисходителень въ обхожденіи, что я всегда опасался какого либо неприличія, когда начиналь онъ разговоръ съ нашими Офицерами, что онъ дѣлаль, какъ мнѣ казалось, не изъ одного любопытства и вѣжливости, но изъ особеннаго расположенія къ Русскимъ. Однажды подошелъ онъ къ нашимъ Офицерамъ, которые курили по здѣшнему обык-

новенію изъ большихъ Венгерскихъ шрубокъ. Я пошчасъ предупредилъ моихъ шоварищѣй, кшо это шакой, и всѣ осшавили шрубки. Епископъ уговорилъ ихъ, чшо бы продолжали куришь, приказаль подашь мнѣ шрубку, и по ушрашь, когда прогуливались у колодца, всегда насшояшельно шребоваль, чшо бы я, ходя съ нимъ, нешремѣнно курилъ.

Всѣхъ болѣе обращаль здѣсь на себя вниманіе одинъ Кирасирскій Полковникъ, пошерьавшій въ Ваграмскомъ сраженіи ногу. Сынъ Юнкеръ и дочъ лѣшь 17 ши, прелешная, кропкая, какъ Ангель, возили его въ небольшой шельжкѣ. Лазуревые глаза прелешной дѣвицы, свѣжій ея румянецъ, бѣлокурые локоны, небрежно разбросанные по алебаспровымъ плечамъ, и всегда одинакое бѣлое плашье, подпоясанное голубою леншою, дѣлали разишельную прошивоположностъ съ видомъ ея браша, юноши, споль же почши прекраснаго, какъ и она, кошорый въ своемъ воинскомъ нарядѣ, и покрышый, шаъ сказашь, огромнымъ шишакомъ, осѣненнымъ дубовою вѣшвию, казался еще милѣе. Ошець сшарикъ лѣшь пшшидешши, съ ошкры-

шою головою, убѣленной сѣдинами, въ покойномъ мундирномъ серпукѣ, съ орденомъ Маріи Терезіи на груди, и съ шрубкою во рпу, дополнялъ каршину. Едва показывалась сія спранныя группа, всѣ спѣшили къ ней на вспрѣчу и поздравляли почтеннаго вешерана и его почтительныхъ дѣшей съ добрымъ ушромъ. Епископъ вспрѣчалъ ихъ у самаго колодца, и съ благословеніемъ подавалъ ковшъ цѣлишельной воды заслуженному воину. Знапные господа подходили къ нему одинъ за другимъ, и предлагали свои услуги; дамы спорили кому изъ нихъ въ первую очередь везти его шелѣжку; кавалеры закуривали и подавали ему шрубку; словомъ: умишльное сіе зрѣлище возбуждало всеобщее къ нимъ вниманіе, и всѣ наперерывъ спарались приласкать скромную дѣвушкѣ и милаго ея браша. Я слышалъ въ Лембергѣ, что Князь Чарпорижскій выпросилъ у Императора въ своемъ полку Поручичій чинъ сыну и предложилъ отцу свой домъ въ Вѣнѣ; а одинъ спарый холоспьякъ, въ веселый часъ, сдѣлавъ банкъ, объявилъ, что весь выигрышъ назначаетъ онъ въ приданое дочери храбраго Полков-

ника. Богачи сыпали на споль горшьями червонцы, спавили на одну закрышую каршу и проигрывали. Говорять, что дѣвушка, сдѣлавшись богатою невѣсною, была въ затрудненіи выбрасть жениха, и несмотря на самыя лестныя предложенія, ошталась при почтенномъ своемъ родителѣ.

Фамилія Енгель, одна изъ самыхъ почтеннѣйшихъ и живущихъ въ Баршфельдѣ фамилій, болѣе всѣхъ прочихъ оказывала вниманія и гостепріимства Русскимъ. Несмотря на краткое пребываніе проходящихъ чрезъ Баршфельдъ Русскихъ колоннъ, всѣ почти наши Офицеры успѣли познакомиться съ симъ домомъ. Марія и Луиза Енгель, прелестныя, живыя, веселыя въ обращеніи и благовоспитанныя дѣвушки, искреннія какъ юноши, говорливыя какъ женщины и скромныя какъ Нѣмки, успѣли многимъ вскружить головы—успѣли приковать на нѣсколько дней къ своей поржешвенной колесницѣ многихъ легкомысленныхъ, и хопя могли бы успунить полдесятка обожателей другимъ искашельницамъ, копорыя шолько съ шемъ намѣреніемъ и приѣхали къ ми-

неральнымъ водамъ, что бы имѣть для прислуги и для парада нѣсколько кавалеровъ; но ни одного, изъ пщеславія, не успутили. Повидимому мать и дочери желали выбрать по одному, и отправились въ Россію; но во множествѣ не знали на комъ остановились: нынѣ прельщались однимъ, завтра другимъ и кончили шемъ, что имена обожашелей остались у нихъ только въ альбомахъ.

Послѣ 12 ваннь, я могъ опускашь и подымашь руку, сжимаешь кулакъ, могъ уже держашъ пусшую бупылку; словомъ, къ великой моей радости, почувспвовалъ что буду съ рукою. Съ 15 числа небо покрылось мрачноспію, проливный дождь, продолжавшійся нѣсколько дней съ ряду, казалось, грозилъ попопомъ. Холодный вѣпръ и пасмурная погода принудили меня оставашъ въ комнашѣ съ любезнымъ моимъ Кнашшпохомъ. Окупавшись сколько можно теплѣе, сидѣли мы запершись, не примѣчая какъ лешѣло время. Нѣсколько часовъ съ ряду, не сходя съ мѣсна, играли мы въ шашки; выигравшій партію рисовалъ на доскѣ портрешъ проигравшаго и послѣ каждой выигранной партіи

прибавлялъ къ порпрепу пѣшушьи ноги, волчью голову въ колпакъ, лисій хвостъ, шпагу на правомъ боку, прубку во ршу, и шому подобное. Такимъ образомъ, кто прежде успѣлъ нарисовать полную карикашуру, шопъ имѣлъ право заспавишь побѣжденнаго прыгашь на одной ногѣ, или, вскочивъ ему на спину, гоняшь его по комнашѣ сколько угодно, а послѣ принудишь выпишь бушылку воды безъ ошдыха. Въ шакихъ шалоспяхъ проводили мы, смѣючись, цѣлые дни. Придворный Лѣкаръ, посѣщавшій насъ по ушрамъ и вечерамъ, сколько ни былъ важешъ и угрюмъ, но всегда убѣгалъ ошъ насъ съ коликою. Однажды почшленный Епископъ заспалъ насъ въ эшихъ заняшяхъ, и посмѣявшись довольно, предложилъ Кнапшшоху выпишь вмѣсто воды, бушылку Токайскаго.

Сколько ни берешся я, но проспудился, и проспудился очень сильно. Зубная боль и жаба въ горлѣ принудили меня откашаться ошъ лѣченія. Авспрійскій Лѣкаръ запрешилъ мнѣ упошребляшь ванны и пишь воду, объявивъ, что въ моемъ положеніи не шолько не будешъ ошъ нихъ никакой пользы, но должно еще ожидашь

большаго вреда. Ипакъ получивъ необходимо нужныя для меня въ дорогѣ лѣкарства опъ Медика 6 й колонны, рѣшилсѣ я, съ другомъ моимъ М. Л. Н...ъ, ѣхашъ впередъ .

Я хопѣлъ выѣхашъ поушпру; но начальникъ Балшійскихъ колоннъ М. Т. Быченскій непремѣнно хопѣлъ, что бы я у него опобѣдалъ. Угощали главнаго Авспрійскаго Комисара Подполковника Радецкаго и подчиненныхъ ему Кваршпермиспровъ, сопровождавшихъ наши колочны. Обѣдъ былъ самый пышный: вина не жалѣли; сначала по обыкновенію церемонились—но къ концу спола робосшь успушила мѣсно смѣлости, молчаніе разговорчивосши; всякой хопѣлъ говорисъ и никшо не думалъ слушашъ; каждый сѣлъ на своего скакуна, и приглашалъ сосѣда полюбовашъсѣ его легкосшію.

В. Броневскій.

ОПИСАНІЕ САДА Г. ГАНИНА *).

Сады Господина Ганина, состоящій въ Санктпетербургѣ, въ Рожественской части на берегу Невы рѣки, близъ Смольнаго монастыря, расположенъ на ровномъ и возвышенномъ мѣстѣ, и выше дороги московской около двухъ аршинъ; онъ не великъ, однакожь и не малъ въ сужденіи частнаго человека. Въ семь садѣ, по его расположенію, любопытный много найдешь *неожиданнаго*.

Прекрасныя двѣ колонны съ улицы показываютъ входъ въ оной.

Взойдя на лѣстницу внутри сада первый предметъ представляется глазамъ *водобой*, или *фонтанъ*, бьющій воду въ чешыре аршина. Прекрасное зрѣлище и прохлада, а особливо въ жаркое время!

А за темъ цѣлый рядъ мраморныхъ ступай *миѳологическихъ*, изъ коихъ восемь *колоссальныхъ* **), а двѣ поясныя изъ бѣлаго мрамора.

---

*) Напечатано со всевозможною точностію. Издашель не перемѣнилъ ничего, кромѣ знаковъ препинанія. *Изд.*

**) ш. е. въ естественную величину. *Изд.*

Позади сихъ видна на *розовомъ* полѣ, за фоншаномъ, въ рѣшешкѣ на пѣдеста-лѣ, *искусственная* Индіанка, съ напу-ральными изгибами плашья изъ разныхъ раковинъ, держащая въ рукѣ прекрасную пшичку изъ жемчужныхъ раковинъ.

Это *розовое* поле, попому я назвалъ, что оно вокругъ обсажено розами; сре-дина же онаго представляешь... *коверъ живой муравы*, и по краямъ подѣланы широкія дорожки, по которымъ публика гуляешь, и множество рѣшешчашыхъ скамѣекъ для отдохновенія.

Остановясь у фоншана, вправо и влѣ-во, и далѣе, куда не посмотришь, вездѣ видна *рука искусства и вкуса хозяина*; всякое мѣсто восхитительно и привле-кательно, и всякая вещь на своемъ мѣ-стѣ. Я вошелъ въ садъ вечеромъ и гулялъ одинъ одиноконекъ, и мнѣ было время са-мое удобное, *по моему врожденному лю-бопытству*, разсмотрѣшь въ немъ все подробно.

Когда я вступилъ въ садъ *ногою*, пог-да были уже послѣдніе лучи солнца, скрывающагося изъ сада; они меркали и

проникали *) сквозь вѣшвы величественной предъ моими глазами липовой рощи слабо. Въ этой рощѣ бываетъ по воскреснымъ днямъ хоръ музыкантовъ, и оглоски хора наполняютъ воздухъ на берегахъ Невы рѣки окрестности; они (?) кладутъ свои ноты на приготовленныхъ для того столахъ.

Опъ фонпана влѣво видѣнь большой въ саду домъ, а предъ *и.и.б.*, въ кругу, восемь большихъ густыхъ липъ, подъ которыми шестъ рѣшетчатыхъ зеленыхъ скамеекъ привлекаютъ гуляющихъ къ ошдохновенію; а особливо, не менѣе того, и шѣнь сихъ липъ сокрываетъ опъ солнца гуляющихъ, и въ помъ же кругу липъ въ кругломъ балюспрадѣ поставлена *искусственная* дѣвушка съ жалкими видомъ, и со слезою на щекѣ, держа въ рукѣ своей ручку опъ кувшина, а кувшинъ разбишой лежишь у ногъ ея на полу съ лиющеюся водою.

Пройдя ее, предъ балкономъ поставлена полстая изъ дикаго камня ко-

---

*) Спихопворно!

лонна; на колоннѣ большая чугунная ваза, и въ ней горшокъ съ цвѣшкомъ.

Прежде сего времени, года по два я видаль на окнѣ того дома хруспальный сосудъ съ водою, и въ немъ рѣзвились Африканскія рыбки: нѣскольکو серебряныхъ, а одна золопая, и сія послѣдняя обращала на себя всѣхъ, кто шель мимо окна, вниманіе; но нынѣ ихъ уже не видно. Эта золопая рыбка, ныряя въ водѣ, оспавляла въ слѣдахъ своихъ блескъ чистаго золопа.

А вправо отъ фонпана видна руина, осыпанная охруспалованными камнями, и въ ней пещера и комнаша, въ кошорой диванъ, пошолокъ и спѣны убраны бѣлымъ и чернымъ мохомъ.

Далѣ башня съ флагомъ гошическаго вкуса. Наружноспъ оной хотя и не совсемъ правильная; но за то высокія березы, осѣняющія оную, дѣлають меланхолическій видъ, а особливо, когда во внушренность ея взойдешъ — шамъ предшавися взору прекрасная палашка, на манерь Турецкихъ шалей, съ креслами, покрышыми изъ шой же матеріи, и съ двумя наборными споликами. Въ ней иногда хо-

Зайнъ угощаетъ своихъ знакомыхъ прохладительными напиткими. Проходя же башню, видны вправо кегли, искусственная львица въ пещерѣ со львенкомъ, на которую лепишь крокодилъ съ разинутою пастью, и входъ въ оную закрываешь желѣзная сѣпь; а потомъ запираешь желѣзною дверью; круглой, зеленой споль около дерева калины, и съ круглыми такими же скамѣйками, и все это рѣшетчатое, обсаженное вокругъ цвѣтами; а зашемъ уже превысокая лѣтняя гора, съ колясочками, и по дорожкѣ у всей горы скамѣйки зеленыя, рѣшетчатыя.

Оборачиваясь назадъ на прежнюю дорожку, предшавляешь горка, березникомъ обсаженная, а потомъ спустишься должно въ лощину: шуть видны солнечныя часы; а вправо большая полѣнница дровъ березовыхъ крыша соломою; но въ ней прекрасная свѣплая бесѣдка со сполломъ, со спульями и креслами для отдохновенія; возвращаясь же ошь бесѣдки вправо, взойдешь на другую такую же щочно; горку, какъ и первая, березникомъ же обсаженную.

При концѣ второй горки предшав-

ляешся храмъ въ два эшажа; нижній эшажъ онаго съ двумя Венеціанскими окнами и дверями; одно окно въ садъ къ Невѣ, а другое на другую улицу; а по стѣнамъ онаго пославлены пѣдесталы, и на ихъ бюсты гипсовыя: по одной споронѣ Императрицы Екашерины II, Румянцова-Задунайскаго, Попемкина-Таврическаго, Суворова - Рымникскаго - Испалійскаго, Кушужева - Смоленскаго, Юлія Цесаря Римскаго; а по другую спорону: Императора Павла I, Короля Прусскаго, Фридриха II, Римскихъ: Ромула, Капона и Каракаллы, и ученыхъ мужей, какъ по: Гомера, Сократа, Платона, Виргилія, Волтера, Цицерона, Сенеки, Руссо и прочихъ; а по срединѣ большой билліардъ; многое число кресель и софа. Билліардъ сей часщо выносятся, я видалъ тамъ панцующихъ.

Вышедъ изъ нижняго эшажа того храма, подняшья должно по наружной лѣспницѣ во вшорый эшажъ, гдѣ большихъ 12 оконъ дѣлающъ великой свѣшъ, и сей свѣшъ изливается и въ нижній эшажъ посредствомъ большаго по срединѣ опверзшія, окруженнаго перилами, гдѣ

можно около онаго спояшь музыкан-
памъ, а далѣе можно сполы поставишь
для каршъ; по спѣнамъ же поставлены
чрезъ каждый спуль гипсовыя спашуи,
какъ по: Венера, Купидонъ и *тому по-*
добныя; а на храмѣ семь снаружи сдѣла-
на надпись:

НЕ ЗАЧЕМЪ ДАЛЕКО И ЗДѢСЬ ХОРОШО!
За храмомъ поставлены разныя качели,
и первая изъ нихъ называется: *Париж-*
ская; главное ея основаніе—полстая ко-
лонна, а поопдалѣ вокругъ ея поставле-
ны еще пять колоннъ, и на нихъ сдѣланъ
кругъ съ полстыхъ досокъ въ нѣскольکو
рядовъ; на поверхности же въ большой
колоннѣ продѣсны и укрѣплены другіе два
бруса, и на концахъ оныхъ прицѣплены
четыре колясочки, на дугахъ желѣзныхъ
на подобіе, какъ у ведра, и въ помощь
имъ держупъ тѣ колясочки еще и верев-
ки, и такимъ образомъ люди, сидя въ
колясочкахъ, лешають по воздуху, опу-
скаясь и внизъ и сверхъ, на чугунныхъ
колесахъ по кругу.

Вшорыя качели, ушвержденные по-
же на двухъ брусьяхъ, вдѣланыхъ въ ко-
лонну о восьми мѣсплахъ: ихъ качаешь о-
динъ человекъ весьма легко.

Трешія качель веревочная.

Чешвершая качель шакая же.

Пятая качель высокая, изобрѣшенная въ Россіи о чешырехъ бесѣдкахъ, ушверженныхъ въ брусья, возвышающихся вверху и внизъ, управляемая машинальнымъ колесомъ.

Колонна, пославленная съ желѣзными крючьями, на копорыя кидаются мѣдныя кольца.

Противъ сихъ качелей сдѣланъ прекрасный дугою моспикъ на оспровъ, по срединѣ пруда лежащій; въ одну спорону онаго на водѣ спойтъ корабликъ, аршина въ два, прехпалубной; а по другую спорону яликъ для кашающихся. Восходя на моспикъ, первый предметъ попадаешся памятникъ, часпю изъ мрамора, а часпю изъ камня сооруженной, и въ ономъ заложена доска чернаго мрамора со слѣдующею надписью: *Марицъ другу*, а внизу связанная бронзовыя двѣ буквы *Е. Г.* Сей памятникъ окруженъ живыми кленами и сосенками. Минуя памятникъ, пошчасъ любопытный увидишь себя на оспровку, обсаженномъ кругомъ обсприженными березками, гдѣ пославлены чешыре рѣ-

шѣпчущія зеленія скамѣйки, и два спо-
ла съ каменными досками; а напропивъ
острова видны регулярные два полу-
спровка; а за ими высокій зеленый валь,
и на валу на цѣдеспалѣ посшавлена ко-
лоссальная спашуя: *Венера - Медицисѣ*; а
валь обсаженъ въ одинъ рядъ березками,
и зашемъ еще крѣпоспъ съ бупками и
пушками; а между полуоспроками въ га-
вани споиить яхточка съ флагами и съ
двумя мѣдными пушками; а сверхъ того
весь оный прудъ *круголиѣ* съ прехъ спор-
онъ *окружаютѣ* длинныя съ зеленою му-
равою перспекпивы, обсаженныя превы-
сокими, шѣнспыми деревьями и съ до-
рожками вкрай воды.—Я приведенъ былъ
симъ зрѣлищемъ въ изумленіе! Тупъ по-
рядокъ и успройсшво; тупъ пахучія пра-
вы, перемѣшанныя, съ аромашическими
зимними цвѣтами, привлекающъ взоры
каждаго, и засшавляющъ удивляться. Ког-
да гуляющіе пожелающъ обозрѣшъ другой
садъ, опдѣльный опъ перваго: шогда, воз-
вращаясь на моспъ, оставляя все *выше-*
ознаменованное, идушъ впередъ и не вспу-
пая на границу опдѣльнаго сада, повора-
чивающъ влѣво по узенькой дорожкѣ, у-

смаприваюушь маленькой, свѣшлый грошикъ, съ половинчашымъ куполомъ. Онъ весь въ спеклахъ; внупреннїя стѣны се-го грошика и куполь убраны тысячами маленькихъ раковинъ, и припомъ весь успавленъ сполами съ минераллами; а сверхъ того, въ своемъ мѣстѣ, поспавлены двѣ высокія пирамиды, до верху украшенныя кораллами, разными камнями и рудами; а у оқонъ грошика чрезъ сиекла видны поспавленныя на колоннахъ, какъ по: половина большой морской раковины, и кажешя по величинѣ ея пѣжеспъ въ ней *пуда съ два*; еще морской окаменѣлый мохъ шакого же вѣса, и нѣсколько вазъ, украшенныхъ разными раковинами; а всего ближе чрезъ сиекла на первомъ столикѣ видны слѣдующїя рѣдкостни окаменѣлыя: *матка пѣль*, или *сота медовая*, окаменѣлый грибъ, окаменѣлая аквамаринная машка, и другая машка золошаго *бирилля*, въ койхъ видны пророспшіе поспѣлые камни; шупъ же прозрачныя камни дымчашаго шопаза, а одинъ въ кучѣ *недоспѣлой* большой шопазъ съ напуральными гранями, капельникъ извесшковой, родившїйся въ норѣ, въ горахъ

Сибирскихъ, и другой капельникъ малахита, прекрасный лабрадоръ, окаменѣлая улипка, красная яшма въ сѣромъ камнѣ, два дерева окаменѣлыя съ вѣтвями, окаменѣлый кусокъ дерева, въ коемъ видны слѣды попора, окаменѣлая съ *порами* внутренность живописнаго; раковина жемчужная, въ срединѣ которой видно лице человеческое; маленькая раковина, представляющая голову Турка въ чалмѣ съ бородою, глазами и носомъ; яшма красная, на которой нашупа изобразила шравку, и проч.

Возлѣ сего самага гропика лежиць узенькая дорожка на земляную гору, называемую *Парнассомъ*; она сдѣлана виншомъ, и ни мало *незатруднительная* *восходитъ* на оную, ибо она очень пологая съ перилами, и вся обсаженная березками и рябинками. Вышина сего Парнасса будетъ при сажени; но окружность гораздо больше; на поверхности горы бесѣдка съ колоннами, крышая *оваломъ* *жестью*.

Сходя съ Парнасса и оборачиваясь назадъ, вступишь должно на границу опдѣльнаго сада, и первый предметъ для взора огромная, рѣшетчатая бесѣдка, о-

бросая вся зеленью, образуешь въ себѣ многіе выходы, и ежели изъ оной выдти вправо, то граница большой проѣзжей дороги закрыва заборомъ и обсажена высокою акаціею и березками; а влѣво прошивъ сего зеленое поле, обсаженное въ два ряда подстриженными березками, а за темъ грунцовыми цвѣтами: а между ими и заборомъ съ акаціею, убитыя щебенемъ широкія дороги, а за цвѣтами видно поле; а за темъ еще возвышеніе, или *террасъ* съ принадлежащими къ нему вмѣсто ступеней убитыми горками, и на шомъ возвышеніи поставлена чугунная спашуя воинственницы Клоринды, въ шипакѣ, съ перьями на головѣ, и съ копьемъ въ рукѣ, на такомъ же чугунномъ пѣдесталѣ. — Исторія *показываетъ*, что она во время кресповыхъ походовъ убила Танкредомъ. — Вся сія громада, кажется мнѣ, по меньшей мѣрѣ вѣсу въ себѣ имѣетъ не менѣе ста пудовъ; сверхъ того на *террасѣ семѣ* посажены кругомъ его *сырени* разныхъ цвѣтовъ, шнукъ до тридцати; и всѣ онѣ подстрижены равнымъ образомъ; также подстрижены шпалерникомъ разнаго рода между шеми *сыренями* и

цвѣтны, и есть на томъ перрассѣ рѣшетчатая зеленая скамейка. Поле же онаго возвышенія усыпанъ морскимъ пескомъ, смѣшаннымъ съ маленькими раковинками и улишками; попомъ сойдя съ перрасса и проходя дорожками кругомъ все это поле, при концѣ онаго за заборомъ еще въ отдѣльномъ саду, въ который входъ запертъ, видѣнъ амфитеатръ съ балкономъ крытой, въ которомъ иногда фигуры показываютъ свои фокусы.

Вышедъ изъ отдѣльнаго въ первый садъ, возлѣ перваго полуостровка видна за рѣшеткою у вала сидящая фигура гадальщицы на карпахъ и на кофѣ: а обойдя весь прудъ дорожками и миновавъ мостикъ и качели, у другаго полуостровка, у вала же за рѣшеткою, видна другая фигура Нѣмца, одѣшаго въ черное плащье, и который иногда встаетъ на ноги.

Отсюда миновавъ буфетъ, возвратился я къ фонпану, гдѣ принужденъ былъ любопытствомъ остановиться, и славъ къ Невѣ рѣкѣ, смотрѣлъ на стекловидную воду; она пребывала въ спокойной тишинѣ, и я любовался сею стихією. Неварѣка по крайней мѣрѣ ниже премо са-

женями сада. Потомъ простеръ я взоры на другой берегъ. На нагорномъ мѣстѣ видны изъ сада двѣ церкви большой и малой Охпы, спроющіеся фрегаты и прочія морскія суда; тамъ видны дома, каменные и деревянные, и синѣющія горы Колшунскія съ лѣсами. И все сіе образуетъ прелестный ландшафтъ! О! какое это здоровое мѣсто! Въ немъ хозяинъ, сказывающъ, болѣе тридцати лѣтъ живешь.

Не могу я утвердительно сказать, чѣмъ я все въ саду видѣлъ и описалъ; есть много такихъ вещей и мѣстъ, кои мною пропущены, и коихъ я не досмотрѣлъ. Сказывающъ, есть маленькая бесѣдка круглая, обсаженная акаціею, со столомъ и скамейками; большая клѣшка для пшницъ; у горы лѣпней просторное мѣсто, обсаженное деревьями, для продажи фруктовъ; въ отдѣльномъ саду въ боку обсаженное мѣсто деревьями, гдѣ играютъ въ *фортунку*. Самъ любопытный увидѣвъ можетъ все лучше, а входъ въ садъ позволяется всякому.

Любитель Изящнаго.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СМѢСЬ.

Парацельсъ, славный Химикъ, копорый утверждалъ, будто бы умѣеть дѣлать золото и продолжалъ жизнь нѣсколько сполѣтій, умеръ въ 1541 году въ Спразбургѣ, едва имѣя 47 лѣтъ опъ роду.

Плутархъ пишетъ, что жрица Феана, по настоянію Аѳинскаго Сенапа, должна была произнести проклятіе Алкивіаду за оскорбленіе Меркуріева кумира; но Феана отказалась опъ того, говоря, что въ ея званіи она можетъ только молиться и благословлять, а не проклинать и ненавидѣть.

Геродотъ, котораго Вольтеръ называетъ опцемъ лжи, описываетъ, что Вавилонъ былъ обширнѣйшій городъ, что всякая сторона онаго продолжалась на 120 стадій; что стѣны его имѣли въ вышину 200, а въ толщину 60 локтей; что онъ имѣлъ 100 мѣдныхъ воротъ, и наконецъ, что эпонъ городъ былъ такъ великъ, что когда неприятель вошелъ въ него, то на другомъ концѣ города узнали о томъ при дни сущія. Вѣрше же историкамъ!

Египтяне наказывали за праздность какъ за государственное преступленіе, и не шербѣли у себя ни шунейдцевъ, ни празднишатающихся. Германцы, по свидѣтельству Тацита, бросали въ грязь всѣхъ праздныхъ людей и оспавляли ихъ тамъ до смерти. Эта строгость весьма хороша: нищій, имѣющій здоровыя руки, ничемъ не оплмчаешся отъ преступника.

Султанъ Саладинъ, въ завѣщаніи своемъ, велѣлъ раздѣлить на равныя части оставшіяся у него деньги и раздасть ихъ бѣднымъ Магометанамъ, Жидамъ и Христіанамъ. Онъ хотѣлъ показашъ эпимъ, что всѣ люди братья, и что помогая людямъ, надобно знашь ихъ нужды, а не мысли. (*Corsaire.*)

~~~~~

А К Р О С Т И Х Ъ .

Любовь со мной была вдвоемъ,
И ея полнь—въ мечшъ чудесной—
Заснувъ, я видѣлъ сонъ прелестной!....
Узнай, кого же видѣлъ въ немъ! —

Н. Вороновъ.

~~~~~

ЭПИГРАММЫ.

1.

«Вы не узнаете Дамона:
 Совсемъ перемѣнился онъ!»,
 —Такъ чшожь? Наслѣдникъ милли-
 она

Имѣешь всѣ права перемѣнять свой шонъ.

2.

Клишь прожилъ десять лѣтъ въ
 Кишаѣ!..

И знашока шакого...въ чаѣ
 Едваль найдешь въ Кишайскомъ
 краѣ!!

3.

Тишь думалъ, что жена почѣха;
 Но поживя съ женой, узналъ, что есть же-
 на!...

Ахъ, Тишь! не разгрызя орѣха,
 Узнаешь ли досшоинство зерна?

БѢДНЫЙ МАКАРЪ.

“Нѣтъ ваканціи!”, сказала Федоръ, вошедъ въ спальню жены своей. Марья печально взглянула на блѣдное лице своего мужа, и со вздохомъ подала ему руку. “Напрасно ходилъ и просилъ я, продолжалъ Федоръ; напрасно кланялся и молилъ немилосердыхъ..*Нѣтъ ваканціи!* Вошь все, что я ошъ нихъ слышалъ!”, — Онъ поцѣловалъ жену, вздохнулъ и сѣлъ подлѣ нее. — Не унывай, мой другъ, сказала Марья, не унывай!... тебя знаютъ, и я предчувствую, что ты получишь хорошее мѣсто.— Федоръ взглянулъ на жену... она улыбнулась. “Да, да! я предчувствую, что ты получишь хорошее мѣсто — продолжала Марья, обнявъ своего мужа — предчувствія никогда меня не обманывали! — Федоръ молчалъ и уныло смотрѣлъ на догорающую свѣчу... Марья, не знала, что ей говорить болѣе, чемъ развеселишь своего мужа... и задумалась.

Бой часовъ прервалъ молчаніе. “Какъ поздно!”, сказала Федоръ! — Да, уже десять часовъ! — “Пора спать! Завтра еще разъ схожу къ Графу, и если не получу мѣста...”,

Нѣтъ! нѣтъ! ты увидишь, что Графъ не обманетъ тебя! Но развѣ ты не хочешь ужинашь?—Нѣтъ! я такъ уснулъ...и мнѣ такъ грустно ..., Федоръ вспалъ, и пошелъ раздѣваться... Марья вздохнула и велѣла служанкѣ сбираться со стола.

Федоръ, сынъ бѣднаго дворянина, получилъ въ наслѣдство отъ отца своего родительское благословеніе; а такъ какъ оно, говоряшь, дороже серебра и золота, то онъ смѣло спустилъ въ военную службу; въ сраженіи со Шведами его ранили въ ногу; онъ вышелъ въ отставку и женился на дочери Шшабъ-Лѣкаря, который его лечилъ.

Разговоръ, слышанный нами сей часъ, былъ двѣ недѣли послѣ этого брака.

Федоръ честный, но бѣдный, видѣлъ, что служба есть единственное средство къ пропитанію; ему обѣщали разныя мѣста, и только что обѣщали! Наконецъ дали ему мѣсто, невидное и трудное: но Федоръ принялъ его съ признашельностію; работалъ день и ночь; писалъ, переписывалъ, считалъ, повѣрялъ, и скоро началъ-

ники замѣшили его усердіе; Федоръ получилъ лучшее мѣсто... и предчувствіе... не обмануло Марью!

Имѣя хорошее мѣсто, Федоръ не краснѣя могъ уже показываться и въ Сокольникахъ 1 го Маія, и подѣ Симоновымъ 2 го Августа, и въ шеапрѣ, гдѣ ему очень нравился Ожегинь... Одинъ разъ въ Январѣ мѣсяцѣ, онъ поѣхалъ съ Марьей въ маскарадъ: уже подѣзжали они къ дому Зарубина, какъ вдругъ, Марья почувствовала необыкновенную боль.— “Умираю! вскричала она, домой! ради Бога домой!,, — Федоръ забылъ и Зарубина домъ и Никипскую и маскарадъ, сжалъ въ своихъ объятіяхъ спрадалицу и закричалъ кучеру: “домой! скорѣе! пошелъ!,, Но не такъ-по легко было возвратиться домой: множество карешъ, саней пѣнулись рядами къ маскараду, и сани Федора принуждены были сгояшь. Судите о положеніи бѣдной Марьи и хлопошахъ Федора! Онъ выскочилъ изъ саней, началъ разгонять карешы; но его не слушаютъ — а Марья спрадаешь ужасно: Федоръ бѣжитъ къ

Частному Приславу, рассказываетъ ему о положеніи своей жены, получаешь на помощь себѣ драгуна, и кое-какъ проводишь свои сани между рядами карепш. Марья почти безъ чувствъ... наконецъ они подъѣзжаютъ къ своему домику.

И шупь бѣда! Бѣдная Марья! Слуга и служанка зная, что господа пробудутъ въ маскарадѣ, по крайней мѣрѣ до перваго часа, воспользовались свободнымъ временемъ, чтобы навѣспить своихъ знакомыхъ. Ушли и все заперли: и двери и шкапы.

Федоръ выламываетъ дверь и вноситъ на рукахъ свою бѣдную Марью въ комнату. Она едва дышетъ; съ каждою минутою усиливающаяся ея скорбь; Федоръ кладетъ ее въ передней, и выламывая дверь за дверью, наконецъ открываетъ спальню. Переноситъ жену на постель, и едва положилъ ее, она—родила мальчика!

Бѣдная Марья! Бѣдный Федоръ! Не имѣя никого, кто бы помогъ родильницѣ, не смѣя оплутаться опъ нее и шерзаясь своимъ незнаніемъ въ споль важномъ слу-

чаѣ, Федоръ былъ въ ужасномъ положеніи ..а Марья! Богъ знаешь, что бы случилось съ нею, еслибы спарая кухарка не воропилась домой и не вошла въ спальню. — “Мапрена!—Самъ Богъ послалъ тебя сюда! Ради Бога помоги ей!”, кричишь Федоръ — и Мапрена — царство ей небесное! — Мапрена спасла Марью!

Смершная блѣдность исчезаетъ съ лица Федора; его дикіе, неподвижные глаза, радостно заблнспали и слезы сердечнаго умиленія оросили младенца, копорато онъ принялъ изъ рукъ Мапрены. Въ восхищеніи онъ бѣгаетъ съ ребенкомъ по всѣмъ комнашамъ — въ безумной радости кладетъ его по на канапе, по на кресла, по на споль ... онъ не знаетъ куда дѣшъ своего малюшку, гдѣ найши для него спокойное мѣспечко. Наконецъ Мапрена выводитъ его изъ восхищнпельнаго забвенія и именовъ барыни проситъ его въ спальню. Онъ бѣжитъ къ Марьѣ, кладетъ подлѣ нее малюшку, цѣлуешъ ее, плачешъ.

Все это случилось ровно чрезъ девять мѣсяцовъ послѣ того дня, въ продолженіи котораго Федоръ слышалъ одно и тоже: *нѣтъ ваканціи!* Ровно чрезъ девять мѣсяцовъ послѣ того вечера, который онъ такъ грустно провелъ со своею Марьей. *Нѣтъ ваканціи!* тогда было у него безпрестанно въ головѣ; Марья, съ тѣми же мыслями легла спать... бѣдный младенецъ! бѣдный Макарь! (новорожденный) шы невиновашъ, но кажешся это: *нѣтъ ваканціи!* имѣло вліяніе на всю жизнь свою!

Бѣдный Макарь! шесть недѣль оставался онъ некрещенымъ. Федоръ хошѣлъ, чшобъ восприемниками его Макара были Генераль и Графиня: Генераль его благодѣшель, Графиня благодѣшельница Марья. Но на ту пору Генераль уѣхалъ въ деревню, Графиня занемогла ... бѣдный Макарь! при самомъ вступленіи въ свѣшъ, шы уже принужденъ ждашъ!

Прошелъ годъ—у Федора родился еще сынъ; пошомъ черезъ годъ еще сынъ; по-

шомъ черезъ 9 мѣсяцовъ дочь — потомъ черезъ 10 мѣсяцовъ другая дочь; потомъ черезъ 11 мѣсяцовъ оцѣнь сынъ, и того — у Федора спало шесть человекъ дѣшей. Но ни одинъ не являлся на эпошъ свѣшъ такъ не во время, какъ Макаръ, бѣдный Макаръ! За шо, и Федоръ никогда не хлопалъ шакъ, какъ при рожденіи Макара. Его Алексѣй, Машвѣй, Марья, Дарья, Андрей — родились порядочно — можешъ бышь и опъ шого, чщо Федоръ переспалъ уже говоринъ: *нѣтъ ваканціи!* и не ложился спать безъ ужина.

Шести лѣшъ, Макаръ умѣлъ читашъ и писашъ. Добрая мать была первымъ его училемъ, и Макаръ никогда, ни у кого не учился шакъ прилежно и охотно какъ у своей матери. — Макаръ спрашно любилъ ее; довольно было одного ея слова, взгляда, чшобъ сдѣлать изъ упрямаго, дикаго Макара послушнаго и крошккаго. Сидя подлѣ нее, съ *Дѣтской Библіотекой* въ рукахъ, Макаръ былъ счастливъ, и забывалъ спросоти и наказанія, которыя шерпѣлъ опъ опца. Скоро онъ

узналъ уже наизусть всю книжку, и мать не мѣшала ему чипать книги изъ Ѳедоровой библіюшеки. Макаръ перечель все, что въ ней было: *Задига*, *Дѣянiя Петра Великаго*, *Жизнь Суворова*, *Зерцало Россійскихъ Государей*, *Аргениду*, *Оберона*, нѣсколько книжекъ *Политическаго Журнала* и *Московскiя вѣдомости*. Что понималъ семилѣпный Макаръ въ *Задигѣ*, *Оберонѣ* и проч. — не знаю — но мать и отецъ видя, что Макаръ безпре-
шанно чипаетъ, радовались... „Макаръ будетъ ученый!“, говорилъ отецъ. — Онъ будетъ сочинитель! говорила мать.

Макаръ чипалъ, большею частію не понимая того, что прочель; но онъ чувствовалъ какое-то невольное влеченіе ко всему печатному: книга, какая бы она ни была, казалась ему вещью, копорую онъ не сравнивалъ ни съ чемъ на свѣсѣ и вся польза, копорую Макаръ получилъ отъ книгъ, была въ томъ, что онъ — испортилъ зрѣніе.

Другая выгода, копорую приобрѣлъ Макаръ чпеніемъ, была та, что его ош-

дали въ Пансіонъ. Опцу хопѣлось помѣспить его въ Университетъ. *но не было ваканціи!* и онъ принужденъ былъ ввѣрить Макара иностранцу, и сверхъ того платить 120 р. въ годъ за содержаніе и ученіе. Макаръ — въ Пансіонѣ! Ему весело: но онъ не умѣетъ выразить это веселье; не можетъ явно показатъ его. Ему приятно; но лице его холодно: онъ сидитъ въ углу и разсмаприваетъ прочихъ дѣшей спокойно и равнодушно. И во всю бытность свою въ Пансіонѣ онъ былъ одинаковъ: прилеженъ, молчаливъ, равнодушенъ къ удовольствіямъ своихъ товарищей; но любимъ ими. Учителямъ не нравилась его физіогномія, и они также не нравились Макару. Онъ былъ правъ; съ его стороны были: прилежаніе, рачительность, вниманіе, скромность; съихъ стороны — непонятная метода ученія, грубость и какое-то неблаговоленіе къ особѣ Макара. Онъ это замѣшилъ и молчалъ; но когда увидѣлъ, что награждаютъ лѣнливыхъ и переводятъ въ высшіе классы негодяевъ, Макаръ потерялъ уваженіе къ своимъ наставникамъ.

Онъ спалъ говоришь, что несправедливо награждаютъ лѣнниковъ и негодяевъ; его наказали, и Макарь сдѣлался явнымъ пропивникомъ своихъ учителей. Несмотря на то, онъ достигъ въ свою очередь высшихъ классовъ — и сдѣлался первымъ воспитанникомъ Пансіона. Оснадацапи лѣтъ оставилъ онъ школу и возвратился домой.

Надобно замѣшить, что и въ Пансіонѣ сначала не знали куда помѣстить его. Воспитанниковъ было много, а комнатъ мало, и Макарь почти полгода жилъ въ гостинной содержателя Пансіона. Возвращаясь домой, точно также не знали, гдѣ опвесить ему уголокъ для его кровати и письменнаго стола; онъ же припащилъ съ собою кучи щедрей и нѣсколько сундуковъ съ книгами.

Федоръ, въ продолженіи этого времени сдѣлался извѣстнымъ дѣловымъ человекомъ, и жилъ довольно роскошно. Прочія дѣти его воспитывались дома и были окружены гувернерами, гувернанска-

ми, учишелями. Каждый гувернеръ и каждая гувернаншка имѣли свою особенную комнапу: но какъ ихъ попревожишь? Макаръ долженъ былъ спать въ госпинной—а письменный его сполкъ, шешради и книги выспавили на чердакъ. Это не понравилось ему... онъ принужденъ былъ по неволѣ ходить взадъ и впередъ по комнапамъ, и часпо не спашъ, до двухъ и прехъ часовъ, когда госпи сидѣли за каршами въ его спальнѣ.

Онъ пошелъ къ опцу и сказалъ, что хочешъ бытъ спудентомъ. — “Спупай въ Университешъ!”, отвѣчалъ ему опецъ, и Макаръ явился къ Ректору. *Не было ваканціи* казеннаго спудента; но Макаръ принялъ въ число своекошпныхъ. Теперь онъ доволенъ своею судьбою: слушаешъ лекціи и бываешъ дома шолько во время обѣда и вечеромъ.

Однакожь — не думайше дурно о Макарѣ! Не думайше, что въ немъ охладѣла любовь къ родителямъ, что онъ равнодушенъ съ братьсями и сешрами. Нѣшъ! сердце его чисто и добро — любовь къ

роднымъ составляешь все его счастье. Онъ видѣлъ, что состояніе отца его не такъ значительно, чтобъ могло выполнить его требованія: онъ видѣлъ, что воспитаніе сестеръ и братьевъ уносишь большую часть Федорова дохода; онъ зналъ, что кромѣ госпоиной негдѣ сдать ему... нѣтъ, нѣтъ онъ былъ добрый малой! и никакое низкое чувство не возмущало его въ домѣ родительскомъ. Все свободное время онъ проводилъ съ матерью, братьями и сестрами, и всѣ любили его, потому что съ ними онъ всегда былъ веселъ, забавенъ, занимателенъ.

Прошло еще при года; Макаръ оспавилъ Университетъ и получилъ студенческій дипломъ. Теперь всѣ мысли его стремились — за границу. Ему такъ хотѣлось видѣть ученыхъ Германцевъ, веселую Францію и садъ Европы — Италию! Отецъ и мать не противидись его желаніямъ; но разговоръ обыкновенно оканчивался словами: “Какъ бышь! ты самъ видишь наше состояніе — а путешествовать дорого!,,

Вдругъ предспавился прекрасный случай для Макара. Одинъ богатый человекъ, отпрапляясь во Францію, искалъ себѣ Секретаря. Макаръ бѣжипть къ нему, но не застаепть его дома; идешь въ другой разъ. — “Очень сожалѣю! опвѣчаепть ему богатый человекъ, что не познакомился съ вами прежде: вчера вечеромъ я условился уже съ однимъ молодымъ человекомъ, и онъ ѣдепть со мною!,,

---

Печально возврапился Макаръ опъ богашаго человека; ему казалось, что все для него кончилось на эпомъ свѣшѣ!

Желанія его уже выполнялись; онъ видѣль уже въ мечшахъ своихъ и ученую Германію и веселую Францію; онъ уже совсемъ пригошоплялся къ пушешествію: сеспры плакали уже, слушаая его, какъ онъ поѣдепть, что увидипть, опкуда будепть писапть къ нимъ... онъ уже написаль маленькую Элегію на опъѣздъ изъ опечеспва ... и послѣ всего эшого долженъ осшавашься дома! О Федоръ! Федоръ! За чемъ говориль ты 21 годъ тому назадъ: “нѣпть ваканціи! нѣпть мѣспа!,, О Марья!

зачемъ пы поѣхала въ маскарадъ — и не доѣхала?

Макаръ въ задумчивости сидѣлъ въ залѣ и смотрѣлъ на улицу. Ему казалось, что онъ одинъ среди безводной степи, ограбленъ, оставленъ караваномъ. Никогда не было ему такъ грустно, такъ больно! Въ эту минушу сестры его вошли въ комнату. “Перестань грустить, Макаръ! сказала старшая. Будь веселѣ! поѣдемъ съ нами! Макаръ взглянулъ на нее, и ошворопился онапъ къ окошку. — “Въ самомъ дѣлѣ, сказала меньшая, поѣдемъ съ нами, Макаръ! слышишь ли? Макаръ! Слышишь ли? Поѣдемъ съ нами!,, — Но куда ѣхашъ? — “Въ деревню, къ своей крестной матери, къ Графинѣ., — Что я шамъ буду дѣлать? — “Гуляпъ по полямъ, по рощамъ; ѣздипъ верхомъ, спрѣляпъ, ловипъ рыбу.,, Макаръ задумался—сестры въ молчаніи ожидали его отвѣта. — Хорошо! я ѣду! — “Прекрасно! прекрасно! закричала меньшая — такъ будь же готовъ; мы чрезъ полчаса ѣдемъ.,,—Чрезъ полчаса, двѣ сестры, гувернантка и Макаръ сѣли въ карету и поѣхали въ деревню къ Графинѣ.

Весело разговаривали сеспры о своихъ удовольствіяхъ въ деревнѣ; уныло сидѣль Макаръ, занятый своими неудачами. Деревня была въ 30 верстахъ отъ города, и чрезъ три часа они въѣхали въ высокую аллею, ведущую къ дому Графини.

Прекрасный, сельскій домъ предсталъ имъ, когда они въѣхали на равнину ...они у крыльца...выходящъ изъ кареты, идущъ къ Графинѣ. Въ это время съѣхалось къ ней множество гостей изъ города и сосѣдей по деревнѣ. Наши путешественники нашли комнаты, наполненныя веселыми знакомыми Графини.

Графиня давно не видала своего крепника; какъ удивилась она Макару! “Боже мой! сказала она—Макаръ! бѣдный Макаръ: какой ты маленькой! Какой ты дурной!”,—Это привѣтствіе такъ понравилось Макару, что онъ забылъ даже поцѣловашъ Графинину ручку. Покраснѣвъ и моргая глазами, опошелъ къ окошку. Въ числѣ гостей не было ни одного ему знакомаго; онъ осмопрѣлся—увидѣль, что находишься между людьми, совершенно съ нимъ несходными, и началъ тихонько проклиная свою поѣздку.

Графиня, креспная машь маленькаго, дурнаго Макара, была вдова богатая, образованная, любезная; обыкновенно жила лѣпомъ въ подмосковной и всегда окружена была обществомъ любезнѣйшихъ людей, аршистами и спарыми обожашелями. У нее былъ только одинъ сынъ, и пошь еще учился въ одномъ Нѣмецкомъ Университетѣ; съ нею же всегда жила племянница и двѣ бѣдныя дѣвушки, поже ея креспницы. Деревня ея всѣмъ нравилась. Совершенная свобода и всегда новыя удовольствія привлекали туда безпреспанно городскихъ жипелей и сосѣдей.

Графиня примѣшила, что Макарь заспѣнчивъ, робокъ, и изъ соспрананія рѣшилась сдѣлать изъ него свѣпскаго человека. Все время, проведенное имъ въ деревнѣ, онъ былъ безпреспанно занятъ: Графиня, зашавляла его рисовать виды, чишашъ новые романы, пѣшь, играшъ на пиапрѣ, сочиняшъ стихи, и Графиня не рассказалась въ своихъ шпудахъ. Макарь сдѣлался ловокъ, развязень, выучился пришно рассказывать всякой вздоръ, смѣшишъ, и его полюбили и женщины и мужчины.

Но вдругъ Макарь сдѣлался задумчивъ, екучень, несносень въ обществѣ. Пѣль фальшиво, рассказывалъ вяло, бросилъ рисованье..Графиня прежде другихъ эшо примѣшила. “Онъ влюбился! сказала она .. но въ кого? Эшо надобно узнать!,,—И почно —Графиня узнала шайну несчастнаго. Макарь почно влюбился! И въ кого же? Въ Княгиню Х.. Онъ любилъ первый разъ въ жизни, и любилъ безнадежно. Княгиня, прекрасная, молодая женщина, обожала своего мужа, Гусарскаго Полковника. Чшо же могло воспламенить Макара? Свободное обращеніе Княгини. Она всегда рисовала подлѣ Макара; съ Макаромъ капалась въ маленькой лодочкѣ по свѣплымъ прудамъ; Макарь былъ ея кавалеромъ, когда ѣзжала верхомъ .. Одинъ разъ случилось, чшо онъ игралъ на театрѣ ея любовника. И вопшь все — вопшь все, чшо вскружило голову бѣднаго Макара! Но ему суждены—однѣ неудачи.

Графиня забавлялась его спраснію; сказала о шомъ Княгинѣ, и скоро Макарь увидѣлъ, чшо любовь его сдѣлалась пред-

мешомъ общихъ шупокъ. Онъ не могъ перенести своего униженія — и, къ удивленію всѣхъ, ушелъ пѣшкомъ въ городъ. Теперь не путешествованіе въ чужіе края мучило его — нѣтъ! но образъ прекрасной, насмѣшливой Княгини! Отецъ удивился его неожиданному приходу; еще болѣе удивился, когда Макаръ, очень серьезно сказалъ ему, что хочешь идти пѣшкомъ — въ Римъ! Вѣрно ему очень понравилось пѣшеходство! “Но подумай, что ты хочешь дѣлать, Макаръ!”, сказала мать. — Ты въ горячкѣ! сказалъ отецъ — и вмѣсто Рима тебѣ надобно идти въ больницу. — Макаръ не отвѣчалъ ни слова...но сердце его заняло...онъ не зналъ, что ему съ собой дѣлать!

На другой день Федоръ призвалъ къ себѣ Макара. “Макаръ! сказалъ онъ, выбрось изъ головы своей путешествованіе... надобно подумать о службѣ. — “Макаръ съ изумленіемъ взглянулъ на отца. Мысль о службѣ никакъ не приходила ему въ голову — но въ ту же минуту, онъ увидѣлъ, что одна служба должна занять его теперь. — “Поѣзжай въ Пешербургъ!

продолжалъ опець — я приготоовиль для тебя много рекомендательныхъ писемъ къ моимъ знакомымъ—служи, ищи — ты видишь самъ, служба еспь единственнй способъ къ возвышенію, и къ приобрьшенію свободнаго состоянія, и тебѣ спыдно, въ твои лѣта, жишь въ бездѣйствіи.,

Макаръ оживился—и пыльное воображеніе заиграло будущимъ! Онъ молчитъ—но мысли его бродятъ въ Пешербургѣ; онъ видишь уже себя важнымъ лицомъ... “Чшожь ты думаешь? сказалъ опець — Когдажь ты поѣдешь?., — Хопь сію минушу! опвѣчалъ Макаръ— Точно пакъ, бапюшка! я буду служишь, и вы будете мною довольны!

Онъ цоцѣловаль у опца руку и пошелъ къ машери объявишь ей новую перемѣну въ своей судьбѣ.

И вопъ нашъ Макаръ уже на дорогѣ въ Пешербургѣ! Съ нимъ его старый дядька Максимъ—добрый, честный спарикъ, бывшій при немъ со времени его всщупленія въ Пансіонъ. Куча рекомендательныхъ писемъ и 500 р. денегъ соспавляють богашство и надежды Макаровы.

Образъ Княгини уже не мучилъ его. Онъ занявъ однимъ Chespolubiemъ, и воображеніе рисуешь ему улыбки начальниковъ и вельможей. Въ самую полночь Макаръ въѣхалъ въ Пепербургъ. . . Всѣ пракширы были наполнены приѣзжими, и нигдѣ не принимали Макара. Весь городъ спалъ, и нашъ путешественникъ разъѣзжалъ, какъ дозоръ, отъ пракшира къ пракширу; вездѣ долженъ былъ ждаль, пока разбудяшь хозяина и вездѣ слышалъ одно и тоже: *все занято!* Къ бѣльшей досадѣ пошелъ проливной дождь—Макаръ бѣсишся. Наконецъ ямщикъ привозитъ Макара въ Ямскую. Тамъ, на постояломъ дворѣ, ошвели ему маленькую сырую комнату — темную, грязную . . . но Макаръ и шому былъ радъ.

На другой же день Макаръ ошправилъ ся развозитъ рекомендащельныя письма; но къ кому ни приѣзжалъ, вездѣ слышалъ: *нѣтъ дома!* Заспалъ только одного спарика Разспросова. Разспросовъ принялъ его, какъ роднаго, обласкалъ, разсказалъ, когда заспавашъ дома людей, къ кошорымъ Макаръ имѣеть письма, и продер-

жалъ его своими разспросами до прехъ часовъ. Макаръ думалъ, что его оставяшь обѣдашь . . . ничушь! Разспросовъ сказаль, что ѣдешъ на купеческій обѣдъ, пожелалъ Макару успѣховъ, и взялъ шляпу. Макаръ долженъ былъ ѣхать безъ обѣда; не зная улицъ, пошелъ онъ на удачу опыскивашъ Ямскую; но голодъ принудилъ его зайни въ респорацію. Входишь — всѣ мѣста заняшы. Ожидаетъ конца обѣда, дождался и слышишь, что другаго обѣда не будешъ. Макаръ побрель съ досадою и голодомъ. “Нѣтъ дома! нѣтъ обѣда! нѣтъ кварширь! плохой приѣздъ!”, думалъ Макаръ; думалъ, и зашелъ на Васильевской оспировъ . . . наконецъ принужденъ былъ взять извощика—едва опыскаль свою кварширу—едва нашель шарелку супу и кусокъ говядины для утоленія голода.

“Не въ добрый часъ выѣхали мы изъ дома!”, сказаль Максимъ. — Да не въ добрый часъ и въѣхали въ Пешербургъ: нѣтъ кварширы! нѣтъ дома! нѣтъ обѣда! . . . Максимъ! — “Чего изволише?”, — Нравится ли шебѣ Пешербургъ? — “Да я не видалъ его хорошенько.” — Мнѣ такъ не нравится! —

“Такъ скоро?,,—Здѣсь, кажешся, живущъ полько для себя! — “Чшожь? Это недурно!,,—Заняшы полько собою! — “Это не хорошо!,,—Огромные, красивые дома наполнены гордыми бѣдняками!..но къ спаши о домахъ...надобно перемѣнить кварширу.—“Конечно, сударь!,, — Маленькую, двѣ комнашы.—“Начшо болѣе!,,—Съ хорошею, чиспою мебелью.—“Конечно, сударь!,, Завесшь чай, сахаръ, кофе..—Необходимо, сударь!,,—Проголодавшійся Макаръ, въ продолженіе эшого разговора, ѣль очень усердно—Максимъ спояль прошивъ него...Они долго еще говорили, и Макаръ рѣшилъ, чшо прежде надобно найши кварширу и завесши свое маленькое хозяйство, а потомъ развозишь письма..

Онъ такъ и сдѣлалъ; нашель чиспыя двѣ комнашы, завель чай, кофе — и пуспился съ письмами. Содержаніе эшихъ писемъ было одинаковое: опецъ рекомендовалъ сына и просиль объ опредѣленіи его въ какое нибудь Минисперство. Бѣдный, неопышный Макаръ воображаешъ, чшо ему спойшь полько показашься и все для него гошова: и мѣсто и чины и

кресты. И Федоръ думалъ, судя по собственнымъ чувствамъ, что знакомые его, съ копорыми онъ во всегдашней перепискѣ, будущъ ради случаю помочь Макару. Федоръ судилъ по собственнымъ чувствамъ; онъ всѣмъ гошовъ былъ сдѣлать всевозможное добро, гошовъ былъ исполнять всякія требованія своихъ знакомыхъ. Его первое и лучшее удовольствіе было: служить и помогать ближнимъ.

“Какъ ты оставилъ отца? Здоровъ? А?,, — Слава Богу, Ваше Превосходительство! — “Ты хочешь служить? А? Но теперь нѣтъ для тебя мѣста ... развѣ сверхъ комплекта. Прощай!,,

Такъ говорилъ Макару одинъ изъ важнѣйшихъ приятелей Федора.

“Здравствуй...я очень радъ! я попрошу о тебѣ Графа! Я увижусь съ нимъ скоро! Я самъ буду писать къ отцу! Зайди ко мнѣ черезъ недѣлю! Я дамъ тебѣ отвѣтъ!,,

Вотъ что сказала Макару другой знашный приятель Федора.

“Жаль, очень жаль, что я не зналъ васъ прежде! Я бы помѣстилъ васъ въ Канцелярію — но теперь нѣтъ ваканціи! а

вы не захопите служить безъ жалованья.,,
 Вотъ слова прешьяго прияшеля Федора.

“Вы были у *N.*? Чшожь онъ вамъ сказалъ? „ — *Нѣтъ ваканци!* — И я поже думаль... сами видите... очень прияшно мнѣ познакомись съ вами. Бапюшка вашъ... мой спаринный прияшель!.,

Эшо говорилъ Правитель Канцеляри *N.* (перваго, къ которому адресовался Макаръ.)

Словомъ: Макаръ ошо всѣхъ слышалъ одно и поже: *нѣтъ ваканци!* Прияшняя надежды блѣднѣли. Будущее — казалось ему мучительнымъ продолженіемъ однѣхъ неудачъ.

Нечего было дѣлать! Макаръ опредѣлился безъ жалованья! — “Какъ бышь! писалъ къ нему ошець, послужи покуда и шакъ!.,

Макаръ служить годъ; благодѣтели его безпокояшся о немъ какъ нельзя болѣе — но жалованья нѣшь, и Макаръ все на содержаніи опца.

Макаръ спыдился просить; Макаръ взялъ себѣ въ голову, чшо въ службѣ на-

добны не слова и поклоны, а поступки; не мѣлочныя угожденія — а прилежное исправленіе своей должности. Макаръ чудакъ!

Заняшый службою, и не имѣя способъ поддержать знакомство, которое доставили ему опцовы письма, Макаръ даже рѣдко являешся къ своимъ сильнымъ покровителямъ? Ему кажется, будшо для нихъ неприятна его просительная мина; будшо бы они всячески избѣгають разговора о его службѣ; ему кажется — что они занимающся имъ шочно шакъ, какъ старымъ плашемъ, которое они опдали своимъ камердинерамъ. Можешь бышь шо, что ему казалось, было шакъ въ самомъ дѣлѣ; но Федоръ не шѣ думаетъ! Его добрая душа не постигаетъ, какъ можно не помочь бѣдняку? Какъ можно, имѣя всѣ способы дѣлать добро, не употреблять эшихъ способевъ, и Федору кажется — что виновашъ Макаръ!

Прошелъ еще годъ. Нѣшь мѣста Макару! Нѣшь ему жалованья, и Федоръ попрежнему долженъ пересылать къ сыну деньги и рекомендацельныя письма!

Только и опрады было для Макара чпеніе и разговоръ съ добрымъ Максимомъ. Однажды, Макарьъ возвратился домой, необыкновенно мраченъ и уныль. “Что съ вами сдѣлалось, сударь? спросилъ его Максимъ — никогда не видалъ я васъ такимъ печальнымъ!”, — *Нѣтъ ваканціи*, Максимъ! — “Что же дѣлать, сударь!”, — *Нѣтъ ваканціи* два года! — “Можешъ бытъ на прешій годъ получите мѣсто...не надобно опчаяваться.” — Но есть ваканціи — есть мѣста. — “Просите, сударь!”, — Я просилъ — да, я даже просилъ ... но и шо не помогло! —

Съ этой поры Макарь пересталъ заниматься службою, и посвятилъ весь досугъ свой своимъ любимымъ занятіямъ: чпенію и рисованью — и на знакомства, копорья ему нравились. Теперь еще меньше могъ онъ надѣяться на будущее. Максимъ сдѣлалъ ему замѣчаніе; но Макарьъ ошвѣчалъ ему ясно и убѣдительно, что...

Такимъ образомъ еще прошелъ цѣлый годъ ... но какой годъ для Макара! Онъ чаще, нежели у другихъ, бывалъ у одного стараго Совѣтника. Ему нравилось его сѣмейство, и онъ проводилъ тамъ почти

цѣлые дни. Страсшь къ Княгинѣ исчезла дорогой въ Пешербургъ—но сердце оспало у бѣднаго Макара... Макарь опяшь полюбиль ... дочь Совѣтника, прекрасную, чувствительную Елену. Забыша служба, забышы: всѣ неприятности, всѣ покровипели. Макарь видиць во всей вселенной одну Елену: всѣ радости, все счастье его ограничены—обладаніемъ Елены. Елена привыкла къ Макару; любила слушашъ живой разговоръ его о неудачахъ, о несправедливостяхъ, копорыя онъ испыталь... Елена видѣла въ Макарь добраго, образованнаго юношу — и опличила его опъ прочиць. Макарь въ восхищеніи готовъ уже былъ опкрысья Совѣтнику, просишь руки... и узнаешъ, что Елена уже помолвлена! Вѣдныи Макарь! *Нѣтъ ваканціи!* — Онъ занемогъ.

Изнуренный болѣзнію и глубокою горестію, лежалъ бѣдныи Макарь на постелѣ своей, и съ дикою радостію рассказываль своему Максиму испорію своей жизни. “Чувствую, что скоро умру—говориль онъ—и радуюсь! Я былъ лишній на этомъ

свѣшѣ! Ни дома, ни въ школѣ, ни въ службѣ для меня — не было мѣста! Я любилъ — и женщины, мною избранныя, принадлежали уже другимъ! Даже въ самыхъ неважныхъ желаніяхъ моихъ я встрѣчалъ однѣ неудачи... умру... земля дастъ мнѣ мѣсто!,,

Бѣдный Макаръ! Судьба преслѣдовала его до самой смерти!

Лѣкаръ, копорый его лѣчилъ, въ то самое время овдовѣлъ, и въ минушу душевнаго распройсхва, прописалъ Макару лѣкарство, совсемъ противное его болѣзни... Едва принялъ его Макаръ, и впалъ въ совершенное расслабленіе... Вдругъ глаза его прояснились.—*Ваканція! ваканція!* вскричалъ онъ... вздохнулъ — и его не спало!

Одинъ Максимъ, старый, честный Максимъ, влаетъ о бѣдномъ Макарѣ! Одинъ Максимъ спойтъ у холоднаго шѣла несчастнаго! Онъ нанялъ чепырехъ мапросовъ, и Макара понесли въ приходскую церковь. Въ это время опшѣвали шамъ человекъ десять... нельзя было внести въ церковь шѣло Макара — для него не было мѣста!

Наконецъ понесли его на кладбище... въ тошъ день всѣ полки высступали въ походъ, и улицы были непроходимы.... гробъ Макара долженъ былъ спояшь на одномъ мѣспѣ, пока прошли войска.

Въ прехъ мѣспахъ начинали рышь для Макара могилу — и всегда находили мѣспо заняпымъ!

Максимъ, бѣдный Максимъ поплакаль на могилѣ Макара. “Проспи! добрый баринь! проспи! люди не давали тебѣ мѣспа — и смерть сжалилась надъ побою!,,

I.

~~~~~

ДАМСКІЕ УРОКИ.

“Вы говорите часто о своей неловкости — сказала молодая, прекрасная Марія Д...одному своему знакомому, человѣку молодому — но я признаюсь эшого порока въ васъ не замѣнила,, — О! вы слишкомъ снисходительны! — возразиль молодой человѣкъ.

“Повѣрьте, нѣшь! — продолжала она

— но бытъ еще развѣзѣе — это въ вашей волѣ. Хошите ли я приму на себя обязанность сдѣлать васъ свѣтскимъ человѣкомъ?.,

— Много чести, сударыня! Но я не надѣюсь опъ себя успѣховъ... я шакъ неловокъ, шакъ всегда связанъ. —

“Такъ неловокъ! шакъ всегда связанъ! повторила Марія Д..пожалуйте выкиньте это изъ головы: вы право любезный человѣкъ! Однакожь, хошите ли вы бытъ моимъ ученикомъ?.,

— Увѣряю васъ, сударыня, что я буду предурный ученикъ и не въ состояніи пользоваться вашими лекціями. —

“Лекціями! Я не хочу преподавать вамъ публично лекціи; не буду кричать на споронѣ, что я беру за ваше преобразование — но вы увидите, что уроки мои совсемъ не будутъ шрудны! Ну, къ дѣлу! Вѣдь вы, кажешся, боишесь женщинъ... что ешь... не знаете какъ обходитесь съ ними, или дѣлаешесь робкими въ ихъ присутствіи? Не шакъ ли? Да говорише же!.,

— Такъ - съ! —

“Почему вы боишесь женщинъ? Не

имѣете ли вы къ нимъ аншипашіи, г. философъ? Не даромъ вы писали въ своихъ сочиненіяхъ прошиву насъ! . . . „ — О, повѣрьте, что я обожаю прекрасный полъ; но могу ли ему нравиться, когда не ловко хожу, не танцую .. —

“Мнѣ нужно было знать только любите ли вы женщинъ; а до походки вашей и танцовъ нѣтъ мнѣ никакой надобности.,,

—Какъ! съ радостію воскликнулъ молодой человекъ, вы хотите научить меня нравиться женщинамъ и думаете, что я могу сдѣлаться любезнымъ, не умѣя вовсе танцевать?—

Да, возразила Марія Д., вы будете любезны многимъ женщинамъ, и даже безъ искусства танцевать!.,

Тутъ молодой человекъ опъ души поцѣловалъ ручку благодѣшельной Маріи, и живой румянецъ покрылъ блѣдныя его ланишы.

“Вотъ дѣйствіе перваго моего урока!.,—сказала Марія—и молодой человекъ снова покраснѣлъ.

“Не робѣйте однакожь; продолжала она, если женщины обращаются съ вами

ласково, по упошребиле эшо въ свою пользу. Старайшесь за учтивосшь плашпшь учтивосшю, за комплименшъ — комплименпомъ.,,

—Удивляюсь уму вашему, сказала молодой человекъ. Вы такъ любезны, что слущая васъ, я забываю свою неловкость и ловлю каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ!—

“Прекрасно! сказала Марія Эшо слдсшвие вшораго урока . . . продолжайше съ такимъ успхомъ учпшсь, и вы будете премилый, молодой человекъ. Также не робшше и при другихъ дамахъ, умшше ихъ занимашь, угождашь имъ. . . ищпше въ голоеъ вашей анекдоты, повбспп, фразы изъ лучшихъ авшоровъ, любезничайше, пришворяйшесь чувствительными, принимайше участие въ малшшемъ движенш прпсущствущей дамы, и вы, безъ панцовъ, будете самый свшпскшй человекъ.,,

Молодой человекъ не успълъ поблагодарпшь свою благодшпельницу, какъ явилась къ ней въ комнату, бывшая институтушка, дшвица Р. Прелестный ея спань—пшжное, какъ лиля, личико—лов-

кось и веселось обворожили молодого чловѣка; но онъ, сдѣлавъ ей учпивый поклонъ, думаль о послѣднемъ урокѣ.

—Кшо, эшо, милая?—спросила дѣвица Р. Марію Д. о молодомъ чловѣкѣ?

“Эшо мой ученикъ, опвѣчала она, и ученикъ весьма прилежный и способный. Не хочешь ли испыпашъ его? Тупь она подвела молодого чловѣка къ дѣвицѣ Р. и познакомила ихъ. На первыя слова дѣвицы Р... молодому чловѣку: “Мнѣ очень пріяпно короче узнатьъ васъ, и я желала бы когда нибудь видѣшь васъ въ домѣ моего бапюшки,, — молодой чловѣкъ, взглянувъ на Марію и, нимало не смущась, опвѣчалъ: если я заслуживаю благосклонность вашу, шо опнюдь не приписываю ес своимъ достоинствомъ, но долженъ удивляться добростѣ вашего сердца. — “Безподобно! сказала Марія—жалую васъ студентомъ и даю вамъ апшеспашъ въ присушствіи любезной моей пріяпельницы. Болѣе учишься не надобно. Поспупайше всегда такимъ образомъ!... ,,

—Чшо эшо значитъ? спросила дѣвица Р. Марію. Я васъ не понимаю!—

“А я не смѣю опкрышь секреша. Ска-

жу только, что это не ученикъ мой, а студентъ.»,

Москва.

14—33.

О Журналахъ на 1825 годѣ.

I.

Съ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, Коллежскій Совѣтникъ *Воейковъ* будетъ продолжать изданіе выходящей *ежедневно* въ свѣтъ Газеты: *Русскій Инвалидъ*, или *Военныя Вѣдомости*, и на 1825-й годъ. Въ сей Газетѣ будутъ помѣщаемы:

I. Высочайшіе Приказы по сухопутнымъ Арміямъ и Флотамъ.

(Высочайшіе Приказы ни въ какихъ Вѣдомостяхъ, кромѣ *Инвалида*, не печатающся.)

II. Извѣстія о Всемилоспивиѣйше пожалованныхъ чинами Военными и Спашскими, Кавалерскими Орденами, другими знаками ошличія и награжденіями; также объ опредѣленіи Чиновниковъ къ мѣстамъ, ошспавкѣ, пожалованіи пенсіоновъ и перемѣщеніи ихъ изъ одного мѣста въ другое.

(Почтенные Чинашели *Инвалида*, безъ сомнѣнія, замѣшили *скорость*, съ каковою

всегда сіи внушреннія извѣстія сообщаемы были въ Военныхъ Вѣдомостяхъ.)

III. Топографическія, Статистическія и Историческія описанія разныхъ частей Россіи и другихъ Государствъ, особливо смежныхъ съ Россією, и преимущественно въ Спрагегическомъ отношеніи; описанія походовъ, сраженій, осадъ и всего, что служитъ къ распространенію познаній по части Военныхъ Наукъ.

IV. Библіографія и краткій разборъ вновь выходящихъ на опечесшвенномъ языкѣ книгъ.

V. Открытія по части Наукъ, Искусствъ и Художествъ, и въ особенності относящихся къ военному званію.

VI. Путешествія, т. е., краткія выписки изъ писемъ Русскихъ путешественниковъ о Россіи и о чужихъ краяхъ; извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ путешествующихъ вокругъ свѣта, также замѣчанія о разныхъ странахъ Европы и другихъ частей свѣта.

VII. Любопытныя отрывки изъ Исторіи, особливо опечесшвенной, какъ-то: повѣствованія о важныхъ случаяхъ, преимущественно по Военной части; Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Полководцевъ и воиновъ; военные анекдоты, изображающіе отличныя черты неуспрашимости и великодушія.

VIII. Новѣйшія внутреннія и заграничныя извѣстія.

IX. Благодѣянія.

X. Смѣсь: замѣчанія, переписка, объявленія, и проч.

XI. *Каждый мѣсяцъ* будетъ выходить книжка *Прибавленій* къ Инвалиду, по естѣ: въ годъ двѣнадцать книжекъ. Онѣ въ особености посвящаются избраннымъ новостямъ Литтературы, по естѣ небольшимъ стихотвореніямъ и прозаическимъ сочиненіямъ и переводамъ.

Примѣчаніе. Подписка на Журналъ: *Новости Литтературы*, принимается и особо: цѣна годовому изданію, или XII книжкамъ здѣсь въ С. Петербургѣ 15 руб., а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 20 рублей. Съ cadaго экземпляра сего Журнала вносятся *пять рублей* въ пользу Инвалидовъ.

Прибавленія на 1822-й годъ составляютъ двѣ части; на 1823-й и 1824-й годы *четыре* части; на будущій же 1825-й годъ составятъ также *четыре* части. Число листовъ не назначается; но каждая книжка будетъ содержать въ себѣ не менѣе *трехъ* печатныхъ листовъ. Въ вышедшихъ въ свѣтъ листовъ и книжкахъ *Прибавленій* въ текущемъ году съ 1-го Января по 1-е Августа напечатано 52 Стихотворенія; въ

1822 и 1823-мъ годахъ помѣщено до 200 Спихошвореній . Просвѣщенные Читатели нашли между ними по большой части сочиненія извѣснѣйшихъ Россійскихъ Поэтовъ, какъ-то: Князя И. М. Долгорукаго, Капниста, Жуковскаго, Князя Вяземскаго, А. С. Пушкина, Баратынскаго, Рылѣева, Плетнева, И. И. Козлова. Ф. Н. Глинки, Барона Дельвига, Языкова, Лобанова, Князя Шаликова, Олина, Вуиной, Остолопова, Ивангина-Писарева, Норова, Туманскаго, Глѣбова, Коншина, Писарева, Полеваго и другихъ. Многіе молодые опечесшвенные Поэты въ семь Журналѣ въ первый разъ выступили на поприще: Масальскій, Князь Дмитрій Долгорукій, Милашевитъ, Шишковъ, Маркевитъ, Корльсофъ, Тепляковъ и другіе.

Нынѣшній Издатель *Инвалида* почтешъ себя счастливымъ, если успеетъ сохранить израненнымъ на полѣ брани воинамъ тѣ суммы, кои собираемы были въ ихъ пользу опъ изданія сей Газеты и поддерживающаго благоволеніе почтеннѣйшей Публики, копорымъ онъ три года уже пользовался.

Редакція получаетъ многія иноспранныя Вѣдомости, Журналы и новѣйшія книги; шакже имѣетъ Корреспонденцовъ въ знашнѣйшихъ городахъ Россіи и Европы.

Каждый день, кромѣ воскресныхъ и го-

довыхъ праздниковъ, будешь выходишь по
прежнему поллиспа печатныхъ, а иногда и
болѣе; что сосставишь 153 печатныхъ ли-
спа, или 306 номеровъ.

Цѣна годовому изданію здѣсь въ С. Пе-
тербургѣ 35, а съ пересылкою во всѣ дру-
гіе города Россійской Имперіи 42 руб.; по-
лугодовому же (съ 1го Января по 1е Юля)
въ С. Петербургѣ 20, а съ пересылкою 23
руб. 50 коп. За доставленіе въ дома при-
лагается въ годъ по 10-ши руб., въ полго-
да по 5 рублей.

Подписка опъ жишелей С. Петербурга
принимается въ магазинѣ Коммиссіонера
Редакціи, И. В. Сленина, на Невскомъ про-
спектѣ въ домѣ Кузовникова, прошивъ Ка-
занскаго Собора *). А опъ иногородныхъ въ
Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ.

2.

Журналь СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕ-
НІЯ и БЛАГОТВОРЕНІЯ издаваемый Санкш-
петербургскимъ Вольнымъ Общешвомъ Лю-
бишелей Россійской Словесности, будешь
продолжашься и въ слѣдующемъ 1825 году
подъ прежнимъ названіемъ.

*) У негожь Г. Сленина можно подписываться на
всѣ какъ С. Петербургскіе, такъ и Московскіе Жур-
налы на будущій 1825-й годъ.

Въ составъ сего журнала, издаваемого Обществомъ съ 1818 года, опять предназначены слѣдующія четьре отдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе отдѣленіе будущъ составляшь:

A. *Проза* — Любопытныя историческія ошрывки; записки путешественниковъ, картинныя описанія разныхъ предметовъ, біографіи знаменитыхъ людей; нравственные повѣсти и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

B. *Стихотворенія*. — Всѣ небольшія произведенія Поэзіи; также ошрывки изъ поэмъ, трагедій и комедій.

II. НАУКИ. — Занимательныя изслѣдованія по части нравственно-политическихъ и физическихъ наукъ; разысканіе древностей, особенно касающихся до Ошества нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе отдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ бытъ предметомъ вкуса, какъ то: лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, произведеній отличныхъ художниковъ, и п. п.

IV. СМѢСЬ. — Въ семъ отдѣленіи будущъ помѣщаются: краткія извѣстія объ ошкрытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, которыя должны обратитъ на себя особенное вниманіе; лѣтописи общества — и вообще все, что не могло войти въ прежнія отдѣленія.

Въ печеніе года выдешъ двѣнадцать книжекъ журнала, изъ которыхъ каждую ГГ. подписавшіеся получаютъ непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца. Три книжки будутъ составлять часть сего изданія.

Выручаемыя деньги изданіемъ *Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія* Общество по Уставу своему назначаетъ на постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученымъ и учащимся, о чемъ подробно извѣщаетъ Публику въ статьѣ журнала, подъ названіемъ: *Лѣтописи Общества*; поему желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли, могутъ вносить за экземпляръ годоваго изданія и болѣе подписной цѣны, которая для здѣшнихъ ГГ. подписчиковъ, безъ доставки журнала на домъ, назначается двадцать пять рублей, а съ доставкой и также съ пересылкою въ другіе города, тридцать рублей.

Имена особъ, доставившихъ за журналъ нѣкоторое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и вообще всѣхъ *Благотворителей*, припечатываются въ *Лѣтописяхъ Общества*.

Подписка принимается въ Санктпетербургѣ — въ домѣ Собраній Общества, на Вознесенскомъ проспектѣ, 5 Адмиралшейской части 4 квартала, подъ № 25; также въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера

Общества И. В. Сленина, у Казанскаго моста, и въ Библиотекѣ для чтенія покойнаго В. А. Плавильщикова, у Синяго моста.

Иногородныя особы, желающія получать сей журналъ, могутъ относиться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

3.

Журналъ: *Благонамбранный*, издающійся уже семь лѣтъ, будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1825 году. — Журналъ сей будетъ выходить не по двѣ книжки въ мѣсяць, какъ было до сего времени; но по одной въ недѣлю, и именно по понедѣльникамъ. Каждый номеръ, или книжка, будетъ заключать въ себѣ ошъ *двухъ* до *трехъ* печатныхъ листовъ, или ошъ 32 до 48 страницъ. Тринадцать номеровъ сославяшъ часъ, а 52 N^о полное годовое изданіе. Такимъ образомъ всякія любопытныя литературныя новости сообщаемы будутъ Издателемъ Публикѣ несравненно ранѣе и исправнѣе, нежели какъ было прежде.

Для Журнала: *Благонамбранный* на 1825 годъ, предназначаются слѣдующія отдѣленія:

Изящная Словесность.

Стихотворенія, какъ то: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Романы и стихотворныя опрывки. Стихо-

твореній посредственныхъ, *кроми* своихъ *собственныхъ*, Издашеть помѣщать не будетъ, потому что — какъ сказалъ весьма справедливо одинъ умный Французъ — *les vers raisonnablement bons ne valent pas le diable.* — *Проза:* Рѣчи, Разговоры, живописныя Путешествія, Повѣсти, опрывки изъ Романовъ, и проч. Переводы въ семь отдѣленіи помѣщаемы будутъ только изъ самыхъ новѣйшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ.

II. Литтература, Науки и Художства.

Теорія Словесности, Наукъ и Художествъ. — Разсужденія о предметахъ по всемъ симъ тремъ частямъ, невыходящихъ изъ сферы познаній всякаго образованнаго человека.

III. Критика.

Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, относящихся непосредственно къ *Изящной Словесности*, и разныхъ небольшихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. — Замѣчанія на разные списки современныхъ журналовъ, и ш. п. Замѣчанія сіи будутъ помѣщаемы въ каждой почти книжкѣ. Трудъ сей предоставяеть себѣ собственно Издашеть; впрочемъ общали ему помогать въ этомъ и почтенные друзья его либераторы — не *знаменитые*, но *грамотные*, основательные и *безпристрастные*.

IV. Библиографія.

Извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ Русскихъ книгахъ, съ крашкими на нѣкопорыя изъ оныхъ замѣчаніями, равно и о иносстранныхъ сочиненіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Извѣстія сіи также будутъ помѣщаемы въ каждой книжкѣ *Благонамѣреннаго*. Издашеть имѣеть шеверъ къ сему всѣ способы.

V. Нравы.

Описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ обществъ — карпины домашней жизни — характеры. — Въ этомъ отдѣленіи преимущественно будутъ помѣщаемы оригинальныя сочиненія.

IV. Смѣсь.

Иносстранные и ошечественные анекдоты — Нравоучительныя мысли и разныя замѣчанія — Саширическія вѣдомоопи, безъ всякихъ однако личностей — Разныя любопытныя новости и крашкія выписки изъ новѣйшихъ иносстранныхъ журналовъ — Благошворенія — Вопросы и Ошвѣпы — Загадки, Шарады, Логорифы, Омонимы, Анаграммы и п. п.

Въ прудахъ Издашеля *Благонамѣреннаго* общались учаспвовать многіе извѣстные и даже ошличные литераторы. Издашеть упошребить со своей стороны всѣ зависящія ошъ него способы сдѣлать журналъ свой, сколь возможно запимашельнѣе, разно-

образы, и такъ скажутъ *веселые*, избѣгая болѣе всего сухости, неданшизма, приспрасія и личности; а если паче чаянія и на сей разъ не исполнишь онъ своего обѣщанія — то да будетъ ему стыдно! Первые три, или чешыре книжки *Благонаименнаго* на 1825 годъ лучше всего покажутъ, чемъ именно новое изданіе сего журнала будетъ отлично отъ прежняго.

Хотя Издашель, благодаря почтеннымъ своимъ соудникамъ, не имѣешь недоспашка въ машеріалахъ для Журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію будешь помѣщать въ ономъ доставляемыя къ нему отъ постороннихъ особъ сочиненія и переводы (только не изъ старыхъ иностранныхъ журналовъ и книгъ), если найдешь ихъ по содержанію и по слогу соотвѣтствующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя зашруднишельной обязанности пересылать обратно къ Гг. Сочинителямъ и Переводчикамъ ихъ піесъ, если по какимъ бы то ни было причинамъ, нельзя будешь ихъ напечатать.

Первая книжка *Благонаименнаго* на 1823 годъ раздаваться будешь 1 ч. Генваря. А шеперь за нынѣшній 1824 годъ сего Ноября 15 ч. выходяшь только XVII и XVIII N° *),

*) XIX N° уже печатается и остальные книжки выдутъ также въ непродолжительномъ времени.

копорымъ должно бы выдти 15 Сентября!!!
 Какъ бышь? — On fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut. Издашель былъ боленъ, заняшь многими другими дѣлами, распроены разными неприсянными и непредвидимыми общояшельствами, важными для него, а не важными для Публики. По крайней мѣрѣ *Благонаимѣренный* въ 1824 году опнюдь не былъ хуже, чемъ въ 1825 и предыдущихъ годахъ; книжки не были поньше прежнихъ, и въ нихъ было гораздо болѣе, нежели въ шѣхъ, оригинальныхъ сочиненій и новѣйшихъ переводовъ. Это не только можно сказать, но и доказать. Издашель поспраешя и надѣешя въ слѣдующемъ 1825 году бышь несравненно исправнѣе, нежели въ нынѣшнемъ.

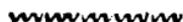
Подписка на Журналь: *Благонаимѣренный*, принимаешя въ Санктпетербургѣ въ Газетной С. п. бургскаго Почтамта Экспедици, кошорая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ; у Издашеля Кол. Сов. А. Е. Измайлова, живущаго на Пескахъ прошивъ Басейна, въ каменномъ шрехъэтажномъ домѣ Моденова подѣ № 306; въ книжныхъ магазинахъ И. В. Сленина, А. Ф. Смирдина и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у Коммиссіонера шамошняго Университетша А. С. Ширлева. Цѣна

за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки, здѣсь въ С. п. бургѣ 50 р. за полугодовое же, или 26 книжекъ 15 р. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается къ годъ по 7 р., а за полгода 5 р. 50 к. Иногородныя благоволяшъ опно-сисься не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или въ Газетную С. п. бургскаго Почтамта Экспедицію. Желаящіе получашъ Журналь сей на Любской бумагѣ, благоволяшъ сверхъ вышеозначенной цѣны прилагашъ на годъ 5 р. и подписашъся за-благовременно, ш. е. въ печеніи нынѣшняго 1824 года.

У Издашеля же *Благонамѣреннаго* можно еще получашъ Журналь сей за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годы, каждый годъ порознь по 20 р., а за всѣ семь лѣтъ вмѣстѣ по сту рублей. На пересылку за каждый годъ особо прилагается по 5 р. а за всѣ семь годовъ 25 р.

А. Измайловъ.

Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ХХVII ЧАСТИ.

I. ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Романсы и Пѣсни:

Сыраи.

Опасносшь	110.
Лири	182.
Русская Пѣсня: Таня милая, жеспокая, и пр.	271.
Ночь на рѣкѣ	272.

Сказки:

Негодный поварь	264.
Пушешественикъ герой	270.
Муха и Свѣча. <i>Басня</i>	180.
П. А. Жм...ой. <i>Послание</i>	107.

Смѣсь:

Къ новошкольнымъ пѣшамъ	45.
Люблю себя	111.
Истинная любовь	—
Голубые глаза	112.
Различіе во времени	—
Молодой насмѣшницъ	—
Отъѣзжающей дѣвицѣ	143.

II

	строк.
Ей	184.
Къ умирающему	273.
Экспролитъ	—
Акrostихъ	567.
Эпиграммы	44 и 368.
Шарады	72.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты.

Несчастія ошь слезъ и вздоховъ 3, 82	и 145.
Волшебный кубокъ	113.
Новый Ермакъ	172.
Бѣдный Макаръ	369.

Сатирическіе отрывки, характеры, и т. п.

Еще минуточку	30.
Минушный романъ	32.
Новый Діогенъ	45.
Путешествія	120.
Нѣжная кришика	125.
Горестная кришика	128.
Преимущества безобразія	140.
А что объ эпомъ скажущь?	160.
Всемирный наслѣдникъ	163.
Сочинители Мелодрамъ	165.
Дождь	167.

Вопросъ и Ошвѣсть	211.
Средства распространяшь кругъ своихъ чишашелей	212.
Кабинетъ рѣдкосей	234.
Разсѣянный	237.
Люблю и не люблю	240.
Сѣдые волосы	241.
Наряды	243.
Горевъ	247.
Признаки романшизма	249.
Когда	250.
Клевешники	253.
Исторія пера	255.
Для чего?	310.
Нѣкоторые предразсудки	311.
Историческая смѣсь	366.

Разныя сочиненія и переводы.

Съшование горешнаго ,	169.
О наслажденіяхъ въ жизни	258.
Дамскіе уроки	397.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Рѣчь, произнесенная Ученымъ Секреша- ремъ 2 ч. Августа въ шоржешшвен- номъ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Ме- дишохирургической Академіи	48.
Разсужденіе о звѣздномъ небѣ	217.

Журналь пребыванія Россійскаго Царя ПЕТРА I въ Парижѣ	280
Взглядъ на правленіе Людовика XVIII	305.
Нравственныя аллегоріи Арабскаго Пи- сателя Азз-Еддина Елмокаддези	312.
Баршфельдскія цѣлебныя воды	324.
III. КРИТИКА.	

Замѣчанія на слѣдующія книги:

1. Веселый разсказчикъ, или собраніе забавныхъ анекдотовъ и остроумныхъ изрѣченій	68.
2. Шотландскіе Пуришане, Историч. Романъ, соч. Валшера Скошпа	73.
3. Машильда при горѣ Хоривъ	78.
4. Мнемозина, собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ	185.
5. Бурсакъ, Малороссійская Повѣсть	274.

IV. СМѢСЬ.

О торжественномъ собраніи въ ИМПЕ- РАТОРСКОЙ Медикохирургической Академіи	61.
Ангеликъ, на заданныя слова	135.
Выписки изъ иностранныхъ журна- ловъ	198 и 283.
Разныя мысли и замѣчанія	33 и 132.
Анекдоты	56, 142 и 190.
Вопросы и Ответы	137.
Извѣстія о бѣдныхъ	286.
Книжныя извѣстія	71, 214, 287 и 402.